

РОЙ

литературный альманах

РОЙ

Независимый альманах
современной литературы

Пенза
2025

УДК 82-18
ББК 84
Р 65

Рой: литературный альманах / сост. А. Коржавина, А. Мартышина,
А. Шумилин, В. Дорошина, М. Герасимова, Н. Князева. — № 2. —
Пенза; Саратов : Амирит, 2025. — 190 с.
ISBN 978-5-00207-899-8

Редакция: almanah.roj@gmail.com
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Анна Коржавина
Анна Мартышина
Антон Шумилин
Вера Дорошина
Марина Герасимова
Надежда Князева

ДИЗАЙН И ВЁРСТКА:

Анна Рябова

ISBN 978-5-00207-899-8

© Редакция альманаха «Рой», 2025.

© Рябова А., 2025.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Немного истории. Альманах «Рой» № 2, который вы держите в руках, де-факто является третьим номером. Первый выходил под номером ноль в 2019-м году, а второй — № 1 — в 2022-м. Почему так?

Причина невольной путаницы с нумерацией — отсутствие на первых порах 100-процентной уверенности в том, что издание станет серийным, так как данный проект является исключительно частной инициативой, требующей вложений не только трудовых, но и финансовых. А как хрупки частные инициативы в сфере искусства, всем хорошо известно. И два интервью в этом номере — о закрывшемся пензенском арт-пространстве «Чёрный рояль» и на данный момент затихших двух самарских поэтических проектах — яркая тому иллюстрация, увы.

Однако новый «Рой» у вас в руках. Поэтому несколько слов о том, о чём и для чего он. Как и два предыдущих, этот номер вышел в свет в Пензе, но не является локальным изданием, а представляет на своих страницах творчество как местных, так и иногородних авторов.

Проза и стихи, опубликованные здесь, — субъективный выбор соредакторов альманаха, которые далеко не всегда сходятся в оценке тех или иных произведений. Оттого под одной обложкой соседствуют, например, тонкая лирика традиционной школы и смелые языковые поиски, стихи романтического покроя и переводы сложно устроенной современной американской поэзии... В море разнообразных поэтических текстов вы встретите островки атмосферной прозы.

Отсутствие строгой концепции в плане содержания компенсируется тем фактом, что «Рой» в немалой степени является продолжением той непосредственной литературной жизни, к которой причастен коллектив соредакторов. В частности, в этот номер вошли стихи и проза многих участников всероссийского фестиваля «Мурмураль», который мы делали в августе 2024 года в Пензе. Широко представлены поэты из Саратова, с которыми нас связывает многолетнее фестивальное общение на саратовском «Центре Весны». Ну и, само собой, как обычно, важным видится дать возможность прозвучать пензенским авторам.

Таким образом, не претендуя на полноту и широту охвата современных литературных тенденций, «Рой» предстаёт субъективным срезом живой литературной жизни, в первую очередь поэтической.

Несколько слов о рубриках. «Полифлёр» представляет подборки стихов и прозу местных авторов, а «Бортничество» — иногородних (из Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Саранска, Арзамаса, Нижнего Новгорода, Ставрополя, Екатеринбург и других городов). В «Сотах» — отдельные стихотворения тех авторов, которых мы рады видеть на страницах альманаха, но их большую подборку по тем или иным причинам в данном номере дать не получилось. «Прополис» традиционно посвящается произведениям о том или ином городе, в этом номере в фокусе — Тольятти. К нашим прежним рубрикам, в числе которых также «Фотопроект», «Жало» (критика) и «Интервью», добавилась новая — «Переводы», которая, надеемся, станет постоянной.

Отдельного слова заслуживают стильная вёрстка и дизайн номера, за что искренняя благодарность нашему постоянному дизайнеру — художнице Анне Рябовой, находящей для каждого выпуска «Роя» нетривиальные визуальные решения и концептуальные фишки.

Всем спасибо!

Вера Дорошина

МОСТЫ ПЕЁ

МАРИНА ГЕРАСИМОВА

СКАЗКИ ДЛЯ ДУРАЧКА

Убей в себе сталкера.
Закопай в придорожных кустах.
Выстирай джинсы и майку
и торгуй серьёзными щами.
Бодро ври окружающим,
что дорога к солнцу проста,
и до рвоты давись
ненавистно простыми вещами.
Разговаривай с холодильником,
стенами, потолком.
Посмотри на часы —
вот они тебя не прощали.

Здесь не осталось
никого из твоей стаи.
Книгу листай,
а на страницах огонь,
и глаза посыпаны пеплом.
Выжженная земля.
Где ты была всю ночь и весь день?
В режиме полёта.
А будет ли квота
на завтрашний вдох
и завтрашнюю любовь?

МОТЫЛЁК

Улица. Ночь. Не светят фонарь и аптека.
Мне не осилить тяжесть горячих век.
За руку встречу случайного человека
и говорю: «Родимый мой человек,
ты, как и я, носитель бессвязной речи,
медленно тлеешь в сером своём аду,
может быть, я укутаю твои плечи?
Может быть, я без стука к тебе войду?»

А человек — рассыпается на мотыльков мохнатых,
медленных кошек и серебристый пар.
И говорит откуда-то изнутри:
«Одна ты.
Это твой дар».

СЕБЕ ПИСЬМО

Ты — пограничник своей боли.
Ходи по кафелинам, не наступай на стыки,
иначе провалишься и сгоришь,
а возродиться влом.

Не вороши чужой муравейник
ни палочкой, ни иголкой,
иначе оттуда повалятся осы
и задавать вопросы
неудобные будут —
на них не заснёшь.

Хорони чешуйчатокрылых
где-то там, за домом,
куда не выходят окна.
Иначе увидит мама и будет
проводить их полёт
стаканами слёз.

Посылай свою тонкую тень
лесом,
витражами из винных осколков
и цветами подножными —
одуванчиками и репьями,
потому что другого не надо,
не надо
тем более роз
из «Дёти фри» за углом.

ВОДА

В радужках цвета реки утопились звёзды.
Я смотрю не на небо, смотрю в глубину
этих зеркал.
Но не звезда — не тону,
а наблюдаю, как падают
сбитые самолёты;
падает юный боец с окровавленным ртом,
падает девушка, думая не о том,
как окрестить дитя и имя ему наречь.

Падает солнце с синих небесных плеч.
Падаю я в прозрачную злую воду.

Здесь не расплавить сердечную соль земли —
здесь не бывали крабы и корабли,
здесь даже можно пройти по коровьему броду.
Падают звёзды, как бомбы, в течение чистой воды.

Только не пей из копытца,
не доводи до беды.

SON

По остывшей земле шелестим
чешуёй золотистых рыбок,
а над нами туман и морок —
бесконечный лес до небес,
разноцветные фонари...
Не смотри на меня —
не сгори,
растворяясь в мутном осеннем пейзаже.
Я теряю резкость и плотность,
ничего не хочу, потому что
желания с рыбками
умерли
и гниют под ногами.
Выдыхаем дым и тепло,
руки сложены в оригами,
а пространство и время —
не определено.
И с тобой никому
никогда
не темно.
Безответно.
Без шансов.

СМЕРТИ — «НЕТ!»

Мне душно, когда меня ждёшь
всю вечность
на остановке,
за облаком ли,
между строк —
всё время с прицелом в висок.
Я не успеваю
дышать этим небом
цветущей мигрени,
глотать ледяную,
колющую, как газировка,

кому-то так важную жизнь.
 Я не успеваю
 и перегибаю все палки,
 и перебегаю дороги на красный.
 Напрасный
 твой крик осветил тишину в переходе.
 Навстречу свободе
 бегу от себя,
 только ты не уходишь,
 зашитая в моём коде.

Я не успеваю,
 не жди.

40 ДНЕЙ (САШЕ)

Так теряют тепло и свет,
 так теряют слова и голос.
 Стёкший грим,
 прошлогодний снег.
 Ты в сугробе увяз по пояс,
 и засасывает тоска.
 Сделать шаг не хватает места.
 Бьёт озноб, середина квеста.
 Несъедобная манна небесна —
 осыпашься с потолка.
 И стоишь, словно ось земли...
 Ой, люли, не боли —
 свали,
 сделай шаг в середину пьесы
 через стену огня и льда —
 упадёт темноты завеса,
 хлынет свет,
 расточатся бесы.
 Всё — вода.

TRANSCENDENCE

Я разрешу
 тебя,
 как белый шум
 в моей башке,
 как быструю лапшу.
 Давиться щастьем,
 писать кипятком.
 Но всё потом,
 когда-нибудь потом.

Вот чёрный снег
и чёртова сирень.
Вернись-умчи
меня, лесной олень
в страну, где я
читаю по слогам.
Я написала мир,
но он лагал.

Все дружбы-жвачки
кончились войной,
любовь —
непроходимую стеной,
качели
улетели
прямо в ад.
Давай отформатируем назад.

Как ни крути,
из палок и говна
хорошие не слепишь времена.
За мокрой шерстью
спрятана луна.
Под белый шум
белейшего вина.

SOMEBODY BO

СТИХИ ИЗ КНИГИ «ЛУНОПИСЬ»

«Лунопись» — масштабное, внежанровое и внесюжетное произведение, которое создавалось на протяжении более чем 20 лет и представляет собой созерцательный дневник сознания в виде коротких поэтических и прозаических записей. В разные периоды отдельные фрагменты книги использовались также в музыкальных, фотографических и художественных коллаборациях.

Моя морозящая SOS-радиостанция
Это свет, замедленный до состояния камня.
Камня, текущего под лежащую воду.
Услышишь ли трансляцию
Невыразительно-сокровенного, невыразимого?
Сквозь залитое в горло олово слов,
Сквозь шершавое крошево сентября...
Тончайшая нить места, отведённого мне,
Натянута из дали в невидаль
По бездорожью непроходимых истин
Между демонами, коим не позволено быть собой,
И ангелами, коим не позволено быть другими.
Моя невнятная SOS-радиостанция
Это свет, замедленный до состояния жизни.

БУДТО БЫ ЭХО

Ребус Мёбиуса в бусах букв
Твоих слов, облитых зеркалами.
Их дымные ленивые колечки
Поднимаются в водорослях
Отвесного весеннего эфира,
Куда-то очень высоко,
Путеводные, нитевидные,
Как бесповоротный приворот,
Как путь вспять пустоте,
Как хрупкость, не требующая ответа.

В омуте смутного понимания
Перевожу лепет воды в шелест песка

Дословно и безыскусно,
Без творчества и вторчества,
Без рифмы и формы,
Хрипло и сухо,
Будто бы эхо.

Это и есть судьба —
Смотреть на медленный снег
Над шипящими кобрами улиц,
Быть пешей мерой вечности,
Раз за разом разглядывать,
Как рыбина длиною в ночь
Глодает рыбину длиною в день.
Как в наступающей непроглядной тьме
Усталые лохмотья людей,
Запинаясь, наизусть, проживают свои жизни,
Двигаясь на последних каплях топлива
Далёкой детской нежности.

Сквозь города, мутнеющие понедельниками,
На огромной глубине,
Где медленно шевелятся
Чёрные водоросли деревьев,
Остаюсь тебе невидимым
Вездесущим сообщником.

Сияющий шелест позывных
Глубоководных радиопоездов
Бережно уносит в ночь
Медовую льдинку твоего голоса.
Но никто не услышит —
Нет свидетелей фактов
На этом эшелоне мира.
И лишь кот моего присутствия,
Свернувшись рыжей Луной,
Дремлет на самом краешке небобытия.

ОСЬ СКАЗКИ

Неподвижность.
Ось сказки. Зима.
А вокруг белёсым колесом
Спицы пальцев цинковых солнц
Штопот пешеходов, штопающих швы луж,
Обезвоженный сыпучий дождь,
Брошенная ноша поношенной Луны,

Белопебязья блажь и чернонервный бред.
 Пустолицая столица, разные человекообразные,
 Равенство между душами, равнодушие...

Бутоны камней сжимают внутри себя
 Свои разноцветные миры.

Необъяснимая.
 В мехах меланхолии,
 В веригах книг.

И я сжимаю вокруг тебя
 Обережное побережье тишины,
 Укрывая от всей этой
 Поножовщины
 Щербатых слов.

Я укутан в сон,
 Что укутан в тело,
 Что укутано в доме,
 Что укутан где-то
 В пустотелой фарфоровой сфере
 Недосказано-тихой, воздушной,
 Исчезающей
 Навеки пропавшим стихом
 Мандельштама
 О белом цвете.

ДЕКАБРЬ

Потеря чёткости в точках чуткости,
 Потеря свойств соприкасаемости —
 Декабрь...

Впускаю в свой домашний зодиак
 Неведомые людям организмы,
 Имеющие форму гласных букв.
 Периоды полураспада их имён
 Как память о безличных состояниях,
 Как способы рождения камней
 На тёплом побережье океана —
 Декабрь...

Кому-то в дар, кому удар
 Без стен, без окон, без дверей,
 Без печи —
 Беспечность
 В звон натянутого света

И монотомность зимних силуэтов,
Карябающих днища дней —
Декабрь...

Над полыньёй магического входа
Дымный свет пустотелой Луны
Пытается спорить
С благоуханием ночи.
Инструменты настроены
Ниже уровня моря.
Температура времени — ниже нуля.
Длина подлинного мира — мнима.
Незримая, необозримая Зима,
Хрустящая ледяной корочкой зодиака —
Ороговевший бэкграунд
Свершившихся событий.

Слишком поздно оглядываться
И соскабливать следы
Перед полыньёй магического входа
В открытые двери.

В створе твоей магии
Пыльца сновидений,
Чернозём чернозим,
Титановый танец звёзд
И непроизносимость
Истинного положения дел...

МИР МЕЖДУ

Между нами весь мир
Неумолимый страж
Даже не мир — мираж —
Страшный, непроходимый,
Текущий сквозь пальцы,
Неуловимый,
Неприкасаемый,
Растворяющий слова и сигналы
Между нами...
Единственный способ знать, понимать —
Вмалчиваться друг в друга,
Передавать телеграммы
По натянутым ниточкам ветра,
По звонкому проводу света,
Азбукой капель дождя,

Узелковым узором
Полупроявленных птиц
Отсюда туда
.....

ПРОВОДЫ ВОДЫ

По проводам воды
Осиновые косинусы осени
Плывут волнами
Объёмов и высот.
Это провода воды
В долгий лёд.
Проводы людей,
Что превращаются в вещи
На почве слова «энергия».
Беспросветный уют,
И вот-вот иссякнут силы
Держать периметр чувств.
Ведь самое страшное то,
Что самое страшное ещё впереди.

АННА КОНОВАЛЕНКО

ПОВЕРХ ЧЁРНОГО

Вылечи меня
На этом кафельном
От убийств и ссор,
Засора и песчаника
Вытащи мои линзы
И спутанные карты
Перетасованные в
Дискриминантах
И прочей аномальной
Цифрости
Препарируй на экстракты
И препараты для
Макро-человекоскопа
А когда закончишь с этим
Напиши или позвони
В колокольчик на шее
Встречу

МАЛЬЧИК И ГОЛУБЬ

Голубь не знает
Что пистолет
Из которого в него
Целился мальчик — искусственный
Мальчик не знает
Что пистолет — настоящий
Мальчик не знает
Что голубь — не голубь
Голубь не знает
Что мальчик — искусственный
Что мальчик — мужик из телика
Что мальчик — не блефует
Мальчик не знает
Что голубь — его младшая сестра
Которая умерла от чахотки

Что голубь — его правая нога
 А пистолет — ядерная ракета
 Мальчик не знает
 Что голубь не знает
 Что смерть — многократна

Зашей меня белыми нитками
 Поверх чёрного замша,
 Который шуршит и чешется.
 Напиши белым шрифтом:
 «В сухом коконе листьев
 Есть что-то уверенное,
 Переломить хребет листа —
 Преступление».
 На солнечном поле,
 Собирая камней слёзки,
 Вспомни о том,
 Что замш лепит к себе пыль,
 Вспомни, что пыль —
 Прах плачущих камней
 Вспомни о том,
 Что помнить
 Убийственно
 Странно.

ГЛАЗА ЛИМОННЫЕ, МОРЯ СОЛЁНЫЕ

Соль твоих кислых глаз
 Капает мне на стол.
 Сколько не вытечет — боль
 Пахнет красным вином.
 Терпкий лимонный свет
 Катится под ковёр,
 Нужно его поднимать
 И снова чинить звон.
 Лодочкой едет бетон,
 Кружится зимний лес,
 Всё это здесь, у нас,
 За гранью серых завес.
 В форточку глянь, встань,
 Колени смочи водой,
 Синею ладонью рва
 Песню тоски пропой.

Укусный шип — моря укус,
 Кораллов мягкий щербет,
 Чувствуешь, как на коже

Фламингом играют в крокет.
Если включить реализм,
То пресный удар дождя
Касается, чуть дыша.
Если уйти во мрак,
То всё происходит не зря.

Тёплых свечных губ
Заметишь ты поцелуй,
Я лишь ноктюрн из труб,
Проснись и меня задуй.

Я — ДЕРЕВО

Я дерево. Когда меня срубят, разведите костёр из моих ветвей.
Мариам Петросян. «Дом, в котором...»

Чешется мох головы,
Полный мушиных гвоздей,
И черенок костей
Ломит от наготы.
Зубьями чеснока
Падает недоснег,
Холодно до черноты,
Пусто до ноября,
Руки плывут — земля
Ими была сочна,
Сточные берега
Не перескачет трава.
Мы соберём рога
Бога лесной игры,
А лучше б нашли икры
Вымерших белых рыб.
Сохнет король берёз,
Он ведь такой же, как ты,
Длинным седым мхом
Примотанный на карниз.
С кирпичным лицом полей
Смотрит рожь сверху вниз,
Рыжим выступил пот
У златоглазых нимф.

Если рисовать
Мелом по стеклу,
Будет осыпаться
Смертная тропа,
Будут остывать,

Скользить
И отпадать
Щупальца мостов,
Ведущих в невозможность.
Если говорить
И тут же забывать,
Будет лучше.
Несомненно, лучше.
Если рисовать
Зубом по локтю,
Музыка скрипта
Создаст из нас похожих
На что-то вроде с ушками,
На что-то вроде с сердцем,
На что-то не людское,
На что-то, что не мы.

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ УЛИЦА

Металлическое усилие
Змеиных хрустких хребтов,
Как звучание фразы;
Транспортная полоса.
Крысиные зубки
Нужны тебе для того,
Чтобы вгрызаться
В мимический сахар лица.
Выискать новое
В свете слепых фонарей,
Старых и глупых,
Как каждый второй матрос,
Холод — кусающий щеки,
Прыгнет с картин Моне,
Из привычных кувшинок
И синих венозных роз.
Выйди на улицу Гоголя, 21,
И перейди 40 раз шоссе.
На сорок первом до тебя дойдёт,
Вышел не там —
Здесь другой отец,
И город немного не тот,
И год, и дерево, плед,
Но это не сильно заметно,
Ты вышел не там ещё
Двести четыре года назад,
На тебе шапку —
Выпусти все черепа
Сквозь трещины шерсти

И кровавые тельца.
На Пáрковой, 45
Всё также весна
И липкий дождь
Без крахмала и Пасмурного
Мешка.
А у каналов трассы
Густеет чёрная долгота,
И хлюпают звуки,
Вытекшие до нуля.

ЛУННЫЕ СЛОНЫ

Укрытая морем дуга — слеза
Лунных слонов,
И если коснуться неба,
То можно им помахать.
Когда ты на палец
Мотаешь прядь,
То крутится колесо
Из тех золотых колосьев,
Что ели ещё обезьяны.
И есть что-то древнее
В нижнем регистре солнца,
Когда на закате
Ты слышишь воздух,
И губы лишь пух
Песчаных растений,
Что шепчут: «дыши»,
«Засыпай», «облезни».
Покройся чешуйками
И пледом из тёплых змей,
Пока ещё в глине не слиплась
Видимость этого мира.

ПРОЩАНИЕ С ИСЧЕЗАЮЩИМ ПЕЙЗАЖЕМ

ЖИТЬ

Жить между рыбой и лётчиком,
В сигаретах исчислять время,
Ждать пухового бремени
Наступающего вечера,

Играть с Большой медведицей
И её чадом,
Ловить ладонями золотых рыбок
С изумрудным детским взглядом,

Встречать рассветы,
Провожать закаты,
Не замечая, что становишься легче.
И вернуться с грибными дождями...

ОСЕНЬ В БЕЗЛЮДНЫХ МЕСТАХ

Полетели
Глазами понизу
Осенью
По лестницам выщербленным
На волю
В пустое поле
Следить дороги
Крылатых сестриц
Верениц

Старого письма образами
Молча
Молча бездонное оплакало
Тикало-такало
Без дорог удалялось
Зналось
Осенью иначе

НОЯБРЬ

Те, что говорят об осени и тоске,
видимо, смотрят не в тот календарь.
Антрацитово-чёрным приходит ноябрь,
вот дожить бы до него и сдохнуть.
Ветром каждая пуля осаживается в виске,

и обычное вдох-выдох подвигом становясь,
повториться грозит не сейчас, а где-нибудь между прочим.
Непролазная грязь
пролегла между мною и домом отчим,
и я чавкаю не торопясь

галошами между строчек
оставляю то букву, то след. Но увы-увы,
ноябрём этим этим словам не судьба родиться.
Просто очень уж мёртвой воды
полны отпечатки твоих копытцев,

и пришпилена буква к бумаге, как жук к доске.
Я не стану спасать тех, кто не смог упасть,
говорит мне ноябрь,
разевая чёрную пасть.
И от этих слов я хочу оглохнуть.

Режь меня, если надо,
Меня много.
Ешь меня, если хочешь,
Меня хватит

На десятки озлобленных ртов,
На десятки прожорливых глаз.
Им не нужен приказ.
Каждый готов.

Что за голод?
Что за жажда?
Каждый второй хочет стать каждым
Первым в очереди за мясом.

Раньше всё называлось ещё по-другому,
Для кого-то любовью, для кого-то жизнью.
Мясо не успевает покрыться слизью,
Оторвавшие кус не всегда доносят до дома,

На ходу поедают.
Да ладно.

Отрежьте ещё,
Пока меня на всех хватает.

Те, кто идут в гору,
Улыбаются мне, летящему вниз.
По их мнению — это любовь.
По моему — каннибализм.

Если где-то есть Бог,
Значит, где-то есть дог,
Значит, где-то на дога надет поводок.
И всё тащит меня жизни линия —
Я кричу, отпусти меня.

Но всё дальше маршрут и всё крепче хомут.
И сандалики морщат, но всё же не жмут.
И кораблики я запускаю по лужам,
Будто знаю, как нужно.
И заведомо зная, не будет земли,
От причала уходят мои корабли.
И идут к горизонту линии.
Отпусти меня.

Ты всё тащишь и тащишь, и тащишь меня.
Я уже не замечу ни ночи ни дня.
Я тащусь за тобой будто вовсе нигде —
Об асфальт зверем сбитым в своей наготе,
Пустотой в пустоту, по камням головой.
Я избитый, убитый, но всё же живой.
И туда, где кончается линия,
Я кричу — отвяжи меня!

И летят самолёты мои к небесам,
И горят, и я знаю, что кончится сам,
Сам собою их кончится к небу полёт.
Потому что есть Солнце и есть самолёт.
И меж ними прочерчена линия.
Не сойти с неё.

И хрипит и клекочет распяленный рот.
Это радость моя чёрной кровью идёт.
Чёрной кровью и пеной, что снега белей,
И я вижу над ней паруса кораблей,
А вверху самолёты летят в небеса,
Им навстречу звенят серебром голоса.
И кончается линия.
И кончается линия.

ДИНАРИЙ

Утро было жарким, день обещал быть таким же.
Мы вышли на площадь, где нанимали работников.
Сосед мой когда-то был солеваром, я поработал плотником.
Сосед мой был нищим, и я был таким же.

А где заработать на нашей скудной земле
Детям, жене и себе на хлеба кусок?
Где-то, я слышал, висят на ветвях плоды, можно есть их мякоть и пить сок
Каждому, не за деньги, но это не в нашей земле.

Утром вышел хозяин нанять умелых людей,
Положил им плату в один динарий.
На эти деньги весь день можно жить всей семье и домашней твари.
Мастера откликнулись, и он увёл работать этих людей.

Время шло, солнце жгло, нас так никто и не нанял.
Так как идти всё равно было некуда, мы ждали до третьего часа.
Снова вышел хозяин, у него-то, видать, есть в достатке и хлеба и мяса,
Вышли к нему умелые люди, а нас так никто и не нанял.

И в шестой час выходил хозяин и звал на работу.
Да на что мы годны хромые-калечные.
У соседа солью изъедены лёгкие, у меня пальцы изувечены,
А хозяину нужна хорошая работа.

А нам нужно хоть что-то, не динарий, сойдёт полушка.
Тогда отойдёт голод и голос детей станет звонче.
Нам-то хоть умереть бы, а их пальцы истончены
Недоеданием. Ах, сколько всего на полушку

Можно купить. Да и мы под собой ног не чуем.
Обсуждаем с соседом, сколько всего бы, всего бы.
Для начала курицы крылышко для бульону, дадим повариться,
потом снимем пробу.
Потом дадим детям и жёнам. И сами уже не чуем

Ни жаркого неба над головой, ни увечий наших, ни голода,
Ни времени хода, а оно пришло к одиннадцатому часу.
И снова выходит хозяин. В этот день мы не ели ни разу,
И нас мотает, как пьяных, мы говорим, ты не думай,
не пьяны мы, это просто от голода.

Говорим, не работники мы, ослабевший какой работник,
Но возьми нас на любую работу, и хоть что-нибудь дай и нам.
Он привёл в виноградник нас. Не привыкшие к чудесам,
Мы раскрыли рты, узнав — поровну здесь получает каждый работник.

Мы работали час всего, когда хозяин позвал к столу
Всех, кто работал, чтобы разделить между нами плату.
Для нас этот час, проведённый вдали от жары и песка, уже был в уладу.
Так за что же платить, но мы тоже пошли к столу.

Первому, второму, третьему он дал по динарию.
Они работали с раннего часа.
Четвёртому, пятому, шестому, седьмому, восьмому, девятому,
работающим с третьего и шестого часа,
Он дал, и нам, позже всех пришедшим, тоже дал по динарию.

Ночью, когда загорелись звёзды на чёрном небе.
Мы на базар пришли за водой и хлебом. Мяса купили,
травы врачевать увечья.
Но врачевать ничего не пришлось, заросла наша плоть человечья.
И в карманах остался динарий, в чёрной дыре карманов звездой в небе.

КСЕНИЯ СОЛДАТКИНА

ДВА ЯЗЫКА

ДВА ЯЗЫКА

У меня есть два языка —
Паука, наверняка
Есть третий — блаженство.
Мои языки не враги,
Но они так далеки
От совершенства.

У меня есть два языка,
Но ни на одном, правда,
Я не знаю ответ.
У меня два языка,
Один говорит да,
Второй — нет.

У меня два языка,
Дурака
Заговариваю
Слегка,
Перевариваю
Вести,
Наговариваю
Лести,
Разговариваем
Вместе,
Но сразу
О разном.

У меня есть два языка,
Но я так близка
К тому месту, где надо молчать.
У меня два языка,
Чтобы мысли и жесты
Твои читать.

У меня два языка,
Немеет рука,
Записывать сразу на двух,
У меня два языка,
И ни на одном я
Не говорю вслух.

У меня есть два языка,
И у каждого из них своя
Азбука.

У меня два языка —
И до потолка светлая
Музыка.

У меня есть два языка,
Или у них есть я?
Не знаю точно.
У меня два языка,
Чтобы называть
И связывать прочно.

У меня два языка,
Слова и музыка,
Левый и правый.
Это такая связка,
Такие узы,
Как переправа.
Как дальние берега,
Рукав и река,
Вблизи издалека.
У меня два языка,
Два языка.
Языка.

Закручиваю смерчи в котелке.
Кручу хвосты невидимым драконам.
Машу стоящим где-то вдалеке
Чужим знакомым.

Я рекам набиваю рукава
Орехами и терпкой рыжей хной.
Я снова безысходно неправа,
Но бог со мной.

Я снова безнадежно далека,
Я притворяюсь честной и лукавой
И штопаю на небе облака
Иглой кровавой.

Игрой в Сизифа двигаю рукой
Непреподъёмных гор тугие плечи.
И Магометом замираю — стой.
Смотри, гора сама идёт навстречу.

РЕАНИМАЦИЯ

Из солнечного сплетения
Торчат лунные ножи

И вытекает жидкость,
Похожая на сок растения.

В своей гравитации реанимация
На помощь уже не спешит,
Не ощущает во мне души
И ощущает желание сдаться.

Когда умирает сердце,
Это ещё не смерть, но разве жизнь?
Жизнь, запомни меня такую и всем расскажи,
Что каждый выходит по-своему
из круговорота инерций.

ВОДЯНОЙ

Он говорит, а ты не слушай,
Не навлекай на себя беды.
Он говорит, никто не выходит сухим из воды,
Но из воды когда-то же вышла суша.

Он не выходит оттуда сам никогда,
Из своего то ли озера, то ли болота,
И никогда не спрашивает небеса — невероятный кто-то,
Тот, кто и есть вода.

Не выходил, не шёл, не бежал, не пел,
Только шептал слова, они были метки.
Ты ли своей водой наполняешь клетки,
Каждую клеточку каждого из наших тел?

Ты ли своей водой наполняешь речь
Каждого, кто так хочет, но не совсем уверен?
Эта вода ключом отпирает двери,
Лишь не мешай ей течь.

Он говорит — и ты пропала,
Кажется, навсегда.
Это тебя захватила вода,
Мягкая, как одеяло.

КОЩЕЙ

Банковское приложение не открывается раз за разом,
Ни по улыбке, ни по паролям, ни по отпечатку пальца,
Ни по всему сразу,
Ни по щучьему велению,
Ни по хотению ничьему.
Кажется, это влияние сглаза.
Кажется, кем-то наводится порча,
Я обесточен,
Я обездвижен, я обескровлен,
Сняты слоями стены и кровля.

Всё моё материальное
Замуровано в телефоне,
Всё теперь нереально.
И смерть моя, спрятанная надёжно,
Даёт ощущение безопасности ложное.
И знаешь, страшнее ни разу не умереть
И не потерять башню.
Я более не бесстрашный,
Я начинаю реветь.
Все пешеходы вокруг умолкли.
Нет никого вообще.
И я разбиваю проклятый свой телефон
в поисках той самой иголки,
Неудачливый Кощей.
Лёгкость бытия
Отправила всё в печать
И не знаю, с чего начинать.
Когда не хочется читать,
Я за это себя виню.
А потом начинается чат,
Люди-буквы стонут, кричат,
И во все стороны торчат
Смятые сны.
Я их храню,
Чтобы помнить свою историю,
Как проходит время, стоит ли
Говорить, что ничего не просто
И не чисто.
Но снова мысли лезут куда-то вглубь,
И пряный звук незнакомых губ
Неопределённо глух и туп,
Как шутки магистра.
Быстро
Стрелки бегут к нулю,
Я не глядя в бутылки лью
Неопределённую мою
Да невысказанную.
Я люблю или я бью?
К крыльям или к костылю?
Я дышу — значит, я пью,
Значит, выдохнули
И триста
Залпом, галопом, выстрелом
По революционерам и коммунистам,
Это атомы теряют единство, и я
Как Хиросима.
Пиротехники и хористы,
Всё смешалось, всё неистово.
И только лёгкость бытия
Мне выносива.

ЕЛИЗАВЕТА ВИОЛОНОВА

НОЖИ ИЗ ЗАЗЕРКАЛЯ

ИЗ ТЕЛЕАКРОЦИКЛА

1

Устал от перемен, всё не привыкну
Теряться на просторах новых карт,
Разлука — вот страшнейшая из кар,
Осколки вновь срастаются на миг, но
Миг мал — не станет новым жизни циклом.

Солёным воздух кажется на вкус,
Осматриваюсь, всё вокруг мне ново,
Ладони колют сотни ветра игл,
Небесный свод в корсеты крыш закован,
Центральный парк в апреле — гол и куц,
Единственная радость — выпить кофе...

Разрытой пастью скалится волк-двор,
Елей дождя сверкает на антенне,
Желе зари легло на неба корж,
Еловых платьев складки — в снежной пене,
Трамвай ползёт, в луж вслушиваясь лепет.

Надломленный, опять брожу один,
Оставленных увижу вновь не скоро,
Железный створ ворот смыкает сторож,
Искомое, должно быть, впереди,
Кораллово-кровавый солнца диск
Оплавился и стёк по крыше томно,
Маня мой взгляд мерцаньем монотонным.

Лимонный свет течёт сквозь льдинки стёкол,
Учусь и я смотреть сквозь пустоту,
Читаю вязь весенних лёгких туч
Ажурную, плывущую с востока...

2

Ветер сшит из сотен лоскутков,
 Озера прозрачнейшее миро —
 Зеркало для листьев и стрекоз,
 День снимает с неба лампы звёзд,
 Улица пустая смотрит в спину,
 Хор воспоминаний нестерпимых

Слух души оплёл, в реальность врос,
 Ластится вода к ногам, я выплыл —
 Остов корабля, и серебро
 Волны мне бросают вслед, и кров
 Неба — прочен, жаром дня пропитан,
 Охра, лавальер, кашу — как мило,

Света брызги — разноцветный рис,
 Листья свет в муаровый окрасил,
 Истина — здесь, рядом, посмотри:
 В этих травах, в этих ветках ив,
 Окаймивших сонное пространство,
 Чёрен, сух язык-асфальт, горяч,
 Нерв луча струной натянут, рдян,
 Отблески растают постепенно,
 Есть лишь миг, и тот подобен пене...

Мерный стук часов обходит дом,
 Арки окон смотрят фильм двора,
 Суть явлений видят без прикрас,
 Ливня нож ткань неба распорол,
 Отделил стеной от «после» — «до»...

НОЖИ ИЗ ЗАЗЕРКАЛЬЯ

Ножи из зазеркалья всё нежнее
 Скребутся искрами,
 Предчувствую молчание уже я,
 Звон — издали,

Внезапно пылью станет вещество
 Изжитое, и ветер сквозь него
 Пройдёт, неспетых песен не жалея.

Слова, давно звучавшие, — всё тише,
 Всё незаметнее.
 И небо над пустой ладонью крыши —
 Как летнее.

В мой путь вплетутся ленты облаков,
Что сделаешь — когда закон таков,
Узором звёздным он на небе вышит.

И выжат день, как сок, в стаканы окон,
Его мы выпили.
А жизнь течёт невидимым потоком
Над липами,

Ныряют птицы в кофе темноты,
И меж мирами вечные мосты
Качаются под жёлтым лунным оком.

В осколках стёкол — блеск зимы прошедшей,
Тоски иголки.
Прозреньё пьёшь, уставший и ослепший,
Как щёлочь, ты.

Сплетается земное с неземным,
Жизнь — камушки, и ты идёшь по ним,
Ведомый неоплаченной надеждой...

ЭТОТ МОСТИК НАД ПРОПАСТЬЮ

Этот мостик над пропастью тонок,
Тоньше волоса, тоньше волны.
Я ношу за обломком обломок
Через плотность бетонной стены,

Через острые времени рамки,
Подождённые страшным огнём,
Я подвергнут суровой огранке,
Обречённый меняться живьём.

Что успею с собой унести я?
Что успею оставить другим?
Пазлы слов разметала стихия,
Из осколков не сложится гимн

Жизни новой, лишь отзвуки-блики
По разбитым камням пробегут,
Звёзды — горсть голубой земляники —
Лягут небу в ладонь, с тёмных губ

Ночи — словом последним сорвётся
Мармеладная долька луны,
И поймёшь ты, что здесь не твоё всё,
Не твои — даже мысли и сны,

Этот мостик над пропастью тонок,
У души — нет иного пути,
Всё, что любишь, — не хватит котомок
Через бездну с собой унести,

Тот осколок, и этот осколок...
Жизнь прошедшая тает в руке,
Как медуза на солнце... Как долот
И тяжёл этот путь налегке...

Ничего, кроме шрамов, на память,
И назад не смотри через тьму,
Мост над пропастью может растаять
В миг, когда ты идёшь по нему...

Когда мне становится легче,
Я не знаю, жест чей
Вернёт меня в «тяжело»,
В нежилой

Район, где безмолвий полчища —
Волчий щит,
Где всё — перебито,
раскрошено,
сожжено...

Когда мне становится проще,
Вместо слова — прочерк,
Молчания тонкий знак...
Белизна

Страницы — посмотрит пропастью,
Описью
Всего, что не видел,
не чувствовал,
не узнал...

Когда мне становится лучше,
Налетают тут же,
Как ястребы, времена,
Неверна

Дорога сквозь прочность холода,
Скоро, да? —
Дойдём? Под ногами —
разорванная
струна...

НИКИТА ДАВЫДОВ

ЧУЖИЕ ВЕЩИ

Градусник находится под диваном. Николай Георгиевич вспоминает, как он туда попал.

Прошлой зимой, когда температура поднимается аж до тридцати восьми и пяти, Николай Георгиевич последний раз использует градусник. Когда звенящая белбердушка, тёплая от температуры, выскальзывает из пальцев и падает на ковёр — и при этом не колется, он считает это хорошим знаком. И чтобы не раздавить — закатывает пяткой под диван.

Эта тварь, похожая на пересушенную плотву, лежит в пыли прямо за облезлой ножкой. Чуть поодаль ещё какая-то фигня пылится.

Странная.

Он напрягает зрение. Он мигом забывает о градуснике и холодеет, когда понимает, что это.

Маленький зелёный резиновый мячик. Мячик из резины. Маленький. Зелёный. В пыли под его диваном.

Николай хватает мячик и, кряхтя, распрямляется. Он не может вспомнить, откуда у него взялся мячик? С тех пор, как внуки выросли и сами навещают его, никаких мячиков. Это случается так редко, он запомнил бы. А дети его так и не стали самостоятельными, у них и мячика своего нет, чтобы потерять.

Может, у него всё-таки был этот глупый зелёный мячик? Вернее, есть... нет, правильно «был раньше». Нет, не был.

Чужая вещь.

Николай Георгиевич чувствует спиной холодок и отступает к двойному окну.

Во время его отсутствия в его квартире кто-то залез!

Николай судорожно оглядывается, одновременно прислушивается. И замечает распахнутое настежь окно.

Немедля!.. У него даже сеток комариных нет! Заперев накрепко окно, он обходит квартиру, закрывает кухонное окно и запирает на задвижку входную дверь.

Вид резинового мячика, едва-едва переросшего теннисный шарик, несколько успокаивает. Он ещё раз обходит квартиру, заглядывает в туалет с ванной. Начинает доставать духота. Летом с закрытыми окнами... Это пересиливает страх. Николай Георгиевич собирается прогуляться в магазин, ради успокоения нервов. И тут соображает, что можно не запирать окна, пока он дома. Закрыть — уходя, и не сидеть весь день в душегубке.

Сосед по площадке косится, шевелит губами, здороваётся, наверно. Николай в ответ молчит — нервы ни к чёрту.

Спускается вниз, в магазин, думает о запечатанной квартире и потеет под футболкой. Поднявшись с хлебом, молоком и сосисками, весь мокрый, первым делом открывает окно на кухне и фрамугу в комнате. Дышит. На книжной полке фигурка слона.

Стоит на полке и не дышит. Откуда?.. Что... это значит? Подсечкой рыбака он хватает с полки и внимательно разглядывает фигурку. Гладкая, чёрная, сантиметров 12 с основанием; слон стоит на трёх ногах, четвёртую поднял; хобот задран; пасть открыта; бивни торчат вверх.

Глазам не верит. Воткнуть эту чухню на полку?.. Он ненавидит слонов! И статуэтки. И репродукции. На стенах должны находиться только обои и выключатели с розетками. А на книжной полке — книги, а не слоны, ни тигры, ни медведи и не вазы!

Ваза!

На соседней... п-полке стоит... хрустальная... ВАЗА!

С того дня, как умерла от судов жена, в доме не появилась ни одна тем более ваза, те, что имелись, — разбились.

Чужие вещи.

Он оглядывает свою маленькую квартирку: скачки мутных пятен.

С кухни завоняло сосисками.

Он боится и жалеет оставить на ночь свет зажжённым — так и сидит у распахнутого окна, пытается во мраке разглядеть комнату. Но уличные фонари, скорее, помеха. Как он раньше не заметил?

Лишь только забрезжил рассвет и незрячий серый сумрак сменяет синее свечение, Николай берётся

за подробный осмотр квартиры на предмет «чужаков».

Сначала он заносит всё в блокнотик, сначала даже по алфавиту, но совсем рассвело, и он с ужасом видит, что впервые видит блокнот! Швырнул на пол.

Схватился за голову: ничему в этом доме нельзя доверять!

Следом пузатый железный будильник (он сроду, лет десять уже, не встаёт по будильнику) звонко бухает об пол. Затем бряцают чужие ключи — целая связка совершенно незнакомых ключей на цепке.

Он сперва пытается вообразить, как вещи могли попасть к нему в дом, при каких обстоятельствах и когда, но это ни к чему не приводит.

Альбом с открытками. Изображения стран, городов и пляжей, на которых он не бывал.

Какие-то вещи в шкафу его, какие-то не его. Тоже мужские, но размер не тот. Швыряет их в гору. Затем очередь кухни с прихожей.

Беда! Все до единой сковородки оказались не его. Грязные, старые, как на таких вообще можно что-то жарить?! А кастрюли похожи на гнилые зубы.

Где же он вчера варил сосиски?.. Не разобрался, убитый находками в доме!

Придётся всё выбросить и спустаться вниз за новой порцией сосисок или консервов. Не станет он есть из чужой, тем более неизвестно чьей, посуды. Ну, уж нет! Эти люди настроены всерьёз: даже принесли свою посуду! Трусы забыть в гостях можно, но не сковородку же!

Соседа не видать. Вообще, в подъезде никого.

По пути туда и обратно Николай Георгиевич приходит к выводу: он и не подозревал, как давно неизвестные чужие люди вторглись в его жизнь. Мало того: пришли и нагадили! Комната — хуже помойки! Настоящий лабиринт...

Он день напролёт ходит по квартире, когда натывается на чужое — несёт на «заклание». Дошло до того, что, когда в руки попала знакомая вещица, он не знает, что делать! Сколько ещё их осталось?..

Он пытается отыскать, спасти немного. Пепельница, крашенная под бронзу. Самое смешное, ему её дарят в тот день рождения именно, когда он решает бросить курить. Кто?.. Не помнит, какая разница.

Набор комнатных тапок.

Микроволновка — чудо техники! — на подоконнике...

Холодильник! Есть в доме один друг!

Телевизор и компьютер... но он их не включает. Достаточно того, что они его, а включи — поналезут в дом горлопаны, наглые, дебилы. Так они в дом и проникают.

Но больше, гораздо больше вещей совсем ему незнакомцы. Сколько же чужаки орудуют в квартире? И какие они? Судя по найденному, их несколько, этих людей. Некоторые вещи мужские. Например: топор и молоток. Другие женские: картина, шампунь, вонючий даже сквозь бутылку, варежки...

Топор запрятан глубоко, но он находит под ванной. А молоток новый, с крашенной руч-

кой, он бы такой сроду не купил. Зачем, есть же старый! Он находит его под ванной. Старый добрый молоточек! Когда-то, много-много годков назад, первым внёс его в новую квартиру. Заместо какой-то там глупой кошары. К хренам суеверия!

Николай закапывает чужой инструмент подальше в кучу.

Молоток засовывает за пояс. Он мрачен. Ходить становится неудобно, тяжело. Еле волочит ноги, руки опущены, устал.

Последними в кургане оказываются слон, ваза и мячик, чтобы не скатывался, приходится сунуть в вазу. Отступает на шаг и поражается: куча образцовывается в его рост. Вот так на...

План стал ясен: постепенно подменить вещи, заполнить его жильё, сделать его своим — отжить у него квартиру! А самого выгнать на улицу, а может, и хуже.

Николай чувствует: не может оставаться в этом доме. И глаз не сомкнёт! В любой момент чужие возвратятся, проникнут в его жилище таинственным пока способом, довершат начатое!

Быстро собирается и выходит. Никого, и соседа не видать. Наконец-то!

Идёт в полицию и пишет заявление. В отделении людно и шумно (у них всегда так?), но пробивается.

Усталый участковый в синей форме внимательно и долго читает, затем спрашивает, на что Николай Георгиевич жалуется: ему не нравятся вещи?

Николай Георгиевич психует. Нет, ему не вещи не нравятся — он за жизнь боится!

— Как отношения с родственниками, с соседями? — хмыкая как-то странно, интересуется участковый, которого Коля сроду не видал. Наверно, недавно. — Нет ли претендентов на жилплощадь?

— Это чужие люди! — сердится Николай Георгиевич. — Сперва они занесли в квартиру — тайно! — свои, чужие, вещи, а теперь и сами явятся того гляди на ночь глядя!

— Тогда это вам не ко мне, — заявляет участковый, комкая листок. — Советую продать эти вещи, пока не поздно, сейчас в интернете полно приложений для этого. А в дверь новые замки вставьте.

Злой как чёрт, Николай хлопает дверью. Обещает найти правду, дойти до министра, до президента! Зря только время потерял!.. Теперь и замка не купить, все магазины закрыты.

Николай Георгиевич успевает заскочить по дороге за сосисками и половиной батона. Добирается домой в глубоких сумерках. Успевает наскоро поджарить сосиски в микроволновке — сразу все, чтобы не ходить ночью в кухню. Средоточенно смотрит экранчик стекла все две минуты. Дверь заставил креслом, на котором чужой уют: грохнет — так грохнет.

Не стал смотреть перед сном телевизор, только поел. Жаль, не успел вставить зубы, дорого.

Взял чужую лыжную палку (он сам сроду, уже лет пятьдесят, не ходит на лыжах): выставит вперёд, чтобы злоумышленник, надумай подкрасться незаметно в темноте, хоп — на остриё! Рядом верный молоток. Пускай сунутся!

Палка за ночь раз пятнадцать падает с оглушительным грохотом. Комната прыгает и скачет в темноте, как в кошмаре про падение в пропасть. Он не спит, глядит в темноту, прислушивается. Если не шевелиться, можно различить даже собственное дыхание. Как если заснёшь в ванной. В куче мусора то и дело что-то шуршит. Может, мышь? Дочь последний раз приехала полгода назад, везёт продукты на неделю. А сын того дольше. Они принесли что-то в последний раз, подложили незаметненько, чтобы он не видел? Вот как они оплатили, как относятся: приходят и живут тайно, за его спиной, как хотят, а его жизнь ма-ленькая и не имеет уже значения! Обидно. Но, скорее всего, это чужие орудуют в отсутствие хозяина и всё ещё хуже. Хуже даже неблагодарных родственников. А мышь нашла свои — чужие — вещи чужаков...

Палка лупит по полу в шестнадцатый раз, он хватается за молоток. «У-у!..» — шевелит губами в темноте. Тварь. Тварь же!..

Жуёт в ночи холодную скользкую сосиску, не чувствует вкуса, не наедается. Он сосредоточен, складка на лице. Мышь подойдёт на запах — пожалеет.

Ночь тянется долго. Болит копчик и ноги затекают. Николай встаёт, стоит с копьём и молотком в руке. Окно едва светится в темноте. А рядом грозным чёрным пятном: куча. Словно двое их. Многовато для крохотной квартирки, для комнаты три с половиной на пять двадцать. Двухметровая гора, поползёт — раздавит, пикнуть не успеешь.

Пятится в угол. Садится, выставляет палку. Не смыкает глаз.

Светаёт.

Дождавшись утра, идёт в поликлинику. У соседской двери трясётся какой-то мужик. В голове плывёт, даёт знать бессонная ночь на полу, свежести нет. Он придумал, и только мысль переставляет ватные ноги. Сердце колотится.

Добивается приёма вне очереди у психиатра, поднимает шум в коридоре, и доктор принимает его. Потом — перевозка, и Николая уже специализированные врачи без пробок переправляют в психдиспансер. Он в экологичном районе города. Территория окружена большим парком, огорожена забором. Там тихо. Он всё видит, проезжая по территории на скорой. На парковых дорожках не так уж много людей, хорошо, далеко всё видеть. Не просто придётся тому, кто захочет проникнуть сюда без разрешения. И всё же не тюрьма.

Первые дни, возможно, даже месяц его, конечно, подержат в смирительной рубашке, подадут таблетки. Ему на это наплевать. Ничего. В жизни не пил таблеток, можно начинать. В армии было тяжелее. Или когда аппендицит вырезали и чуть не зарезали недоучки. Зато нет здесь ни чужого, ни своего — всё казённое.

Когда, месяц спустя, видит в коридоре стационара странных на вид существ, ходящих, правда, на двух ногах — но всё же не как люди, Николай добивается перевода в одиночный бокс.

Только тут он успокаивается.

Это странно, но не страшнее прочего. Кем бы ни были эти твари, и похожие и не похожие на людей (но всё же не люди), вряд ли ему есть до них какое-то дело. Пусть приходят и берут, что хотят, это уже не его.

Он всех обманул. Ничего они от него не получают! У него... ничего... НЕТ!

Николай начинает смеяться...

АННА КОРЖАВИНА

ВЕРЕСК И МОХ, ЕЖЕВИКА И СМЕХ

БАБУШКЕ

Скоро двор зарастёт травой.
Велика и роскошна крапива.
Бесполезно искать, кто живой.
Нет ни маленьких, ни счастливых.

Мыши сгрызли вчерашний хлеб,
А жуки доедят картошку.
Больше бабушки в доме нет.
Говорила, что дом хороший.

Лодка вмерзает в лёд,
Не достигая цели.
Думал: душа растёт,
А растёт только тело.

Чёрная полоса
Сменится точно белой.
Той, что слепит глаза,
Что ты с ней будешь делать?

От советского парка остались ступеньки,
Уходящие в никуда.
Их полвека топтали студенты
И будут топтать ещё...

От меня останется пара книжек
И девять тетрадей, которых
Никто не сможет прочесть.

Ты застываешь подобно скалам.
Вереск и мох, ежевика и смех.

Ветер худое лицо ласкает.
Ветра хватает на всех.

Нет амбиций — они остались в отеле.
Нет вершин, кроме тех, на которых закат.
Здесь даже время течёт еле-еле,
И звёзды слишком ярко горят.

Ветер хватает за ноги,
Сыплет в глаза песок.
Где ещё дверь распахнута?
Где ты не одинок?

Разве земля не в трещинах?
И наступить куда?
Всё, что успеет женщина,
До сорока.

Что ты мне расскажешь, лес?
Братство снега, дымка елей,
Ветхий мостик через речку.

Пробуй варево небес,
Солнце светит еле-еле,
Словно свечка.

Выпусти, выпусти, выпусти
Кошек на жёлтые листья!
Чёрных, блестящих.
Играть им охота.
Мыши невидимы,
Но так шуршат!

Помню вечер: шли по снегу
Без надежды на такси.
Не понять, к какому веку
Этот город. Но красив.

На снегу синели лапы,
Март разматывал клубок.
Не смотать его. Хотя бы
Прочитаешь между строк.

АЛЕКСЕЙ ФИЛИН

ГОРОД

То ли пепел в глаза, то ли время закрыло всё ширмой.
Заскрипели костры пламенеющих кровью небес.
Я рисую себя. И поспешно зеркалится мир мне,
Отражая искусство под тенью забытых чудес.

Этот хаос ведёт через пропасти, бури, барьеры,
Что растут непрерывно в моей суетной голове.
И во взгляде моём улыбается прошлому вера,
Всё сжигая и зная, что в будущем есть только свет.

Я рисую себя. И в безумии краски тускнеют.
Слишком мало живого привносит худая душа.
Догорает закат. И встречает меня в эмпирее
Бесконечность судьбы — мой последний бессмысленный шаг.

Разлетается всё, и в палитре остаться едва ли
Суждено вдохновению — мёртвому солнцу зимы.
Кем я был без тебя, кем в итоге с тобою мы стали?
Я под сердцем ношу и храню сокровенное «мы».

Это просто игра, где я снова себе проиграю.
Пусть опять обещаю ценить и любить себя впредь.
Без надежды скитаясь, ищу хлипкий мостик у края...
Я рисую себя,
ненавидя
свой
автопортрет.

Здесь осенью взмывают корабли
Дождливых туч — небесные линкоры.
А впереди маячит исполин —
Такой бесцветный и бездушный город.

По венам улиц маршем ходит мгла —
Толпа калек сошла с картин Монселя,

Где лица — дым, а вместо ярких глаз
Сияют белизной слепые бельма.

Их чёрные и грязные уста
Не вспомнят никогда, кто был их идол.
И сонмы змей, сидящих на крестах,
По выжившим слагают панихиды.

Червивых ягод мёртвые плоды
Разбросаны по каменных постройкам.
И лучше здесь погибнуть молодым,
Чем ждать финал, устроившись на койке.

Заводов смрад и тюрем монолит —
Конвейер душ, страдающих от денег,
Где каждый человек — лишь полип.
Здесь нет людей, есть только сверхидеи,

Которые в итоге перевернут
Всю суть добра, тепла. И вечный холод
Наполнит равнодушием к утру
Того, кто уничтожит этот город.

Сходит с ума и свистит холодильник.
Город шипит и взрывается вспышкой.
Раннее утро вскрывает будильник...
Всё эфемерно. И всё как-то — слишком:
Слишком светло или слишком паршиво —
Разницы нет, одинаково тошно.
Я состою целиком из нашивок,
Что постоянно твердят мне о прошлом.
Призрачно всё, до безумия дико.
Медленно давит моя паранойя.
Зеркало вторит распавшимся ликом:

«Мне безразлично: и где я, и кто я».
Холод пронзает уставшее тело.
Сон составляет иллюзию силы...
Каждое слово изрядно приелось,
Будто в себе я давно разносил их...
Вся пустота заполняется тиной —
Всё утопает внутри и снаружи.
Я задыхаюсь и, вера, прости, но,
Смысла не вижу считать себя нужным...
Это гниение мыслей и формы.
Это расплата за рифмы и панчи.
Я превращаюсь в подобие корма,

АННА МАРТЫШИНА

НОВЫЙ СЛОЙ

что-то такое во мне отстоялось за зиму,
шкрябай по дну, пальцы кали, лепи.
воздух течёт, сладкий невыносимо,
будто гниют длинные корабли
под перламутровой худенькой оболочкой
сна, и ни выйти, ни умереть.

в комнате, как в лесу, молча стоят ночи —
голое дерево — чёрная старая твердь.
эту сухую материю вырвать себе на тряпки,
тонкую пыль с долгих часов содрать.
воздух течёт, невыносимо сладкий.
гладит по горлу, пробует подпевать.

чахнет зима, тает её шкура,
мёд фонариный в мокрую шерсть влип.
свет из окна — словно медведь — бурый,
вертится по полу и источает скрип.
и не вздохнуть — что-то дрожит в лёгких,
булькает, как трагический кипяток.

метафорически топнешь — и нестерпимо грохнет
сразу под дых, чтобы огонь заглох.
март расплывается, марту в земле тесно.
каждый разлом свежей водой залит.
всё подживает.
но с края этого текста
что-то по-прежнему капает и болит.

небо цвета сырой извести,
радуга от звонка до звонка.
не умею себя вынести —
накапливаю в позвонках.
концентрирую — тяжелеют конечности,
в голове уплотняю газ.

всё боюсь — упаду и начну расти,
как картошка или фугас.

леденец в облаках радостный,
глянцевая моя благодать!
натянуть бы себя парусом,
оправдать.

под ладонями — тонкорунная
юная клубится трава.
муравья аккуратно склюнула,
зацвела.

ни зачем — такая пышет весна,
яблонь розовые полыньи
вспыхивают и мёрзнут до дна.
оборви меня, обними.
ни за что — дотемна и досуха,
расточительно и легко.
разворошенная, разрушенная черёмуха.
стылое белое молоко.

словно поверх дня наложили ещё слой
и случайно подвинули влево на пару пикселей.
за моим размазанным профилем вырос твой,
завибрировал в пустоте и со мной свыкся.
грохнул гром, а за ним — как кометин хвост, пронеслась скорая,
длинный её вопль в форточку еле влез.
мне бы закрыть окно, но там, за окном, горы —
остриями чуть-чуть в сторону,
чтобы налип лес.

крошки от ломких слов, рваной жары мерцание.
просится звук в рот, радуга изо рта.
смысл меня в тебе, как антиздания в здании.
не выдаёт костра ровная темнота.
браво для тех гремит, кто бередит новое,
ловко грызёт цветы, быстро пластает сны.
на озорной клич бодро растут головы,
разные, как трава, и ни одна — не ты.

пробкой заткну свет, капающий в раковину,
копоть на языке тряпочкой ототру.
я что вчера, что тут — гладкая, одинаковая.
каждой звезде луч, каждому слову вру.
сдвинутый день мой,
йомкая недосказанность.
всё, что ни положи — там же и заберёшь.

только достанешь всё — как отпечаток смазанный:
то ли кудрявый свет,
то ли зубная дрожь.

скользкое пространство надрывая
острым уголком недоуменья,
прячешь горсти крошечных вещичек
прямо в заплывающую рану.
всё ли снял? ладонями по бёдрам,
голый, как вода, прямой, как ветер,
ласковый, как что-то на французском.

схоронил ли? выбросил? оставил?
без остатка зарастил цветами,
шрам ли, холм ли — всё равно подпухло
и засохло — где-то между рёбер.
гладкое и звонкое завяло,
жёсткое замялось и оплыло,
ничего, что я опять на горьком?

в плоскость — словно в снег — и по колено,
ни идти, ни ехать — сел и замер.
сможешь продышать себе квадратик,
разглядеть, куда упали ноги?
промелькнёт живое между строчек,
рассмеётся-брызнет без остатка
телом — в застывающую гладкость.

кавычки открываются. молчу,
как будто капаю, ритмично и упорно.
на всякую тоску отсняли порно,
на всякое томление рецепт.
мне кажется, что так молчат в конце,
но так ли? врать себе и таять, таять.
какую-то нечаянную память
держат во рту — иголочку в яйце.

разжать грудную клетку и пустить
в огромный мир голодное звучанье,
хромое, тормозное, обезьянье —
кормись теперь, чем боженька пошлёт.
оно тогда забьётся, зацветёт
из паутиной нутревины шкафа.
и как тогда туда не переплакать
весь день громадный, сердцевину, лёд.

комичная по яблокам вода,
пузырики — земли ли, корабли ли.
глаза перезалили и промыли,
гляди теперь куда-нибудь не в шкаф.
ты как-то по-особенному прав.
не так, как прав обычно, а иначе.
и женщина твоя уже не плачет,
ладони под руины подобрал.

а я молчу, как капаю на стол,
грудную клетку жму — не разжимаю.
как будто там не обезьяна — стая,
а выпущу — затопчет и сожрёт.
блестит на лбу неутомимый пот,
по пальцам дробь сухая, тварь живая,
и трезвая — немного чересчур.
кавычки закрываются. молчу.

ДЕКАБРЬСКИЙ ТРИПТИХ

I
большой воды опилки надо мной,
звериный свет из ледяных озёр,
какая стать, какая чистота —
сплит и не даёт запоминать
следы чужих, прошедших вдоль меня,
занёсших запахи, перестеливших лёд.
тревога — страшный — громкий —
новый год.
и никакой другой зимы не будет.

II
колючки, ветхие сугробы, люди, люди,
усталые-усталые дома.
тяни меня куда-нибудь туда.
где нет меня и никогда не будет.
я раздробилась на такую тьму,
такое неизбывное «довольно!»,
что будущее будет произвольно —
ни для кого, нигде, нипочему.

III
дверьми не хлопай, холод не пускай,
о самом главном не проговорись,
для верности — заткни руками рот,
пока тебе не отдавили ногу.
...и дёрнусь от внезапного ожога,
и вывернусь куда-то мимо нот.

COTY

ИЛЬЯ МАТВЕЕВ

Ездил к маме на Луну,
Отвозил продукты,
Телефон, зарядник, шнур,
Чай и сухофрукты.

У неё халат забрал
И белья корзину,
Позвонить пообещал,
Как вернусь в долину.

Много дела на Луне,
Новая планета!
Мама шьёт уже пять дней
Платья для балета.

Рассказала про меня
Всем своим знакомым,
Кто-то должен ведь менять
Шланги и сифоны!

Ну а если захочу,
То довольно скоро,
Я в театре получу
Должность бутафора.

А теперь я расскажу
Про Луну немножко.
Тут, согласно чертежу,
Лунные дорожки,

Репродуктор на гвозде
Очень громогласный,
А наушники везде
Тут фонят ужасно.

Что ни шаг — учителя,
И у всех медали,
Они раньше всех землян
На Луну попали.

На Луне нет сквозняка,
Ну, не получился!
Видел майского жука,
Очень удивился.

Тут красиво, как во сне,
Только мало Солнца.
Много дела на Луне
И тебе найдётся!

Свеж морозный воздух.
Полная луна.
Скрип шагов, как песня
Старого слона.

Сотни фотовспышек
Дарит нам сугроб,
Словно папарацци
Каждый в нём микроб.

Столбики из света
Всюду — там и тут,
Словно бы кометы
В городе живут.

А над фонарями
Звёздных фей пыльца,
Словно звёзды ждут их
Там на небесах...

ВИКТОРИЯ КАЛЯШИНА

ЛАЗАРЕВА ВЕСНА

На смерть выходного снега,
на розовый след заката,
на бабочку из коробки
глядит мой последний сын.

Под стёклышком оберега
два листика винограда
и синий цветок заколки,
который звездой был.

За храмом — рассвет, и цапля
летит близ корявых сосен,
там строили домик дети
и прятался в воду лес.

Я речка, а сын мой — капля,
и нас птичий гон уносит,
нас, крохотных, не заметят
вдоль жёлтых дорог небес.

Жив жук в кулаке, как в гипсе.
И жгут чёрный снег у пирса,
где пахнет корой и ветром,
где кто-то оставил гроб.

И — первый мой сын — последний.
И в первый наш день весенний
стояли мы с ним под небом,
его целовала в лоб.

Он лучше всех звёзд на свете,
в нём все мои сны, все дети,
душа, как свеча во храме,
всех вёсен земли веснѣй.

И я даже вижу бога,
к нему поросла дорога,
и даже звоню я маме,
и, нет, не ругаюсь с ней.

А снег выходной снаружи
к утру превратится в лужи,
теперь он как ветер в парке,
прозрачно его крыло.

И голубь летит на крестик,
мы спим, как котята, вместе,
и пахнет цветком и лесом
на Родине у него.

ВЕРА ДОРОШИНА

ПЧЁЛЫ НОЯБРЯ

1

что в радужной горсти,
что в радужке зрочка —
так хорошо гостить,
но, видно, загостились —
нелёгкое пока,
ведь нам ещё грести
по синему заливу,
из лампы семипалой
прокладывать пути,
как яблокам в ночи,
как перезревшим сливам,
как поездам по шпалам,
ступать босой ногой
в прогорклый креазот
до кончиков волос
убитым и счастливым,
конечно, повезёт,
не подведёт крыло,
весло ли, ремесло,
и всё большое — вот —
приходит в этом малом —
мы собираем мёд
под насыпью усталой

2

мы собираем мёд, простуженный, на вынос
с ближайших теплотрасс и обшлагов пальто
пока земная ось кренился в долгий минус
крадём и красим мир в небесный, в золотой

пока слюда горит и застывает в крыльях
узором на окне мы собираем мир
в фасеточной букет, в хитиновый затылок
и ты его у нас попробуй отними

ВАДИМ БОРЗИХИН

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Опять зубную пасту не купил
и рот полощешь ледяной водой,
и кто-то тихо говорит с тобой,
тот, кто тебя случайно полюбил.

Гудки порвут пространство городов,
ворвётся голос в комнату твою,
И ты шепнёшь заветное: «люблю».
Хотя не так уж был к нему готов.

А может, был, но думал о другом,
что тишина повиснет, как бельё
безжизненное, чистое, ничьё.
Но был ответ, и ты теперь спасён.

Я купил тебе кольцо
белого металла.
Выйдем вместе на крыльцо,
в доме места мало.

В доме пахнет тишиной,
квашеной капустой.
Кто-то стонет за стеной —
Будет ему пусто...

Постоим мы на крыльце,
посчитаем звёзды —
Асцендент опять в Стрельце,
значит, слишком поздно.

Слишком поздно горевать,
греть в кастрюле ужин.
Лет, быть может, через пять
стану чьим-то мужем.

Ну а ты кольцо возьми,
выброси не глядя.
Я его украл в Перми
у какой-то Нади.

АНТОН ШУМИЛИН

всё пылится
и сладко пахнет макулатурой,
как лица, лица,
остранённые жёсткой мускулатурой.
всё на стенках аквариума,
вода — голограмма, а я — сбой,
и мы разговариваем
сами с собой.
что наша смерть?
древние языки теней,
слизывающие цвет?

с чертополохом в зубах голубь засох,
и галстук на его плечо недозакинут.
пахнет диким гербарием товарищ
и тонкой шейкой ломкого завтра.
мандала вокруг поминальной тарелки
смыкает сухие кусты малины
в бесстрастный венок или шлем.
в углах, за тихим стеклом пузырьков
зависают консервированные улыбки
из дальних мест жизни, схваченной
в резких моментах напрасной тяги.
в бежевых тонах ни синяка, ни укуса,
ни съехавшего подстаканника.
свойство смотреть на свой затылок

без помощи оптических иллюзий
спрятано в лёгких трубках сныти,
высушенной на молчаливом камне.
оно не достанется, хотя бы потому,
что существовать проще, чем глаголить.
также и ветошь просто вот, и всё,
а не пряник за ворот крошить.
мандала вокруг поминальной тарелки —
это и нанизь бородатых мотыльков,
словно энтомологический цирк
или бардо в клоунском пиджаке.
кракелюрами лопнувшего масла
усложнённый изюм натюрморта,
в бессознательном интеллекте своём
предсказывающий следующее слово.
зеркала гирляндами сухарей обвиты,
бледное племя в улыбках не-еды.
натюрморт, ах ты ж, натюрморт.
застывший, напряжённо ждущий
большого движения, жеста
побрить мотыльков, оторвать галстук,
недозакиннутый на голубиное плечо,
поджечь сухие кусты, присосаться
к горлышку выхода и накрошить
пряник за ворот.

ЕВГЕНИЙ ЖУКОВ

Мальчики любят играть.
Давят жуков.
Ловят стрекоз
и отрывают им крылья.
Горсть гусениц,
их внутренности
смазывают скрипящую Карусель.
Кормят сверчками и тараканами
своих отвратительных питомцев.
Наслаждаются
хрустом хитиновых экзоскелетов,
что должны были быть
надёжной защитой
от враждебного мира,
но в агонии
высыхают,
как предметы коллекции.
Травят, изводят, истребляют

сотнями сотнями сотнями

Майские жуки, жужелицы,
бронзовки, кивсяки и сколопендры,
муравьи и пчёлы
осы шершни личинки и имаго
мы пробираемся, лезем, ползём,
бежим, летим,
стрекочем, щёлкаем,
сверчим, жалим.

В калейдоскопе фасеточного мира — вы.
Мы видим.
Вы очень молоды.
Вас горстка.

вы гости вы гости вы гости.

Мы рой.

БОРИС ГЛУБОКОВ

Так и выходит без дураков,
что память
всякий ненужный хлам хранит.
Выйдешь из дому идти к пивной:
а очнёшься — давно магазин «Магнит».
Вроде, сидишь на скамейке
в Баттерси —
глядь: в пятой палате
девятой больницы залёг.
Может, систему тебе
доктор не ту прописал?
Или накрылся незримый
системный блок,
ведущий в аэропорт, вокзал?
Так на краю старости,
как Ойкумены,
вспять смотрит душа,
боясь перемен.
И всё реже, реально
расфокусированно
отражается в бытии уже.

Зрелость что яблоки в августе,
сердце что бубен шаманский.
Истосковавшись по прошлому,
всмотришься в Тютчева строки.
Вёрсты ушли,
километры пейзажей,
спеть в караоке
запросто можно про то,
что уходишь красиво.
Спелые яблоки падают,
годы идут золотые.
Кроны берёз
так, что щемит глаза,
совмещаются с кобальтом неба.
Вот бы опять в догонялки сыграть,
поиграть на волшебной свирели...
Время уходит,
и веришь:
Господь тебя примет.

АЛЕКСАНДР МИЛОВАНОВ

И без, и бес... по-русски говоря,
Исхода дня одну рисуют тему.
И потому, свинцом в груди горя,
Эвтерпа не оставит Мельпомену.
Как может сон отобразить реал, —
Так может бытиё вобрать в объятия
Живой цветок и жаждущий металл,
Полёт души, измену и распятье.
И можно многих слов не говорить.
Но слово — ключ к ещё закрытым окнам.
(Я те слова нанизывал на нить).
Окно же, как и прежде, только мокло
По четвергам. И струйками текло
То, что забыть себя не успевало.
И в пятницу седьмую утекало...
(Откуда и куда его влекло?..)

По чёрным клавишам, по белым,
Не мелодична, но легка,
Слепым созданием, неумело
Познает пустоту рука.
Коснувшись струн, идущих в небо,
Откуда дождик моросит,
Однажды да запросит снега
И с этим снегом будет жить.
И заметелит, и завьюжит,
И растворит в чужой зиме.
И птица белая закружит
В небес бездонной глубине...

И рядом — та, что вечно дышит...
А недостроенный маяк
И протекающая крыша —
Всё это жизни верный знак.

Целую жизнь нахожусь в перманентном запое.
 Господи, слышь мя! Дыханье за левым плечом...
 Я угорел, отравился твоею любовью.
 Скоро, наверное, всё будет мне нипочём.

Клинья тоски в неизбывных тисках мироздания.
 Ветер играет в дудук. И над городом смог.
 Господи, слышь мя!.. Покинутый зал ожидания...
 Время уроков пройдёт, будет новый урок...

Лезвие бритвы истоптано, ангелы в трансе.
 Мокрым и грязным поленом по радуге лиц!..
 Я просмотрю это всё на последнем сеансе
 Экранизации текста меж строк и страниц.

СЕРГЕЙ ЖИДКОВ

Руки в воду — дрожанье янтарных закопок,
 Если волосы — свежим куриным пером
 Заполняется мячик пространства вокруг.
 Ты запомнишь не сразу, но вспомнишь потом, —
 Вырывается жёлтый цыплёнок из рук
 И, несясь по осколкам баклях лимонадных,
 «Ирка — ведьма!» — кричит, «Ирка — вода!»,
 И врезается светополоской в осколок.

Килограммы клубник в невидимках-пакетах,
 Незабудок приножных живая тетрадь.
 Тут словам невозможно разжать губы.
 Четверть луга пройду в луговой картотеке.
 Нет, не высмотреть небо путём глазальным
 Ни единой сове, ни сове в кубе.
 И пекарня, пекарня, пекарня, пекарня
 Пригоревшим батоном зовёт жрать.

БОРТИННІЧЕСТВО

НАДЯ ДЕЛАЛАНД

СОЛНЕЧНОЕ СПЛЕТЕНИЕ

проснулась за полночь в тебя
глаза тараща в тьму
а из груди уже растёт сияющий цветок
распахивает листья вверх
льнёт лоном ко всему
и упирается спиной согбенной в потолок
растёт разламывая дом
выпрастываясь вьась
перерастает города и страны
рвётся ввысь
пока ты спишь любовь моя
пока любовь моя
ты спишь
он в космосе горит
и утверждает жизнь
и расступаются тела небесные
и свет
выламывается туда
где даже смерти нет
пока ты спишь и видишь сон
про маленький росток
в тебе сростается
цветком
пробитый потолок
дом собирается
и мир вздыхает глубоко
и свет раскачивается
легко
под потолком

солнечное сплетение светится изнутри
луч отправляет вперёд и вверх
всё оживает теплеет и фонари

вспыхивают раздаётся смех
 мы уже умерли но продолжаем путь
 ино бредём возрастая в себе скользя
 в летних кроссовках кажется переобуть
 можно но мёртвым уже ничего нельзя
 в зимнем лесу замерзает усталый фрост
 маленький конь ускользает бледнея в щель
 тихо шепни калипсо и в полный рост
 встану по щиколотку в плюще
 дёрне и соснах взметнусь в облака уйду
 в пушкинскую грядку и начнётся дождь
 радуга вспыхнет над лесом в твоём аду
 ну ты идёшь

я очень плохо в себе помещаюсь
 кажется я себя переносила
 надо рождаться я перерастаю
 тело и даже в стихах появилась
 вырвавшаяся на волю калипсо
 не говори что я тоже свободна
 тихо в ключицу глаза опуская
 всякий и так это видит и знает

в сумерках я и сама начинаю смеркаться
 что-то в глазах как в камине то вспыхивает то гаснет
 может быть свет отражённый от мимоидущего счастья
 или несчастья
 там за ресницами снятся мне горы и реки
 лёгких снежинок трагический хор над обрывом
 мне хорошо одиноко светло молчаливо
 чётко и резко
 трогаю камень шершавый роняю наушник
 в нём продолжает огромное небо орлинский
 вижу как лестница выросла в высохших листьях
 свежих наутро
 можно шагнуть за наушником в небо и голос
 можно проснуться а можно дослушать а можно
 выйти на улицу в бледно забрезживший дождик
 или другое

можно ли быть готовым к такому
 никто не готов к такому
 закрываешь глаза иходишь

в другого человека
закрываешь глаза и выпускаешь
в себя человека
никто не готов к такому
открываешь глаза а он уже не выходит
пытаешься выйти но что-то не позволяет
это была ловушка захлопнулась мышеловка
выглядывая друг из друга в беззвучном крике
вы отдаляетесь от остального мира
на вагонетке в которой обычно возили уголь
где вы теперь
никто вам уже не скажет
только покажет дерево на закате
с чёрными ветками и одинокой птицей
сгорбившись спящей всё это безумие
миру
снящейся дереву
снящемуся закату

вот этот лист прозрачен на просвет
и дивно пуст вхожу в него по пояс
в нём глубина и тонкая соцсеть
и просто сногшибательная скорость
скрипит телега теплится фейсбук
я медленно перебираю листья
они не отличаются от рук
в них различимы ветреные лица
я в них смотрю и вижу водоём
двух человек бредущих неказисто
они расстались но они вдвоём
их больше нет в них больше нету смысла
они смешны нелепы тяжелы
покачиваются и друг у друга
пытаются схватиться за полы
оскальзываются идут по кругу

зима подкрадывается и говорит мне бу
верчу тебя под потолком и мозг тебе табу
на табуретке в уголке как ни крути сидишь
и говоришь и говоришь всё время говоришь
как ты по улице идёшь что видишь чем живёшь
как ты наверное умрёшь конечно ты умрёшь
как ты не можешь как устал и руки опустил
как ждёшь меня как не забыл как вовсе не простил

лицо сползает грудь живот колени и лежит
бесцветно смотрит в потолок и веком так дрожит
ты без лица ты потерял да вот оно держи
ты говоришь и говоришь хоть что-нибудь скажи
как непристойно без лица надень его на лоб
я слушаю тебя алло но можно и без слов

зима подкрадывается и говорит мне будь
свет наполняет изнутри простреливает грудь
я только та через кого проходит вечный свет
чем чище для него канал тем меня больше нет
но я ещё сильнее есть огромней и быстрее
чем основательней больней невысказанней прострел
чем шире и безумней сноп лучистой горячей
тем проще улыбаться мне тем голос мой звончей

голос торопится да и сама дрожит
надо бежать замирать пора уходить
пусть тебе будет грустно в ноге в груди
в левой ладони будет фантомно жить
вот обернёшься а нету пустует стул
и за окном темно настоящий мрак
можно конечно выпить ещё коньяк
и одному постоять на другом мосту
можно и дальше кокетничать с кем-нибудь
можно идти домой подшафе и петь
только зачем если это кимвал и медь
если ладонь и нога и глаза и грудь

ты спрашиваешь как я
я вот так
ложусь на пол и руки раскрываю
открытость незащитность пустота
живая
а ещё
ещё живая
обнять тебя и так тебя держать
так тискать целовать так гладить жарко
попробуй нежность и любовь разжать
а я разжала
я уже разжала

РОМАН ТОЧИЛИН

ПОСЫЛКА

Курьер был молод. Неприлично молод. Совсем мальчишка — чистенький, кудрявый, румяный. Просто ангелочек.

Сергей Иванович мысленно усмехнулся. Вот и настало время, когда про чей-то возраст он может сказать: «Неприлично молод». Или молода. Он мельком глянул в зеркало. На фоне розовощёкой юности неухоженные космы и седая щетина смотрелись впечатляюще. Постричься бы, конечно, не мешало, но это уже на следующей неделе, после пенсии. Ну хотя бы побриться...

Клава всегда стригла его сама. Это был ритуал. «Развёл бурелом», — укоряла она, нежно ероша его буйную шевелюру, и из нижнего ящика стола появлялись ножницы, специальная расчёска, ручная машинка и белый квадрат старой простыни с пришитыми тесёмками. Сергей Иванович зажигал люстру, ставил стул напротив большого зеркала на платяном шкафу, Клава выходила из ванной, держа вымытые руки вверх, как хирург, и притворно хмуря брови над еле сдерживаемой улыбкой, говорила: «Готовы, пациент?»...

Сердце привычно сжало и отпустило.

Сергей Иванович вздохнул и очнулся. Курьер что-то говорил.

— Простите, задумался. Что?

Курьер улыбнулся и терпеливо повторил:

— Сергей Иванович Игнатьев?

Хорошая у него была улыбка. Добрая и открытая.

— Так точно! — отрапортовал Игнатьев и улыбнулся в ответ — как смог. — Вы посылку принесли?

— Ага, — курьер огляделся.

— Сюда, на тумбочку, — засуетился Игнатьев.

— Паспорт, пожалуйста — и вот, распишитесь.

Он коротко глянул в протянутый паспорт, подsunул квитанцию, дождался, пока выведенная дрожащей рукой подпись появится на бумажке, и сказал, складывая квитанцию:

— Это мне.

И, указав на коробку:

— А это — вам.

Хозяин похлопал себя по карманам и, смущаясь, протянул монетку — десять рублей.

Мальчишка посмотрел недоумённо, потом лицо его разгладилось, он принял монетку, пробормотав — спасибо, пригодится, — ещё раз улыбнулся и попрощался:

— Всего хорошего! До свидания.

Игнатьев закрыл дверь и некоторое время, по старой учитель-

ской привычке, вьедливо размышлял: почему — «До свидания»? Мы что, ещё увидимся? Вздохнул, укоризненно покачал головой и поволок коробку в комнату.

Сегодня утром ему позвонили из почтового отделения и сообщили, что на его имя пришла посылка. Сергей Иванович удивился и попросил уточнить. Посылок он давно не ждал, некому и неоткуда было посылать. Его заверили, что всё правильно, именно ему, и неожиданно предложили доставить на дом, если затруднительно получить на почте. И тут же, в ответ на только рождающийся вопрос, проинформировали, что услуга бесплатная, в рамках какой-то экспериментальной программы. Игнатъев пожал плечами и согласился. Там поинтересовались, когда удобнее — и вот, пожалуйста.

Обратный адрес он не разобрал, напечатано было очень мелко: то ли райпотребсоюз, то ли какое-то районное отделение... Может, кто-то из бывших учеников?

В коробке сверху лежал лист бумаги. Игнатъев внимательно осмотрел его со всех сторон — вдруг письмо? — но это был просто чистый лист бумаги, тонкой, словно папиросная, приятно шуршащей под пальцами.

А под ним...

Сначала Игнатъев не понял. Потом понял, но не поверил. Потом поверил и изумился — откуда? Старая, очень старая пожелтевшая фотография. Которая считалась давно утерянной в многочисленных переездах и бурных водоворотях жизни. Мама — молодая, в простом платьице в горошек. Прибранные волосы под

косынкой, усталое улыбающееся лицо. Отец, такой же молодой, необычайно серьёзный, в мешковато сидящем костюме, с величайшей осторожностью держит в руках свёрток, откуда высовывается крохотное сморщенное личико с закрытыми глазами. Сзади, фоном — подъезд с колоннами, над ним кусок вывески «... РОДИЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ...».

Игнатъев перевернул фотографию. Некогда чёрные чернила выцвели и порыхтели, но всё ещё читалось выведенное каллиграфически: «Ирина, Иван, Серёжа Игнатъевы. 28 мая 19...».

Сергей Иванович трясущейся рукой положил фото на стол. Ещё фото, тоже старое: малыш в ползунках, на ковре. Тетрадь в сиреневой обложке из грубой бумаги, округлые неуверенные буквы: «...ученика 2-го А класса Игнатъева Сергея».

Что-то твёрдое. Ножик, любимый складной ножик с маленьким лезвием и рисунком ракеты на плашке, безутешно потерянный в пионерском лагере. Снова фото: шумная ватага, хохочущие девчонки, длинноволосые юноши, серое бескрайнее поле. Это на картошке, в институте.

Он перебирал вещи, вещицы, бумаги, уже не удивляясь, и вспоминал, вспоминал... Фото: первый день в новой школе, учитель ненамного старше своих учеников. Чешский цанговый карандаш с тоненьким сменным грифелем и прозрачным окошечком, сквозь которое видно было, сколько осталось запасных стержней. Клава — юная, задорно смеющаяся, с дерзко торчащими

косичками. Это на танцах, в клубе. Шипастая морская раковина. Горячий южный полдень, ослепительно бликующее море до горизонта, белая бумажка на облупленном от загара носу... Колечко. Простое обручальное колечко, тонкое, красновато-рыжее. Откуда? Оно же было у неё на пальце, когда...

Сердце снова сжалось.

Кажется, за четыре года можно бы уже привыкнуть. Он и привык. Точнее, свыкся. Всё равно саднило.

Последние дни она почти не говорила, просто лежала и смотрела на него огромными на исхудавшем лице глазами, и в них ещё плескались остатки той синевы, в которой он утонул навсегда при их первой встрече. И только перед самым концом, перед тем как уйти, разомкнула губы и что-то прошептала. Игнатъев заспешил к кровати, наклонился, но не разобрал ни слова. Последний раз его щёку тронуло её слабое дыхание... И она ушла.

Сердце сжалось ещё сильнее, пропустило удар, Игнатъев задохнулся, слабой рукой потянул ворот рубахи, прошаркал к балкону, распахнул дверь. Свежий майский ветер ворвался в комнату, колыхнул шторы, хрустально прозвенел подвесками на люстре.

Игнатъев с натугой вдохнул прохладный, пахнувший весной воздух. Отпустило.

За спиной зашуршало. Лист тонкой бумаги, поднятый сквозняком, трепеща, сделал круг по комнате и приземлился прямо в протянутую ладонь. Теперь на нём чернела надпись. Игнатъев взгляделся. До боли, до слёз знакомый почерк. Четыре слова. Те, что не расслышал тогда в прощальном шёпоте.

... НЕ ТОРОПИСЬ... Я ПОДОЖДУ...

Игнатъев выпрямился и посмотрел в изумительно синее весеннее небо, туда, где светило над городом яркое майское солнце. Он смотрел прямо на солнце, не мигая, и глаза не жгло и не слезило, и ему казалось, что его подхватывает и несёт, что он растворяется в этом всепоглощающем свете. Встало перед глазами прекрасно молодое лицо жены, откуда-то сбоку ласково улыбнулся кудрявый мальчишка-ангел, мир стремительно повернулся...

Сергей Иванович Игнатъев взмахнул руками и упал в синее небо.

КАРМА

— И как это будет выглядеть? — спросил Андрей.

— Очень просто, — ответил Дима. — Ты садишься вот в это кресло (он кивком показал на большое удобное офисное кресло), надеваешь вот этот шлем (шлем напоминал хоккейный, из него прорастали нивы разноцветных проводов), глотаешь вот эту таблеточку (он достал из пластикового пузырька двухцветную капсулу и подбросил её на ладони), закрываешь глаза и засыпаешь. Спишь сладко, но недолго, минут тридцать-сорок, потом просыпаешься, открываешь глазки, и мы с тобой вместе посмотрим, что получилось. Ферштейн?

— Йа-йя, натюрлихь, — браво сказал Андрей. Он ещё раз обвёл взглядом тесноватое помещение лаборатории, заставленное непонятными приборами: там светились индикаторы и экранчики, стрелки на шкалах двигались и что-то показывали, раздавался тонкий писк и низкое гудение — в общем, вся эта музыка жила какой-то своей ин-

тересной жизнью, и оставалось надеяться, что Дима здесь всё-таки дирижёр, а не такой же зритель.

Из понятного были только два огромных компьютерных монитора на столе, перед которым, собственно, и располагалось кресло. Сейчас на одном светились ветвящиеся графики, второй показывал панель управления с кнопками, разноцветными окошечками и крутилками. Все они были подписаны — по-английски.

— А ты уверен? — спросил ещё раз Андрей. Просто так спросил, чтобы скрыть накативший вдруг мандраж. Спрошено и отвечено было уже не раз и не два.

— Узбагойся! — очень похоже спародировал Дима. — Я сам сто раз так делал!

И подмигнул Андрею.

— ПО здесь буржуйское, качественное, только слегка адаптированное. Собственно, как буржуйское — наши же у них и делали, я даже знаю, кто. Гарантия двести один процент. Да я ведь говорил уже! Ну, поехали?

В его голосе проступило нетерпение.

Андрей набрал в грудь воздуха, резко выдохнул и уселся в кресло.

— Заводи! — сказал он.

Андрей открыл глаза, сладко потянулся и спросил:

— Всё?

Шлема на голове не было, и, скосив глаза, Андрей увидел его лежащим рядом с креслом. Скорее, он даже не лежал, а валялся. Половина проводов были оборваны, торчали размахрившиеся концы. Андрей удивлённо посмотрел на товарища.

Дима выглядел странно. Казалось, он чем-то безмерно удивлён или даже слегка напуган. Услышав вопрос, он вздрогнул и отодвинулся. Пальцы правой руки нервно барабанили по столу.

— Всё, что ль? — повторил Андрей.

— А?.. Да, всё, — медленно ответил Дима. — Ты ничего не чувствуешь?

— Не-а, — весело ответил Андрей. — Выспался прямо очень! Хорошая таблетка.

— Ничего не снилось? — продолжал Дима.

— Ни-че-го, — уверенно сказал Андрей. — Провалился как в яму.

— Ну и ладно, — неожиданно успокоился Дима. — Слава богам!

— Чего-то ты странный какой-то, — отметил Андрей. — Что-то не получилось?

Дима неопределённо пожал плечами.

— Не то чтобы совсем не получилось, — сказал он, — но... В общем, думать надо.

— Ты обещал показать. Смотреть будем?

— Да там нечего. Сплошные помехи... — ответил Дима. Не очень убедительно ответил.

«Врёт! Ой, врёт!» — подумал Андрей, но вслух ничего не сказал. Наука, понимаешь, дело такое... Обидеть легко.

Он поднялся из кресла.

— Ладно, пойду я. Зови, если что.

— Давай. В кассу загляни, на втором этаже в конце коридора. Фамилию назовёшь, паспорт покажешь. Добровольцам положена оплата. Немного, но всё-таки, — деловито сказал

Дима. Он уже совсем успокоился. — Я позвоню, если что-нибудь будет.

— Ага. Бывай!

Андрей хлопнул по подставленной руке и вышел.

Дима смотрел на медленно закрывающуюся дверь, и в глазах его стояли те двадцать три секунды ужаса, двадцать три секунды чёткого изображения, выхваченного программой KARMA.2.0 из хаоса и сумбура помех: огненное небо с чёрными бороздами дыма, кипящее багровое море, рушащиеся небоскрёбы — и гигантская фигура, раз за разом заносщая и обрушивающая огромный раскалённый молот на стонущую земную твердь: искажённое яростью, нечеловеческое лицо, в котором, однако, ясно просматривались черты лица его старого знакомого, который, весело насвистывая, сейчас спешил длинным коридором в кассу.

КОЧЕГАР

Боже, какая старая, езженная, навязшая в зубах история! Слышанная не одну тысячу раз и происшедшая не одну сотню тысяч раз! И всё же есть нюанс...

Ей подружки говорили:

— Ну куда ты, Анька! Ты посмотри на него — и посмотри на себя! Ты чего в нём нашла-то?

Аня отвечала тихо и коротко:

— Он хороший!

— Да он тебя не то что в ресторан, в кафе ни разу не сводил! Катал не на машине — на метро! Букета не подарил!

— Подарил, — отвечала Аня.

— Ага, — ехидничали подру-

ги. — Ромашки да васильки полевые! Это букет?

Аня упрямо поджимала губы и повторяла:

— Он хороший.

Подруги фыркали и отворачивались.

Мама говорила:

— В принципе, он мне нравится. Такой крепкий, немногословный. Надёжный, я бы сказала. Ну и что, что кочегар? У нас все профессии нужны и важны. Но... Может, ещё подумаешь, Анечка?

— Я уже подумала, — тихо отвечала Аня. — Я за него замуж пойду. Он мне предложение сделал. Я согласилась. Вот...

Колечко. Простенькое, без изысков. Золотой ободок на безымянный палец.

Мама ахнула и заплакала.

Так и поженились. И стали жить.

Мужем Василий оказался действительно основательным, надёжным и крепким, как бетонная стена. Немного времени прошло — из простых кочегаров стал бригадиром.

Потихоньку-полегоньку появилось всё: и квартира, хоть и не сильно просторная, но своя, и авто — не последней модели, но крепкое и постоянно на ходу, и дача, где Аня с опытом, приобретённым на даче родительской, с удовольствием выращивала и заготавливала на зиму всякое.

Жизнь текла неторопливо и размеренно. Подруги высказывали замуж, бурно замужествовали, разводились со скандалами, сходились снова...

Аня сажала на даче розы — для души, для себя.

Василий оказался не очень охоч до ласк, и детей у них по-

чему-то не было, хотя и в порядке всё было у обоих, проверили. Аню иногда захлёстывала тоска по маленькому, мягкому, тёплому, детскому, и она, махнув рукой — грешить так грешить! — с оглядкой пускалась в короткие, ни к чему не обязывающие адьюльтеры с затаённой надеждой, что, может быть, получится с кем-то... Не получалось. Чувство стыда немного уравновешивала уверенность, что Василий всё знал, а если и не знал, то точно догадывался. Но ни разу не намекнул и не упрекнул. Так и жили.

Чаёвничали вечерами на дачной веранде, и она снова вглядывалась в его лицо, коричневое, будто вечно загорелое, брала в свою маленькую ладошку его руку, большую, крепкую, с жёсткими мозолями, тёмно-серую от въевшейся угольной пыли, которая не отмывалась уже ничем, прижимала к своей щеке... А он смотрел на неё пронзительно-синими глазами, и она в который уж раз думала, как всё-таки ей с ним здорово повезло.

Так жизнь и прошла — не пролетела, не прокатилась, а прошла. И закончилась.

Прощались с ней в холодном просторном ритуальном зале при больничном морге. Родственники и подруги жались по стенкам, негромко разговаривали, громко шикали на притащенных зачем-то детей и внуков. Василий подошёл к гробу последним. Долго стоял молча, смотрел в ставшее вдруг строгим милое лицо, на котором и будто все морщинки разгладились. Осторожно погладил её руку всё с тем же простеньким колечком на пальце, наклонив-

шись, что-то прошептал и поцеловал её в лоб. Крутившийся рядом непоседливый внук лучшей подруги расслышал:

— До скорого, родная. Увидимся...

Гомон, гомон, тоскливый вой, плач, истерика, крики, команды, жуткий хохот и снова плач.

— ...Это ошибка... я не... господи, господи, за что?.. я же не... ты, ты и ты — на выход! да не туда, вон в ту дверь! ... а тебе говорили? говорили ведь? а ты не слушал! ну вот и получиай! ...господи, господи, господи...

Аня была почти спокойна, в истерике не билась. Грешила? Грешила. Ну, что назначат — тому и быть.

— Семёнова Анна Петровна. По совокупности грехов... Вот в эту дверь.

Лязгнули тяжёлые засовы, в лицо пахнуло адским жаром, жутким багровым светом, серным зловонием, истошные вопли и визг сливались в невыносимую какофонию. Она зажмурилась и шагнула через порог. Дверь ахнула, захлопнувшись. Она почувствовала чьи-то железные пальцы на талии. Всё! Пришла пора отвечать.

— Здравствуй, родная!

Знакомый голос заставил открыть глаза.

— Вася! Ты... ты тоже?..

Она смотрела на его изъеденный адским пламенем лик, узнавала и не узнавала.

Молнией сверкнула догадка.

— Вася... ты... ты... кочегар?

— Ага, — подтвердил он, хмыкнул и, полуобернувшись, обвёл рукой всё необозримо безграничное багровое пространство. И смущённо добавил:

— Главный кочегар...

СЕРГЕЙ СКУРАТОВСКИЙ

ВСПОМИНАЯ СВОИ ИМЕНА

Километрами обочин ночь приходит ко двору.
Не печалься, не тревожься, все умрут, и я умру.
Темноту несут в карманах, сыплют семками на стол,
Дети наливают пиво, тянут взрослый разговор.
Что сейчас седеют рано, имут ипотечный срам,
Вместо семок по карманам — горе, море, телеграм,
Тихо наливай, разбудишь в хлам уставшего отца,
А ты знаешь, нейросети воскресили мертвеца?
Их отец храпит за стенкой: ему снится Ахилл быстроногий,
Баловень глупых богов, их жестоких повадок наследник,
Снится злосчастный Приам, его горько скривлённые губы,
Руки, бессильно простёрты вслед детям, сходящим в Аид.
И странное слово «сын» царапается под кожей,
Падает и звенит, будто невидимая монетка,
Спрятанная от Харона.

Растут семафоры, призрачная брусника,
За стеклом — темнота. Сквозь воинственный лес
Продирается поезд, в купе — мой двойник, а
На койке соседней уставший отец
Внушает ребёнку, вносит последние правки,
Что его, как и всех, в конце отпоёт нейростепь.
Оловянный ребёнок, солдат в металлической сказке
Продолжает смотреть на всё это, молча смотреть.
Прижавшись к стеклу, провозжая родные заборы,
Пропуская в себя гул железнодорожной ночи,
Он поймёт, что молчание — это переговоры
С тем некто в окне, что тоже так страшно молчит,
Так пристально смотрит — тело становится вялым,
Воздух густеет, беззвучно вещи кричат,
В соседнем купе кошка заходится мявом,
А люди молчат, от адамова века молчат.
Папа, кто там в окне, кто в огне, там кто-то во гневе

Веховые столбы срубает горящим мечом!..
 Мы успели, сыночек, в последний вагон, но успели,
 Ты пригнись, не смотри, мы мимо, мы ни при чём.
 Пути перекрыты, на разрушенном полустанке
 Бесы танцуют, падает с воем сосна.
 Всё же светает. Спускается ангел,
 Пассажиры выходят к нему, вспоминая свои имена.

Смотри, Бог призывает палые листья,
 Камни заворачивает, уговаривает водой.
 История — пистолет, а время — всего лишь выстрел,
 Прозвучавший рядом с твоей головой, с моей головой.
 Ты говоришь, это время темно и серо,
 Темно и серо, огонь и сера, поэты слепнут.
 Мальчик пишет наощупь, пишет Гомера, он видит Гомера,
 И взгляд его становится светлым.
 Ты говоришь, те — не эти, а эти — не те.
 Я отвечаю: ангелов делают в темноте,
 В такой темноте будут зубы болеть
 и не сможешь найти их рукой,
 К тебе подойдёт сатана и спросит, щурясь:
 кто ты такой?
 Прикинь, он не знает, кто ты такой,
 А ты тоже не в курсе.
 Ты вообще знаешь ли что-то, кроме
 Говорящей крови, молчащей крови?
 Всё смешалось, люди и кони.
 Наивный такой, на старой иконе
 Искал себя и нашёл себя
 Не в Георгии, но в драконе.
 Зверь, вышел из бездны, стоит на камне, под камнем болит.
 Дай мне, Господи, светлых Твоих молитв,
 Ясных, как летнее небо,
 Как голубая трава Твоих незаметных полей.
 Одолей дракона, Георгий, побыстрее одолей.
 Может, тогда я встречу Гомера.
 Сядем, поговорим...

Когда в небесах останутся лишь небоскрёбы,
 Под ветром и солнцем блестя стеклянной ботвой,
 Я город покину, бетон почернеет от злобы
 И вслед прохрустит — ну чо ты какой, я скажу — ну, такой.
 И уйду в тишину, в крылатый закат, попросту сгину,
 Чтоб зло во мне выло,

Боясь погрузаться во тьму,
И мёртвыми воробьями буду кормить краснеющую рябину,
Чтоб неповадно было.
Чтоб никому.
А некто пройдёт по двору, силён и неспешен.
Чья-то бабушка ягоды рвёт своей детской рукой,
Ей на ладонь упадёт моя злость кровавым мясом черешен,
И наступит покой, такой невозможный покой,
Который нельзя попросить,
Нельзя угадать или вымолить.
Он легче, чем сон и светлее, чем детская смерть.
Его можно из воздуха, как из мрамора белого, выломать,
У соседа на дачном участке через забор подсмотреть.

Пыль и полынь, мёртвый язык дороги
Поддержит идущего, странствующего простит.
Бродячая кошка, завидев тебя, поёт,
Хвост задрав, бросается в ноги,
Будто все девять жизней её
Ты держишь в своей горсти.
Где-то там, во дворах, на теплотрассах,
Слушают Летова, как лет надцать назад тому
Школота выбиралась из своих тридевятых классов,
Воскрешала и возвращивала древнюю летнюю тьму.
Теперь ты сам как Летов,
Живёшь в стране бесполезных советов,
Орёшь в чьём-то школотячем сердце.
И смеешь, впервые смеешь называть
Всё, что было — детством.
На самом деле время неподвижно,
Скорее всего, вообще нет времени.
А ты движешься, бежишь кошкой, то дальше, то ближе,
Ластишься, крутишь хвостом,
и уходишь потом, типа надоели мне...

СВЕТЛАНА САГАЙДАК

ПРИТВОРЯТЬСЯ ЖИТЕЛЕМ ГОРОДА

Притворяться жителем города,
Который впервые видишь,
Идти столь уверенно, будто знаешь
Все статуи, повороты.
Здороваться с булочником, шутить
С лицами разных гильдий.
Разглядывать одобрительно
Проспекты и подворотни.

Замечать, что лист здесь бордвоее,
Чем в родном,
Скручен сигаркой и вынуждает сесть,
Закурить прямо в парке,
Где это запрещено,
Но сливается с запахом
Жжёных других вещей.

То ли зёрна в кофейне
Бросились на угли,
То ли дворник спалил
Охапку сухих врагов,
Ну а всё-таки, кроме гари и
Осе-ни,
Я не чувствую в этом городе
Ничего.

Мы молодеем, дерзим, терзаем
Тело и то, что внутри, под коркой.
Как дебютантки в парадной зале,
Шлейф из атласа скомкав.

К вечеру зябнут худые плечи,
Кем-то забытая пелерина
На фортепьяно. И хлещет, плещет
Север в тугую спину.

Что на французском казалось правдой,
Невыносимо звучит по-русски.
Но говорим на обоих — складно:
Санкт-Петербург — Тулуза.

Все самолёты летят в элизий,
Грохают брички от Аваддона.
Титул с собой забери и выйди —
С каторги, как из дома.

Изобрази часы на потолке,
По вене — суховатым языком,
Как время — не удержано никем,
Пространство — не нуждается ни в ком,
В обложках мягких — книг — великих книг —
На уголке, заломанном чтецом,
Избавленный от наций василиск
Шевелится под пальцами персон.
Сегодня мне не свят, не sweet — никто,
Какое счастье, близкое к ядру,
Расплавленному в лоне. Даже ток
Скользит по волосам, не тронув дуг.
А людям не придумать ничего
Вернее слов «красиво» и «любовь»,
И этот год — клянусь, пречёрствый год! —
Стремится к совершенству.
Как и то,
Что делает галактику из фей,
Из карликов, искрящихся чрез газ.
Изобрази часы на потолке,
Идущие без нас.

Рассвет в ноябре — бледен,
К семи растворил кофе.
По кромке окна — ветер
Трещит ледяной коркой.

Какая же тут радость?
У радости цвет астры,
Которую мы крали
В саду, где чужой праздник.

Все «эр» заостри стеклом,
Слепи в ноябре сани,
Я всё говорил «стерпим»,
Но это уже — край и

Держись, не спеши падать,
Там пасти внизу, зубы.
Какая уж тут радость?
Здесь нос бы за шарф сунуть,

Бежать, как дурак, к лесу,
В кармане тряся спички.
Рассвет в ноябре — бледен.
Но — чирк! — чирк, чирк, чирк!
— Шибче!

— Не горят, промокли.

Я зря растратил вдохновенье
На вечер, оперу в партере,
На закулисье, на таверну,
Где лишнего хлебнул, наверное,
И провожал тебя, дурнея,
До двери.

Ты больше не живёшь здесь — знаю,
В парадном — люстра подвесная,
Что антиквара сон — под зельем,
Над подсознанием.

Сегодня, кажется, иссякло.
Молюсь лениво, как под тяглом
Разочарованный донельзя
Поп-скептик.

Здесь душно спать под одеялом,
Уж лучше бы ты обделяла
Меня им. Хоть и не накрывшись —
Не дышится.

Спокойной ночи, до свиданья.
До встречи — в январе ли, мае —
Случайной, неизбежной, крайне
Избегаемой.

Искала глазами, ждала спиной,
Искрилась и молодилась.

Сдавалась. Вростала в сырость
И чокалась со стеной:
Бокалом о штукатурку,
На ободке — клей-цемент,
Пять литров на пятерне.
Удар: с не-хрустальным стуком
Разбито. Сонливость, снег.

Морщины съедали пудру,
Помада сошла сама.
Твой возраст — твой компромат,
А я — всяких лет преступник.
Синдром самозванца? Но
Здесь нет ни черта синдрома.
Признай, ты — никто, ничто мы,
Безвестность, зюйд-вест, зима.

Дело уже не в стёкшем на хлеб яйце,
Уровне соли, сахара и прожарки.
Завтрак, сегодня брошенный на плите,
Будет не съеден завтра. И послезавтра.

Пыль улеглась вольготнее. Дремлет кран,
Так артистично сдерживающий каплю,
Как балерину держит танцор-«султан»,
Липко сжимая пояса красный бархат.

Кто-то с тревогой вышиб ногою дверь
В восемь утра, застигнув врасплох соседа,
Зябнущего со шпичем в глухом дворе:
Шпич не спешит мочиться и смотрит в небо.

Так, волоча скелет, покидают Аушвиц,
«Арбайт махт фрай» пометив сухим плевком.
Всё, что осталось в прошлом — уже не важно.
Важно, что ты остался. Неважно в ком.

Жидкая жизнь размазана по фрагментам,
Сдвинул рассудок дроби друг к другу вплоть.
Не закрывай глаза параллельно с кем-то —
Он не закроет. В этом — урок уродств.

Будь же сердит, как бог, разлюбивший небо,
Как человек, которого бросил бог.
Злоба полезна богу и человеку,
Чтоб не вернуться в Аушвиц и Амерсфорт.

Есть важные вещи, в них — ни аза смешного,
Есть вещи невыносимые, как пыльца —
Аллергику. Жизнь зарыта поспешным словом,
Но боль отрастает
Ноптем у мертвеца.

И кажется, больше нечего здесь поделаться,
И делать здесь больше нечего — разный смысл,
Но тошно от траура — не по душе — по телу,
Которое было проще всего
Любить.

НАДЕЖДА КНЯЗЕВА

ФЛЕШБЭКИ И ФЛАЖОЛЕТЫ

ЧЕРЕДА

За тоненький лист череды держись
Среди череды утрат.
Никто и не знает, как жить эту жизнь,
Особенно по утрам.

Рутину включает привычный квест,
Тоску загоняет в быт,
Но если душа в человеке есть,
Значит, она болит.

Вот как-то сорвётся ни в склад, ни в лад,
Себе причиняя вред.
Песчинка, случайно попавшая в глаз,
Включает резервный свет.

Растёшь неумело: глоток, другой,
Но вновь обрубают ток.
Планета плывёт под твоей ногой,
На новый идёт виток.

Пей мяту, ромашку и зверобой,
Чужие смотри мечты.
Но как оставаться самим собой,
Не осознав, кто ты?

На небе начертан закон звезды,
Но почерк — как у врача.
И нужен всего лишь один язык,
Чтобы на нём молчать.

Сентябрь — неровный сон картонный,
Расшатанный, необжитой,
Как уют квартир съёмной
Со старой газовой плитой,

Пружинной койкой и алоэ,
Что выползает из горшка,
И всё какое-то чужое
И незнакомое пока:
Обоев желтизна бумажных,
Кран каплет, ржа разъела дно,
Сквозняк тоскливый и протяжный
И обнажённое окно,
В котором пустота, и птицы,
И дальних улиц этажи,
И надо в это как-то вжиться,
И надо в этом как-то жить.
А ты не заслужил доверия
И потерял искомый след,
Забыл, как пользоваться дверью,
Но помнишь, как устроен свет,
И можно пальцем в небо тыкнуть,
Зажечь холодную зарю,
Чтобы горячим лбом приникнуть
И так, по капельке, привыкнуть
К очередному сентябрю.

В ту зиму снега было столько,
Что стало ближе до небес,
И распадался на осколки
Заиндеветший хрупкий лес.

В кристаллы сжавшаяся влага
Звенела, освещая мрак,
И небо пахло, как бумага,
И кожа тоже пахла так.

В дому, закутанном в сугробы,
Лежишь, свернувшись, как в утробе,
И дремлет дом, и дым плывёт.

И глохнут грохоты салютов
Под голос города, уютный,
Как гул околоплодных вод.

Снова мне нужно тебя искать,
Слепо блуждать в лабиринтах комнат.
Я никогда не была близка,
Руки тепло твоё вряд ли вспомнят,
Но впереди промелькнёт: день-день —

Ключик, монетка, обрезок фразы —
И колокольчик звенит в груди,
На частоту на твою завязан.

Вязь коридоров и тупиков,
Ручек дверных и замочных скважин,
Патина швов, паутина снов
Вечно скрывают того, кто важен.
Стен переменчива вертикаль:
Арки парадных, тиски барачков.
В надписях, росписях, пустяках
Всюду ищу тебя между знаков.

Сон от сна стерегу свой путь:
Вдруг потеряется хвостик нити.
День ото дня золотится пусть
В свете текущих во мне событий,
Чтоб наяву мне тебя узнать,
Если внутри колокольчик ожил,
Чтоб эти строчки легли в тетрадь —
Синие вены по белой коже.

Какая резная, какая сквозная боль
Прилипла к лицу летучею паутинкой!
Ты снова готова стать верной её канвой,
Тыставишь иглу на открытую грудь пластинки.

По-прежнему нежно, небрежно ведёт свой путь
И к сердцу круги сползаются к периферии,
И ты уже знаешь, где выдохнуть, где вдохнуть,
Чтоб было не больно — вот тут — раз и, два и, три и...

...И чёрной водой подступает она ко рту.
Исчезнешь вот-вот в тошнотворном её крученье,
Но план прохожденья — на стенке и в паспарту,
И ты превосходно плывёшь по её теченью.

Как глупо сквозь лупу глядеть на неё извне,
Когда изнутри — флешбэки и флажолеты.
Как трудно открыться пугающей новизне,
Скользя и скользя по кольцу одного сюжета.

На бесконечно восьмом этаже
Воздух свистит разреженный.
Небо под ножницами стрижей
На лоскуты разрезано.

Синее манит, как лёд по весне,
Чтоб рыболовы вышли.
Ты, словно птица, сидишь на окне —
Тянет гулять по крышам.

Окна сверкают, умыты дождём,
Город кипит и пенится.
Он тебя ждёт, несомненно, ждёт,
Башни кирпичной пленница.

Птичий закон перемены мест
Не одобряет двери.
Кажется, выйдешь через подъезд —
И потеряешь перья.

Кажется, выйдешь через карниз —
И неизбежна кара,
И разобьётся, сорвётся вниз
Сердце твоё Икарово.

Так и сидишь, ожидая знак,
Жребия волю глупую.
Хочется жить, но не знаешь, как,
Волю и боль не путая.

Если чуешь, что в тоске потонешь —
Надевай спасательный жилет.
Среди зыбкой среднерусской хтони
Лишь бы не начать себя жалеть.

Острый запах заспанных подъездов,
Пять тягучих месяцев зимы:
Бездна так щедра и безвозмездна,
А тепло — по крохам и займы.

Вида суть кривого механизма,
Нервно куришь, ангел во плоти.
Красный огонёк швырнёшь с карниза —
Кто-то скажет: звёздочка летит.

Не жалея себя и жахни света,
Сколько можешь, в эту жуть и жечь.
Просто помни: счастья в мире нету,
Но кто спросит — говори, что есть.

АНАСТАСИЯ ЛИПИДИНА

ОГОНЬ В РУКЕ

смотреть в голоса проходящих
выискивая себя
прекрати
и закрой свой ящик
наивная
фем фаталь
для тебя
загрустивший хворост
заперты песни и сны
и последний
колокол
голос
тебе
с тобою остыл
растерянно
отгоревали
забыли
дату и гроб
заплаканный
только я
бывает
заглядываю в него

вижу там
то глаза паучи
то ряску
то синие перья
она
ничему не учится
и тому
что мертва
не верит
ей воплем
размыло личико

показывается
урод
но
сердце его аритмичное
уснуло и стало доброе

если взвесить пустоту
то услышишь как в тебе
и заметишь как в тебе
звуки и цветы умрут

и увидишь сразу ты
нет на свете ничего
нет на свете ничего
тяжелее пустоты

ничего красивого не покажу
смерть есть смерть
язык её выплюнул
и вот она ходит

и что ты ходишь неприкаянный
дух неваляшка торопыга
ритмован точкой от окраины
до солнцеликой скорлупы
горит воздушными низинами
молитвами поёт дифтонги
взмах пули глупой и резиновой
ты только подвываешь в тон
гипотеза случится ампулой
спасёт от смерти или треснет
а ты ей только голос храмовый
ты только продолжение песни

мимо капищ и ристалищ
я без шуток не хожу
то кучкуюсь как опарыш
то скулю карандашу
шапок штор и спиелей мимо
в снежной тропосферной рже
взмою выгавкаю зимы
с миром лай и в шалаше

прихожу я по-гречески к индейцам кри
меня встречают кри-куны и кри-тянки
кри-тянок я зову обратно на остров
воспитывать честность и слушать флейты
кри-кунов никуда не зову
я знаете ли за
цивилизованные диалоги

списав оккультность колебаний
в пустионаучную тетрадь
иглочным и шатким шагом
обнять уроборосный мост
сиротку без функционала
и суверенности границ
прибитый к воздуху гвоздями
над испарением пустот
шатаюсь по и мост такой же
школярской оперой дрожит
а от чего к чему я спрочит
а я вздохну и промолчу

три тысячи лет как люди играют в игры
на самом деле не три
ведь числа тоже игра
а есть и другие
e.g. уголь-сера-селитра
латынь-древнегреч.-иврит
 $1+ctg^2$
и глупые игры зачем-то
преемственно треугольны
преследователь-нейроволк
спасатель-электропасть
последняя в лодке
виктимная кибер-Долли
но тут совершенство трёх
поместится и на двух
и даже на одного
только б эти уродцы
побегали за и от
вычертив ровный круг
по кругу потом как всегда
покатится ржавое солнце
для этого

овцы
волк
аналоговый пастух

не хрусти и не падай духом
дембелем не взлетай
новостей не читай не слушай
кому настучал трамвай
бебебе бей своих
шоб чужие опыт не получали
выноси из избы соггу
чувствуешь по ле легчает

один как попозже червь и лох
я только визжу и внемлю
моя пятка умный уют
которым я глажу землю
может и вырасту может пойму
услышу в нитье щенят
пошто так нелепо зачем так красиво
б а о б а б ы шумят

а явь не мох
ежовая перина
и сон не солнце
а огонь в руке
поди узнай
как дышат газ иные
люди
в леденцовом коробке
пугливая зелёная ловушка
зовётся жизнь
похожа на тархун
звонит бормочет
я беру беруши
потому что ужас берегу
когда зелёный пропорционален
и мху и солнцу
пространичен ад
люди выбирают из спален
и страстно
верно
любят лимонад

МИХАИЛ БОГАТОВ

ЗДЕСЬ ПОЧТИ СВЕТЛО

Очистка памяти не требуется —
и так уже ничего не помню;
под воду ведёт на дно лестница —
спускаемся вниз, авось не утонем;
а, может, будут миры такие,
каких глаза ещё не видали? —
вверх по лестнице пусть другие:
сверху легче смотреть на печали.
А тут в упор лишь рыбы немые,
весенняя рябь над головою,
мы внутри себя умрём молодыми,
но снаружи тебя я уже не укрою,
не спасу от ракушек и этой ряби,
от детей, что пришли сюда искупаться,
от мужей, что нетрезвыми к нам ныряли,
от всех тех, кто хотел навсегда остаться —
не остались, вылезли и обсохли,
разошлись по своим на полив по дачам.
В этой лестнице что-то такое,
не совсем похожее на удачу.

ОСЕННЯЯ ЗАРИСОВКА

Солнце конца сентября
светит из-под земли,
режет зрачок снизу;
прячусь в тени хрущёвки
и курю возле клёна —
в тени намного прохладней.

Сигарету произвели
всего лишь месяц назад;
асфальт положили в июле;
вдоль дороги стоят машины —
самой старой дюжина лет;

хрущёвка старше меня
на где-то шестнадцать лет,
но скоро её снесут —
и все жильцы это знают,
но некоторые не доживут
до переезда отсюда,
для них этот серый дом
таким же отправится в вечность;
клён вырос тогда,
когда папе было, как ныне
дочке Алёне, не мне,
я это своё пропустил;
мимо с матом идут подростки,
для которых я тоже старьё,
как дом, как эти машины;
с экрана смартфона
щёлкает новость —
ей жить три минуты;
старушка ведёт дряхлого пса
(они будто равны по годам,
но это неправда) —
и мне страшно представить,
как было бы лучше —
кто б из них пережил другого?

Я докурил сигарету,
и мне вдруг странно стало тепло,
но никто не знает об этом —
только лишь Бог;
Он во всём видит вечность и радость,
я во всём — на мгновение — смерть,
а в этом и есть всё различье,
лишь это различье и есть.

Не много, нет, а хоть бы летний запах —
пусть камыша, пусть лилии ночной —
пока он здесь — и дышится так славно,
и счастье счастья будто бы с тобой,
и так легко, и так всю свободу
на небе распластались небеса,
и можно видеть: миру всё угодно,
и красотой накормлены глаза,
нет, ты — не всё, и я — не всё, поверь мне,
мы — фон добру, свеченье ареала,
покуда запах лета не исчезнет —
былое наше тоже не пропало,

не сгнуло, не провалилось в тартар,
а стелется по выжженной траве,
где «я» и «ты» зачем-то небу надо,
а потому мне надо. И тебе.

Герой трагедии был изначально мёртв, —
так мне сказала Ольга Фрейденберг, —
на сцену вышел он — и не умрёт:
в конце трагедии отправится к себе —
туда, где нет богов и нет людей,
где стёрлись все различия вполне,
в великое окружное Нигде,
где света нет иного — на тот свет,
тот свет, стирающий события прежних лет,
на сцене выросших на жёсткий мрачный миг
для смертных наших глаз — и вдруг их нет,
и света этого, родного, свет поник;
останется «мы были» и «ты был» —
заветной вестью новых призовут.
И солнце ясное над сценою висит,
и боги хтонные нектар на сцену льют.

ПЕСОК

Я никуда отсюда не уйду —
не потому что не хочу или хочу,
а потому что уходить не надо:
«не делай глупостей», —
сказал однажды ты,
сказал, — и сам ушёл,
а я весь здесь остался, —
и до сих пор я пребываю тут
как вкопанный,
как вековая Троя,
здесь Шлиман не появится, и я
в себе храню секрет:
следы великой битвы:
Елена перед старцами
стоит здесь на стене —
там, снизу,
Менелай и Агамемнон,
и Ахиллес свой кубок поднимает
с живым ещё,
невнемлющим Патроклом.

МАНТРА

Ну вот смотри: весна,
и солнце, и листва,
и псы, машины, люди.
Так почему теперь
ты это говоришь,
не видя то, что есть,
в заботах о что будет?
А там сирень, сирень
и соловьиный пой,
смотри, скорей смотри:
всё это о тебе,
увидь: оно с тобой,
ты это всё и есть.
Всё прочее — пустыня.
Ну, помнишь, как бывало:
убьёт тебя. Ну, лезь —
чтоб было то, что стало.

СУМЕРКИ

У кого-то рушатся мечты,
облетают прежних дружеств связи —
я сижу в чертогах темноты
и леплю себе мечту из грязи;
это тихая, подспудная игра
с миллионным правом на попытку —
странных победителей череда
по обрываю, подвигам, отрывкам
из страниц любимых с детства книг,
из воспоминаний — по наитью —
я сумею. Я почти воздвиг
то, что засияет красной нитью,
что пройдёт сквозь тёмные слова —
мутные, искусственные схемы, —
и тогда, наверно, лишь тогда
мы заговорим в иные темы,
заиграем на иных ладах
в лучике грядущего рассвета.
А пока — ты не гляди туда,
продолжай упрямо делать это:
этого не сделает никто,
повторяясь. В неудачных жестах
вижу я, что здесь почти светло.
Скоро мы поговорим об этом.

ДМИТРИЙ МАНАЕВ

ВПОЛНЕ МАНАЕВ

ЭПИГРАФ. САМОВЛЮБЛЁННОЕ

Прочтя
Пару строчек
Этих
Неброских,
Всякий
Дурак
Без труда
Узнает:
Здесь
Вам
Не какой-нибудь
Маяковский,
Но
Определённый
Вполне
Манаев.

МОЖЕТ СРАБОТАТЬ

мрут великие поэты
и чтобы не помереть
я не буду быть поэтом
и вовеки не помру

МАЯКОВСКОЕ

Дура!
Зачем
Тебе
Крема
По тыще
За баночку?
В мире
Бесплатные
Есть
Для морды
Масочки
Из овсяночки!

АБСОЛЮТНО СЕРЬЁЗНО

Поэт,
Не пиши
О политике,
О войне,
О говне
Современности!
Космос,
Цветы,
Котики,
Женщины —
Вот
Твои главные
Ценности.

ФОРМА И СУБСТАНЦИЯ

Моя рубашка — вся в изумительных
Винных пятнах.
В рубашке — я, такой медлительный,
Неопрятный.

ЭПИТАФИЯ ЧЕРЕПАХЕ

Покойся с миром, Фрау Шульц,
Под жёлтеньким своим надгробьем,
Где георгины в изголовье,
Бархотки и другая чушь.

Почила ты, когда июнь
Отчаянно расправил крылья
И радовал нас едкой пылью
И глупостью гигантских лун.

Смотри: тебе несут дары
И в урну чёрную слагают,
И редкий дождик поливает
Возобновлённые дворы.

Прощай навеки, Фрау Шульц!
Мы не были с тобой друзьями:
Ты восхищалась кабачками
И множила салат на нуль.

И те петунии, что мы
В день похорон твоих сажали,
Соседями твоими стали —
Завяли. И закопаны.

МАРИЯ ОДИНОКОВА

ОБОРОТ ВНЕ-СЕБЯ

УЛ. ИМ. М. ГОРЬКОГО

словом исходить
простор погибели
с тем, чтобы
в неюте кожи
утонуть
сквозь преломление других

выплетая бережный круг
несколько тихих минут
и наброски значений
из спокойствия светлой росы

что это значит для нас?
ниоткуда глядящих в разрез тишины
между спонтанностью спальных районов
в некое имя, что собой наравне?

я тебя угадать не сумею
растворившись в смутном процессе
откликнешься вдруг наконец
неким таинством поцелуя незаметно скользя
не сказав ничего
только шёлк междометий
составив из слов

в капиллярах вопроса
миновать понедельник
чтобы встретить лицо
единичности
пустой пачки сигарет

ты не сможешь дышать
 бесподобием вечности
 доброго взгляда вещей
 под пение птиц

оборот вне-себя
 из любви
 от стихов айги к
 природе смысла
 от этого к тому
 от прости до
 чувства что
 обрыв молекул
 постепенно
 с вечера до утра
 от того к этому
 никогда не
 завершается

любовь — это сдвиг литосферной плиты
 подвижность сердца навывих
 это выкорчевать глаз
 воссияв с абсолютной точностью
 это выплакать ископаемый вздох
 чтобы танцевать в такт
 набирающему власть письму

моросит на улице дождь
 нас не спрячет под крышей скорая помощь
 я один в тупике пытаюсь нащупать свой пульс
 и он убегает под пальцы

хочется водки
 забыться и не забывать
 то, что внутри как река разливается комом

насладись этим тихим июнем
 с ветерком поиграй
 он ведь тоже умрёт не воскреснув

где-то вдали океан отбивает у берега камни
а ты снова один
безумный июль обнимает за плечи

перед глазами лишь ты
мой ворованный ангел
стряхни с себя седину
ведь лето меж нами
и август
в котором ты снова начнёшься
с того где упал

погляди как сегодня уютно
там где ты плакал когда-то

Недо-сказать, недо-делать
Как пустую тетрадь — резать
Колбасные дольки
Мазать майонез на грудь
И есть и есть и есть
Тонким рото-языком
Громким разрезом
Намёком рассказом
И некогда целое
Расступится вдруг
И научит любви
К тому, что не так
К тому что не так
Как последний этаж
На котором сидят
Двое влюблённых
И смотрят
Как спускается снег
В пустые ладони

СТРЕКОЗА ЛЮБВИ

мёртвая стрекоза любви
не шуми
иссиня чёрной скрипкой
сияй
телом переломленным
от безвыходности
что ещё
кроме солнца, полей и бессонниц?

стрекоза любви не будь
мёртвой
это голубям можно мертветь
на тротуаре
позировать камере
смартфона
я боюсь твоего молчания
боюсь твоей мёртвой плоти
да и ты, наверное, тоже
меня этой улицы
и смартфона
поэтому замертвела
чтобы никто не мог сказать
что ты некрасиво пила или ела

я смотрю на твоё
блестящее чёрное тело
ты живёшь
ещё немного
выж-жен-но на сетчатке
проходят люди
они твоё новое тело
выложили на прилавке
я тоже иду
к ним
насовсем
нам пора расставаться
ты целиком мертва
ты целиком стрекоза

МАРГАРИТА АРДАШЕВА

КАКОВ НОЯБРЬ НА ВКУС

Я ложусь в этот город — другая постель мала,
Но встаю под утро, будто бы не спала.

Смертный запах и рыжее марево там в дали —
На пустом бульваре бархатцы расцвели,

И баюльные песни с моря принёс туман,
Благодетель, хозяин небесных манн.

Жаль, не выносить чёрный бескровный плод.
Если не трогать — вскорости загниёт.

Отнесу его, положу под воздушный мост.
Где морозным пеплом старый платан порос.

Я пытаюсь понять, каков мой ноябрь на вкус,
Но шагну в него — и сразу же оступлюсь.

Квадрат-квадрат на мраморе, ковре
Не рассчитать без доли аутизма.
Глотая «эр», проглатывая «ге»,
Ты будешь повторять всё измо...
Измотанным, измученным вконец
Не голосом, но тоном изложения,
Куришь полынь, корицу и чабрец
До сухости и приторного жженья
На языке. Подвешена строка.
Так много слов, а я из них не выжму
Ни сути, ни стакана коньяка.
Чтоб было, чем запить сухую вишню.
Ей пахнет всё: твой джинсовый рюкзак,
Подушка, майка, срез от этикетки,
Оставленный блокнот, дорожный знак,
Автобус, что везёт до «синей ветки».

Я родился в хворосте под навесом
 Сорок семь или двадцать тому назад.
 Было страшно, когда заходилась лесом,
 Словно кашлем, и мне грозят,
 Что я тополем или тисом
 прорасту из костей своих.
 Если я в эту жизнь не вписан,
 То впиши меня в белый стих.

ХВАНЧКАРА

Распочать холодную «Хванчкару»,
 Сидя под эвкалиптом, сдирая его кору,
 Вдыхая не воздух, а набережную и жару —
 Это самое лучшее, что ты мне.

Но не будет юга, лета, грузинских вин,
 Сорвутся осадки мелкие, точно тмин.
 Будет туман, абсолютный ноябрь и Sting,
 И по улице Ленина я к тебе.

Снова и снова нам встретиться не дадут,
 Пока власть, магнитный полюс и курс валют
 Не сменятся, не растратятся на салют.
 Вот тогда-то мы.

ДЕТСКИЙ САД

Детство прячется от бездны
 Под обшарпанным грибком.
 Проглядел — они полезли
 Прямо в лужу босиком.

Запах жареной капусты
 И ненужности вокруг.
 Кто-то вялый, кто-то шустрый,
 Рёв от тысячи белуг.

Выльешь суп, уложишь Петю
 И со смены — налегке.
 Всё, что вспомнишь перед смертью, —
 Рыжий Миша на горшке.

В этом октябре ещё не было
 туманов и настоящего листопада,
 но когда городу станет тесно
 от накопившейся в нём воды
 и грецкие орехи полетят из луж

обратно на отсыревшие ветки,
я больше не смогу смотреть на тебя
и уеду в подмосковный лес
к заветному дереву.

Не хочется ни ёлок, ни огней
И ни глотка французского игристого,
А только чтоб закончилось скорей
Сражение, в котором я не выстоял.

Придёт за мной косматый Карачун
В один из дней на святочной неделе,
Но лучше пусть в Крещения канун —
Свой новый год не встречу в самом деле.

Всё выноси из своей избы:
Сор, тряпьё и скупую снедь,
Что так пестовал, но забыл
Сохранить и устал жалеть.

Все медали, звания и труды —
Они пеплом витают днесь.
Только крошки былой беды
Из души образуют взвесь,

Да и та развеется, точно рябь,
Схоронится в крещенский лёд,
И тогда забудешь, насколько слаб
Ничего не знающий наперёд.

Чередую брют и цинандали —
Белого так мало у меня,
Всё святое с юностью забрали,
Ни гвоздём, ни словом не маня.

В день рождения сладко утопиться
В море, но на то надежды нет,
Потому что крылья белой птицы
По тринадцать тысяч за билет.

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА К А.Д.

I

Желтели брюки от пыльцы, и трость стучала:
Так осень только в третий день брала начало.
И здесь не то, что по воде — круги по камню,
А дождь, как будто сам с собой, боролся с явью.

Ни летних дней тугая плоть, ни смертный холод,
 Не одолею толщу стен, сковавших город.
 Гвоздичный дым цедить в туман — моя отрада.

Пока смолистых облаков ползёт громада.
 Идти навстречу к ноябрю не станет поздно,
 Когда в размен уйдут года, дела и вёсны.

II

Всё своё волшебство я растратила на тоску
 По тебе, как всполоху последнему жизни сей.
 Ничего звенящего и чудесного более не могу,
 Хоть колы теши, предавай забвению иль убей.

Вполовину высохла, но и то ещё не предел.
 Руки теперь не годны ни сеять, ни жать, ни ткать.
 Лишь единожды нас счастливых кто-то запечатлел,
 Отразил небывалое — сходство и благодать.

Тем и жить теперь, что коснулось меня едва
 Безнадёжное, страшное чудо и кануло в полусвет.
 Если ты просишь саван, то нужно готовить два,
 И не верить в чужие сказки, что смерти нет.

III

Меня окружают драконы из чугуна,
 Сцена, колонны, сводчатый потолок,
 Книги, выставки, битая плоть окна,
 Развалюха-домик, который съедает мох.

Это всё так прекрасно в своей гнильце:
 И бульвар, и проспект, и рекламный щит.
 Я пытаюсь о них, но любая строка в конце
 Тобой до краёв наполняется и молчит.

IV

Напророчили Иосиф и Борис,
 Я им верю, кажется, в полверы,
 Будто уготован главный приз,
 Пережившему чуму и две холеры.

Непривычно слово «хорошо»,
 Если умираешь под берёзкой
 Каждый год. И вот к тебе пришёл
 Новый с сундуками, как Морозко.

Даже в Июль случились чудеса,
 Беспросветье временно отбросив.
 Пусть звенят и дальше голоса —
 Пой, Борис, и вторь ему, Иосиф!

НАТАЛЬЯ КРАСЮКОВА

ПЕРЕВОД С НЕВЗРАЧНОГО

сентябрь вполне подходит для
неутешительных итогов.
молчишь, как под дождём земля,
многозначительно и строго.

и мал балкон для этих дум,
молочных, выпавших под вечер.
в две тысячи каком году
ты станешь голосом и речью?

пространство сузится вот-вот
до влажной тени на реснице.
сентябрь вполне спасает от
желания проговориться.

ПЕРЕВОД С НЕВЗРАЧНОГО

вдали от окаянных
и неприкаянных взглядов
щурится ягода огляника.
поворотись — не увидишь.
а как за спину глазеть устанешь,
езде примечать начнёшь.
высмотреть оглянику можно безоблачную,
торфяную и волчью, а реже всего — тинную.
выслези её из тёплых следов того,
кто ушёл и вовек назад не вернётся,
собери, отзеркалив, две полноты,
смешай с одной полнотой
щелчков пальцев сердечной руки,
закостри на рябиновых веточках,
а золу размети удодей ресницей.
так станешь для всякого живого ока
прозрачным воздухом,
слюдяным ноябрём.

Выходи к перекрёстку, и встретишь меня, как свою
Золотую Орду, молодильную яблоню, Макошь.
Тридцать лет и три года назад ты вошёл в колею,
и с тех пор у околицы, заговорённый, маячишь,

Заплутавший, потерянный, периферийный, хромой.
Я сама иногда засыпаю у самого края,
но приходит волчок и меня возвращает домой,
а надкушенный бок до утра без следов заживает.

В этих снах ты стоишь на распутье и шуришь глаза.
Это я вдалеке, я машу тебе, словно бы знаю
все слова, что должна над тобой до восхода сказать,
но из горла растёт тишина, как луна, кровавая.

Дождь приближается. Вечер стоит в пяти
соснах карельского лета. Реки фольга
мнётся о камни. Нам через час идти.
Вёсельный плеск отмерив речным богам,
я собираю палатку. Обратный путь
кажется вдруг внезапным и штормовым.
Что остаётся? Спальный мешок свернуть,
ветку багульника спрятать у головы,
выйти к дороге через черничный лес,
скинуть рюкзак — и ощутить спиной,
как Корпийярви я оставляю здесь,
как Корпийярви едет со мной домой.

Возвращаешься в мир, где пейзаж состоит из равнин,
где на девять часов отстаёт от режима будильник,
зазевавшийся август копирует летние дни,
позабыв, как медведицы возле палаток бродили.

Да и сами палатки теперь на балконах, пусты,
в затяжном сновиденье, где лёг вулканический пепел.
Одомашнив людей на клочке литосферной плиты,
охраняют их ночь у хребта монохромной планеты.

А поднимешь глаза на дымок — и цементный завод
не рифмуется здесь с Ключевской, Безымянным, Эбеко.
Возвращаешься в мир, где не видно ни сопки, и вот
всё никак не проснёшься другим, городским человеком.

На кухне шпрехает яичница,
стреляя в безоружных маслом,
а он стоит и не колышется,
по-гумилёвски куртуазный,
в зелёной тройке, тонкий, матовый,
июнем пересотворённый.

И я кажусь себе Ахматовой,
клонясь к раскрытому пиону.

Льянка в цветник отправляет павлиний глаз:
«Милый Лилейничек, как ты живёшь, мой свет?
Есть ли ещё у августа дни для нас,
или пора клониться к сухой траве?»

Жёлтый Лилейник лимонницу шлёт в ответ:
«Милая Льяночка, нам ли бояться сна?
Я становлюсь прозрачнее на просвет,
я обращаюсь к тучам по именам.

Всё водянистей день и смелее мрак.
Вот он, мизинчик лета, его предел.
Тонкая нота последнего комара
в воздухе держит нашу земную Л».

Листья большого дуба укроют лес.
Всё, что пришло к молчанью, хранится здесь.

Чайка переходит на фальцет
и по краю пирса отступает.
Ты уже придумал, что в конце.
Я же вижу, я же не слепая.

Чёрный хлеб, расклёванный насквозь,
кофта на продутой пояснице.
Мне с тобой малым-мало спалось,
без тебя гораздо лучше спится.

Где левее дыбится волна
и хвостом елозит в мелководье,
ты стоишь, как будто бы женат,
и не знаешь, что уже в разводе.

Декабрь уместается в зрачок,
когда погасишь свет и смотришь в окна.
Стоишь за шторой, зная, что ещё
не поздно лечь, как гусеница, в кокон
из одеял. И думать, в потолок
подняв глаза раскрытые — привычка,
о том, что день был холоден и строг,
но даже в нём — и свет, и щебет птичий.

ДМИТРИЙ КАРЕЛОВ

ПРОГУЛКИ ПО ОКРАИНАМ

Я пил «Сибирскую корону», которую в не уловленный никем час изъяли из всех магазинов: её разливали только в этой столовке. Хотя, наверное, этикетка на кране врал: бармен поленился отклеить, потом забыл, меланхолично смотря вслед мужикам, уносящим кеги с «Сибиркой» — на холод, грузить в газель. «Поди сами выпьют... ссуки», — поделился, представлялось мне, бармен с пятью заляпанными кранами. И, может быть, действительно, где-то на рубеже Питера и ЛО, в продолговатом ангаре десятка три усталых мужиков всю ночь хлестали «Сибирскую корону», лишь бы всю выхлестать, и механически ругали начальство — без причины, по привычке, — отдавшее приказ «утилизировать» за ночь изъятые. Утром распадающейся кучей они вывалились из ангара на схваченный морозцем пустырь, увидели, что небо соединяется с землёй столбами пара, выходящими из далёких производственных труб.

Моя компания после нескольких, кажется, уже четырёх, порций пива впуталась в дурацкий разговор о жизни после смерти, из которого нельзя было нормально выпутаться, только разойтись по домам. Они напоминали

сцепившихся орущих котов, каждый из которых в глубине понимает, что победить не удастся. Один утверждал, что всё-таки что-то потом будет, другой пытался оспаривать, третий указывал на относительность суждений первого и второго, силился полушутя подсветить плохую доказательную базу спорщиков и нелепость дискуссии как таковой, но сам с головой ушёл в спор, сбивался, повышал голос и наконец, не выдержав, уплёлся за пивом, зло полосая воздух карточкой.

Я осматривался, мне нравилось легко угадывать (или я лишь думал, что угадываю) в разномастной публике, кто на поезд, кто с поезда, а кто местный; тешить задёшево своё приукутавшееся в опьянение самолюбие. За окном равнодушные бесснежной зимы укрылось под новогодними украшениями.

— Я пойду, — протянул руку всем и сразу Арсений, не принимавший участия в споре.

— И я тоже. Работать завтра, — поднялся я вслед, понимая, что нужно двигаться, чтоб не нагнала тоска.

Арсений закурил у выхода. Я стоял и ждал его, давя желание стрельнуть сигарету.

— Погнали, может, ко мне, вина попьём? ... Невозможно было там находиться, — сказал Арсений.

Я почти его не знал, но откровенное его признание, полностью совпавшее с моими ощущениями, располагало.

— Знаешь, а всё-таки там что-то есть, — шепнул Арсений в алко-маркете на кассе.

— Где там? — спросил его я, ощутив себя пьяным.

— После смерти. Я точно тебе говорю, — ответил он мне таким же шёпотом. Мои только что сказанные слова на этом фоне показались мне рёвом, и я заозирался вокруг.

Поднимаясь к нему по отвесным ступеням плохо освещённой парадной, я жалел, что не поехал домой. Его фраза многократно повторялась у меня в ушах, и он всё больше казался мне шизиком. Когда мы зашли в его съёмную комнатушку, я был в этом почти уверен. На стенах повсюду висели распечатанные снимки. На всех запечатлены помещения, многие из них без мебели и даже обоев, некоторые с частичной обстановкой, но с явными признаками заброшенности: поваленными шкафами, дырами в полу, словно полтергейстом разбросанными вещами, побитыми окнами — такие производили даже более гнетущее впечатление.

— Вот, держи, — протянул мне Арсений стакан, из которого обычно пьют чай, а не вино. — И как тебе? — обвёл он широким жестом экспозицию.

— Мрачновато, — не взялся я сильно расписывать.

— Ты, наверное, думаешь, я шизик? — я вздрогнул от точно угаданного слова. Арсений продолжил. — По правде, тут ниче-

го особенного. Я начинал это как типа социальный проект — фотографировал внутри домов под снос, имеющих историческое значение. Выкладывал фотографии в паблик. На пару зданий собирали петицию. Потом втянулся и начал фотографировать внутри всех заброшек. Меня привлекала в этом возможность ухватить что-то уходящее, зафиксировать распадающееся на части. Здесь много домов из Ленобласти. Даже пару раз ездил Новгород и потом в Петрозаводск... Но вот полгода как забросил, не фотографирую.

Мы выпили вина. Арсений принялся рассказывать про типы плёнки, фотоаппараты, указывая попутно на развешанные по комнате примеры. Потом долго описывал свою поездку в Карелию, мы даже сговорились съездить туда будущим летом. Разговор вернулся к фотографиям. Чтобы поддержать разговор, я спросил про петиции — петиции не помогли, увы. Мы сбегали вниз за ещё одной бутылкой.

— А почему ты бросил фотографировать — надоело? — спросил я у Арсения по возвращении.

— Вот, посмотри, — указал на одну из фотографий, оставив вопрос без ответа.

Фотография ничем не выделялась из числа прочих. На ней была плохо освещённая продолговатая комната, видимо, проходная, с едва приоткрытой дверью у дальней стены. Справа располагался сложенный диван, кривой и неказистый, слева — голая стена с двумя прибоchenившимися к ней мешками, в какие пихают строительный мусор.

— Последний мой снимок... Больше не фотографировал... — сказал Арсений после того, как мне пришлось с минуту её поразглядывать, изображая любопытство. Мы помолчали.

— Знаешь, это всё, конечно, странно, что я сейчас расскажу, — продолжил он. — Но мне нужно кому-то рассказать. Есть такие вещи, которые сложно произнести вслух. Сложно сформулировать и что-то мешает. Близким знакомым рассказывать как-то неудобно... недальновидно... С тобой мы виделись всего пару раз... — Арсений отхлебнул. — На тот район я попал случайно. Поехал туда вечером за колодками для вела, хоть и далеко было ехать — они остались только в одном магазине этой сети, продавались со скидкой. По пути в магаз приметил этот дом. Я тогда вечно таскался с фотиком, без него никуда. Окна были забиты металлическим листом. Кусачки тоже были при мне — я по-быстрому срезал у нижнего угла, отогнул и пролез внутрь. Дом как дом, ничего особенного. Вещей в нём, к сожалению, оказалось немного, квартиры не слишком интересные. Прошёл весь первый этаж, поднялся на второй. Там и была квартира, которая на фото. Сфотографировал комнату, открыл дверь, за ней вторая жилая комната: половина комнаты в полумраке, видимо, часть окон забита. У дальней стены, спиной ко мне сидел кто-то, прямо на полу, освещённый лучами, проходящими через незаколоченную часть окон. Он какое-то время сидел, а я не мог сдвинуться с места, словно прирос, всё смотрел на его клетчатую

спину, время, казалось, больше не идёт. Потом он встал и повернулся — я сразу ощутил, что с ним что-то не так. Мужчина, весь какой-то старомодный, вначале бомж, подумал. Клетчатый пиджак, рубашка белая, на голове чудная кепка, как на старых фотографиях. Главное, лицо абсолютно чёрное, но не то что в саже и не как у негра, а особой чернотой, словно поглощающей свет, это было отчётливо видно, когда он стоял в лучах солнца. Смотрел на меня, а я смотрел на него. Ещё явно ощущалось, что он испытывает ко мне неприязнь, хотя не было никаких явных признаков. Я не мог сдвинуться с места, казалось, это продолжается очень долго, уже начало темнеть. Вдруг оцепенение спало, я почувствовал своё тело, подвигал руками, сделал несколько шагов назад — развернулся и побежал, выбрался наружу, поцарапав руку металлическим листом. Пробежав несколько домов, я успокоился и даже вспомнил, что приехал сюда за колодками. Карта показывала, что в веломагазин кратчайший путь ведёт мимо этого дома. Я решил пойти в обход. Когда я оторвал глаза от телефона, он стоял в метрах ста на противоположной стороне улицы. Ничего не делал, стоял и смотрел на меня. Я развернулся и снова побежал, свернул в незнакомые дворы. На бегу подумал: вдруг он теперь знает, где я, что он привязался ко мне, как какой-то паразит, установил со мной связь, пока мы смотрели друг другу в глаза. Пробегая мимо очередной новостройки, я понял, что

больше не могу терпеть боль в боку, забежал вместе с заходящей бабушкой в дверь. Поднялся на несколько этажей на лифте и перешёл через балконы на пешеходную лестницу, где, по всей видимости, частенько собирались подростки. Я сидел на ступенях и с подавляемой тревогой вслушивался, нет ли шагов, разглядывал оставшиеся от тусовок банки с бутылками. Когда на улице совсем стемнело, решил выбираться, боялся не успеть на метро. Попытался встать, но не вышло, тело снова оцепенело. Показался он, поднимался с этажа ниже без звука шагов. Добравшись до меня, он положил мне руки на шею. Не душил, просто держал мою шею, плотно сжав ледяные пальцы. Боли не было, только очень холодно и страшно, а потом ушёл и страх. И как-то сразу удивился, что я раньше мог его испытывать. Словно удалили его вырабатывавший орган. Вернулись движения. Он развернулся и пошёл спускаться вниз. Я понял, что нужно идти за ним. Мы вышли из дома и неторопливо шли по улицам. Он больше не испытывал ко мне неприязни, как раньше, это чувствовалось. На улицах не встречалось людей. Из фонарей лился необычный перламутровый свет. На домах местами рос мерцающий фосфорическим цветом лишай. В пустом супермаркете за пыльными окна-

ми резвились несколько мерцающих огней; когда мы проходили, они подлетели и принялись легонько биться с внутренней стороны в стекло. Уже через пару дворов на смену городу пришёл пустырь, хотя город должен был продолжаться. Тут привольно чахли уродливые узловатые кусты, тянули к луне свои ветви, чуть заламывали их в стороны, как наркоманы в ломке заламывают руки — видно было, что кусты питаются лунным светом и что они ненасытны. Тут и там попадались следы только начатой и брошенной стройки: по обе стороны от дороги зияли залитые водой котлованы, уже поросшие по бокам травой, беспорядочно разбросанные бетонные плиты, извивающиеся толстые кабели. Чуть в отдалении, справа на траве лежал сбитый истребитель времён Второй мировой: одного крыла не было, на другом поигрывал лунный луч, щекоча своим остриём чёрно-белый квадратный крестик. Впереди глазам открывался лес, в который штопором входила извивающаяся влево и вправо, вверх и вниз разбитая дорога. Лес казался металлическим; из луны, как из слегка наклонённого полного до краёв кувшина, на сосны лился холодный свет, оставляющий во рту привкус металла, превращал дерево в сталь, переиначивал. Я остановился, подумал: что там

будет в лесу и будет ли что-то за лесом? Мой спутник тоже остановился, смотрел равнодушно сквозь меня. Я ощутил, что ещё есть возможность вернуться, хотя уже не очень-то и хотелось. Что если не поверну обратно сейчас, продолжу идти, то через какое-то количество шагов позабуду дорогу назад. Я развернулся и пошёл обратно в город. Мой спутник провожал меня взглядом, потом тоже пошёл — в сторону леса. В городе я долго блуждал по изменившимся улицам и всё же сумел отыскать ту новостройку, поднялся на этаж, на котором я прятался, и нашёл там себя, лежащего на ступенях...

Мы молча допили. Когда я собрался уходить, Арсений предложил купить ещё, за его счёт. Мне было неловко находиться с ним после этого странного рассказа, а он, видимо, боялся оставаться один. Я попросил у него адрес дома, в котором он сделал свой последний снимок.

— Тебе зачем? — и не дожидаясь ответа назвал мне адрес. Ему было всё равно, к нему уже подкрадывалось предстоящее одиночество.

Я вызвал такси и поехал туда, не особо сознавая зачем. Может, чтобы убедиться, что там ничего особенного, что Арсений начинающий псих. Оставить зародыш тревоги в полупьяной

ночи, не тащить за собой в следующую. По дороге ползая в карте и действительно нашёл недалеко от адреса упомянутый Арсением веломагазин. Улица оказалось узкой, плохо освещённой, без праздничных украшений и ярких витрин. Люди не встречались и, возможно, не ходили здесь никогда. По крайней мере не в пятом часу. Я постоял, смотря на дом с заколоченными окнами, пока не начал мёрзнуть. Редкие снежинки не спешили падать, зависали в воздухе, как после конца времён. Подойдя к дому, я подёргал металлический лист, он действительно отходил с одного края, и просунул свободную руку в черневший проём, пошевелил там пальцами, пощёлкал большим и указательным, и отпрянул, хотя ничего не произошло — просто неожиданно ощутил страх, удивился ему, молчавшему всю ночь. Мучительно трезвея, двинулся по изменчивому навигатору к метро. Чуть ободряла мысль погреться до открытия в круглосуточной шаверме, если такая подвернётся. Вдалеке виднелись производственные трубы, из которых к начинающему сереть небу тянулись паровые столбы. Иногда, в не уловленный никем час под облаками появлялись гигантские рты — это выдыхали пар из труб неизвестные боги.

АННА ВОЗМИЩЕВА

ДЕВОЧКА, ВЫХОДЯЩАЯ ИЗ НЕПРОГЛЯДНОГО

У меня есть сад с яблоней и кипарисами,
Есть тенистые ёлочки, посаженные маленьким принцем,
И мне, в принципе,
Нечем похвастаться в этих буднях.
Это проза, и ей
Подчиняются живые люди.

Яблоня здесь мать и древо жизни.
Она укрывает дом от лучей и вьюги,
Она вырастила не одно поколение
Синиц и садовых слявок.
Летом она для птенцов — как детский садик.

Жаль, что я уже стучаюсь об её ветви,
Больше не лазаю по ним до самого неба.
Я как те, кто её посадили —
Сгибаюсь и слепну.
Жаль, у моей второй мамы —
Новые дети.

От Нововятска до Большой Горы —
Смешение серости и простоты,
В пейзаже жалость и умиление.
Никуда не уехать, мы заперты в лето —
Бесконечное, заросшее без футбола поле.
Горизонт нелепо нарушают высотки.
Здесь пахнет травой, стрекозами и закатом.
Я почему-то своя, хотя никого тут не знаю.
Здесь оживает детство и неожиданно мокнут глаза.
Мама спросит: вот так уедешь?
И что ей сказать?

Дни куда-то бегут.
 Со словами глотаю сажу,
 Со словами перетекаю, как ртуть.
 Кого ты забыла на откосе окраины,
 Девочка, выходящая из непроглядного?
 «Себя, маменька», —
 Отвечает хрипло маленькая
 И идёт по рельсам
 До красной точки,
 Откуда летят стрелами поезда.
 Я ожидаю чего-то кожей
 Спины — то ли объятия,
 То ли взгляда стрелка.
 Тревога, Тревога — мой город.
 Медленная скороговорка-река.
 Молитва перетекает в текст Оксимилона,
 Леденящим дыханием слетает со рта.
 Если поплакать, будет спокойнее...
 «Да, мам, скоро буду дома».
 Когда-нибудь буду.
 Пока...

Я учусь летать, я — самоучка.
 Азбука птенцов — буквы падений.
 Я хочу выучить её до дна,
 Чтобы было больше не больно.
 Чтобы спасти Дюймовочку
 И мальчика-с-пальчик.
 Чтобы маленьким людям было не страшно.
 Чтобы не пусто было отдать себя
 Небесному Птицелову,
 Песней крылатой разлиться
 В Его пальцах.

Где-то на берегу Люльченки,
 Которой не видно, скитаюсь,
 Утешаю пустые качели.
 Город, перекрытый зеленью,
 Становится Горним миром.
 Только бабушки у подъезда
 С ним равняют взгляд.

А дети — дети становятся одуванчиками,
 Сначала желторотыми, потом улетают.
 И небо прижимается к проводам

Голосом с Котласского вокзала.
Раньше люди, теперь — провожатые.
Осень... и не оборачивайся вслед...

В Вятском крае, где купола седые,
Где берега иного не видно за дымом —
Я прохожу неспешно и нелюдимо.
Темнота за каждым наличником
Кажется домом.
Я же — иду, сама себе незнакома.
Прощать без конца и просить прощения,
Сверкать пятками и возвращаться,
Влюбляться
Тише, чем дышат окраины,
Где бабушке с балкона мерещилось
Лазорево царство.
Она не успела мне дочитать,
Чем же окончится сказка.
А я нелепо пытаюсь вписать себя
В этот ровный старинный пейзаж.

Вытачивать звёзды в груди
Томительно долго, трудно.
Высекать, лепить в полной темноте,
Чтобы кто-то увидел — какое чудо!
Чтобы кто-то верил в восход светил,
Чтоб держался и шёл за ними.

Ничего, что светила — пока ещё светлячки.
С тёмной земной груди они воспаряют...
Чтобы кому-то возникнуть рядом, как маяки.

Чтоб прошептал кто-нибудь:
В темноте, здесь,
Видишь? —
Я — маленький, но я есть!

Помнишь, тут раньше была дорога.
Деревня, небо дрожит от дыма.
Ты помнишь, раньше мы были другими
Или просто, наверное, мы — были.
Там, где огни северных поездов пересекали пустырь,
Мы спорили: небо — оно ввысь или вширь?
Сейчас человекники закрывают его, но нет муравьиного братства.
Случайный взгляд зумера сквозь разряженный телефон
Блуждает, ища неизвестное счастье...

Снилось, что я — грусть Автозавода,
 Какая-то бескрайняя, страшная
 С одинокими белыми пятнами
 Промзон, пустой широты.
 Что я — спящая тревога трамвая,
 Отключённого от проводов.
 И какой-то транспортный узел
 Становится то петлёй, то кольцевым кругом,
 То путеводным клубочком из сказки.

Светает, как будто линяет тайна.
 Всё превращается в печальное эхо шин...
 Господи, Ты на каждой пустой остановке.
 Ты как кадр — узнаётся портрет района,
 Но фотограф — откуда смотрел?
 Пред Тобой — такая тревога...

Всё приснилось, приснилось вроде...
 Угловатый смиренный сталинский домик
 За милями миллионника.
 Этим утром в огромном Автозаводе
 Первый слепой автобус фарами тянется к Богу.

**Автозавод — Автозаводский район Нижнего Новгорода.*

Ветер разглаживает волны, стирает войны
 С собой недостроенным, укрывает тревогу,
 Слегка потрепав, ложится в волосы.
 У ног твоих
 Трава пробивается через чёрные полосы...

Будто не обжигал,
 Не стаптывал о них башмаки.

То, что дробит на вдохи тупую боль, выйдет с выдохом.
 Даже пусть в кляксах дней незаметно выхода.
 Без краёв рана как омут тянет,
 И чьей руки помощи здесь рискнёшь просить?

Слова-сироты писем моих снова кров не находят,
 Но у ног твоих волны сотрут и перепишут по-новому
 Границы объятий, графики понимания...
 Видишь, как время ложится на бок, солнцем к воде прижимается,
 Не оставляя пробелов, точек и расстояния —

Просто протяни свою реку,
 Возьми меня за руку...

ИРИНА ПЛОТНИКОВА

СТИХИ ПОСТОЯННО ПРИХОДЯТ ЗА МНОЙ

неба сорвана кожа, и открытая рана зари
синевою сочится, исходит густой тишиной
у весны в оккупации запрещено говорить
я молчу, но стихи постоянно приходят за мной
вот они на порог в одинаковых тёмных плащах
у подъезда оставив игрушечный свой воронок
я пойду вслед за ними, заряжена небом праща
по дощатым ступенькам над детством, не чувствуя ног
где танцуют и солнце, и боль — раз, два, три; раз, два, три
зашивай в мешок память скорее, иди и смотри

Эти чёрные звёзды в тебе позабыли врачи
Возвращайся не поздно, заранее спрятав ключи
Пустоты береста, горя стая в твоей голове
Тишина нарастает, и небо течёт из-под век

Эти степи и цепи, луна, крепостная стена
Нас уставших, нелепых, с поводка отпускает весна
Это тени, мигрени, созвездья, растенья и сны
Кости стихотворений в первичном бульоне весны

Нежные бусины снов, городов,
текстов, вещей
Память твоих не находит следов
Кто ты вообще?

Давится, плавится воск пустоты
В горя тетрадь
Лунные буквы небесной плиты
Нам выбирать

Яблока колокол, боли листву
Сдали внаём
Птицы осенние не назовут
Имя моё..

Мы проберёмся вброд по реке окна
 К месту отслойки сетчатки дверного глазка
 В том, что вокруг болит — не твоя вина
 Тех, кто не спрятался, смерть не выходит искать

Это твои племена, помни их имена
 Свет их сигнальных костров, их последние сны
 То ли Москва, то ли озеро, то ли весна
 Новая память уже забродившей весны

Подслеповатые щурят глаза сонные маяки
 Не приставая к ничьим полюсам, раненый бродит кит

Небо колотится под тобой, гладит твои плавники
 Я погружаю младенца-боль в раковину тоски

На берегах заунывно поют вечные рыбаки
 Время привычно кричать свою: «Господи, помоги!»

В переломы окон вращает тьма
 Небо как погребальное полотно
 Частота — сокращений, FM Зима
 И Москва пульсирует надо мной

И Москва колотится и болит,
 И в районе Арбатской слышны шумы
 И трамвайных путей синусовый ритм
 И пришедшей с моря не видно тьмы

И крошатся, ноют, болят слова
 Над тобою небо, надо мной Москва

Это всё твоё, принцесса. Всё что хочешь — забери.
 Неоконченную пьесу, море у меня внутри,
 Неотслуженную мессу, ледяные фонари,
 Сосны на опушке леса, первый и последний крик.

Время катится к закату, звёзды падают, звеня.
 Стрелки неба-циферблата убегают от меня.
 Это памятная дата, это рукопись огня,
 Это белая палата и таблетки, чтоб принять.

АНТОЛОГИЧЕСК ВЕРЛИБРЫ

Верлибр является стихами, пока в него не проникает силлабо-тоника. Промежуточные формы — область рискованного земледелия: легко потерять себя, скатиться в инерцию, следовать привычке обыденного говорения.

Антологические верлибры — поразительный и продуктивный жанр, возникший в Лаборатории русской поэзии им. А. Л. Решетова (Екатеринбург). Автор верлибром записывает свои «сны», свою рефлексию на шедевры классической силлабо-тоники, создавая текст, не несущий цитат и аллюзий первоисточника, но фиксирующий «изменённое состояние», вызванное у поэта тютчевским, державинским, блоковским текстом.

Представляю читателям тексты Ульяны Савиной и Сергея Ивкина, созданные в жанре антологического верлибра.

Андрей Санников

ДЕРЖАВИН

Прозрачные берега, пронизанные скрежетом белеющих планет,
Объяты густым временем,
Вращающемся вокруг своей оси.
Миры, до краёв наполненные водой,
Гаснут.

БЛОК

Легко
Пахнет только что
Прекратившимся дождём.
В комнате тихо.
Прозрачная ночь
Плывёт в распахнутые окна.
Женщина, жизнь.
Ушла?
Ветер.

ЖУКОВСКИЙ

На лету, на балконе, на ветках,
Снегопад облаков.
— Синица, синица, я зима!
Лёгкий свет невесомо
Улыбается ямочками
Прохладных щёк.

ГУМИЛЁВ

Гремя, небо роняет
потухающие звёзды
В каменные сады.

Длинные тени
Чугунных птиц
Темнеют
Над тихими
улицами.

Свет качающихся фонарей
Холоден.

Скоро заря.

ФЕТ

В ветвях запуталось спросонок.
Лепечет молочно,
Воздушными ладошками
Птиц перебирает
Тёплых, румяных.
Пять, семь, восемь.
Открой окно,
Говорит, —
Девять, десять.

СИМОНОВ

По ночам я дышу через матовое стекло.
Дымные птицы разлетаются в немоту металлической зимы,
Она медленно уходит.
Ей не превозмочь.

Я слышу твоё дыхание в шёпоте затяжного дождя,

И тугая трава поднимается из моей груди.

Мимо проплывают миры и времена —
Им не победить,
Им не переждать.

ЛЕРМОНТОВ

Перевернутые деревья
Опускают плавные листья
В сквозные залы
Темнеющих небес, где
Белыми голосами
Поют о покое
Безмятежные звёзды.

БАРАТЫНСКИЙ

Белые грозы
Покачиваются
В прозрачных пространствах,
Заполненных
Стремительным воздухом.
Невесомые вскрики коротких птиц
Исчезают на матовом солнце.

МАЯКОВСКИЙ

Молочный ангел
Положил дымчатый камень
В огромный карман,

Доверху наполненный сияющими раковинами
Звёздных моллюсков.

МАРКОВ

Тлеют железные пластины неба.

Сгорбившиеся камни тащат на земляных цепях тусклых ангелов
С матовыми глазами.

Падает мелкий снег.

АП. ГРИГОРЬЕВ

Отражённые от темнеющей воды,
Угасают вытянутые звёзды,
Выдыхая медленный воздух.

Снежные птицы клюют
С облупившегося подоконника
Длинные дымные листья.

ХОДАСЕВИЧ

На цыпочках в окно заходит утро,
Собрав по комнатам рассыпанную нежность.

Под потолком, беззвучно отражаясь,
Играют светом
Облачные птицы.

Дыханием открытый ранний воздух
Колелеблет их серебряные перья.

Вот-вот и ты проснёшься, мой любимый,
Увидишь, как летит с небес на землю
Прозрачный, тихий,
Невесомый снег.

БАЛЬМОНТ

Прозрачен
Белеющий дождь,
На недолгий выдох
Закрывший горизонт,
Колелеблемый плывущей травой.

Отражённые ангелы с закрытыми глазами
Вполголоса говорят
О белых мирах.

СЕРГЕЙ ИВКИН

...слабый запах снега.

А. Решетов

Хорошо быть для этих Серёжей,
Леонидов, Анечек
настоящей машиной времени,
переместиться, закрыв глаза,
на двадцать, тридцать, пятьдесят.
Поочерёдно перевернуть три
напёрстка Судьбы.
Ни в одном не было шарика.
Ничего не дала суперигра.
Молчи. Молчи.
Шарик лежит в каждом напёрстке.
Надеждой эти Серёжи,
Леониды, Анечки дышат.
Не отключаю кислород.
Пусть через двадцать, тридцать, пятьдесят
найдут шарик.

...так нежно...

А. Пушкин

Почтовые голуби
Благословений
Возвращаются
К своим гнёздам.

Моё дело
Раскрыть клетку
И спаять губы
В улыбку.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТРОКИ

...ледяная рябь канала...

А. Блок

1

снимал комнату
на чёрном потолке
световое эхо лежащей
за окном гранитной реки
вот прошёл катер
вот прошла ракета
а вот одинокий Иисус
мосты развели

2

каждые двадцать пять лет
она просыпается выглядывает в окно
и засыпает
улица меняет костюмы
и молодеет молодеет молодеет

3

умер приехал
через девяносто два года
смотрю на свою фотографию
на витрине книжного
хороший здесь был кабак
и посетители были одеты
гораздо пристойней

САМЫЙ КРАСИВЫЙ ДОЖДЬ

*Будет Луна.
В. Маяковский*

Если не рассказывать пенцам
то, что вся наша небесная роскошь —
это противовоздушная оборона,

какие удивительные цветы
раскрываются в крутолобых теплицах.

«Сочините сонет о закатном фейерверке».
«Опишите в гекзаметре огненные коридоры осенней ночи».
«Послушайте хокку утренних дымов».

Старый сверчок улыбается
тридцати счастливым буратинам.

А за Кильдык-горой шкряб-шкряб лапа басурман-беня.
Ехал бронепоезд по облаку беня воевати.

Мы спрятались под партами
и ждали окончания звездопада.
Звёзды маленькие, мельче ногтя.
Прожигают пластик, но застревают в дюрале.
Ботинки придётся выбросить.
Учитель повторяет. Слышен голос:

«Умейте запоминать красоту».
«Это самое важное в жизни».
«Вы наблюдаете нисхождение неба».
«Возвращение ангелов».

Шкряб-шкряб, — бьёт по бронепоезду басурман-бень.
Гу-гу-гу, — отвечает пулемёт.

ВЕЛЛЕРМАН

Ибо годы прошли и столетья...

В. Набоков

Новозеландские китобои девятнадцатого века
орали весёлую песню,
не замечая, что благодарят в ней
английскую транспортную компанию,
делающую на их ежедневном подвиге
немалые деньги,
привозя три необходимых
для терпимой жизни
компонента:
чай, сахар и ром.
Весёлый ритм срезал все тревоги,
сохранив радость обретения
составляющих океанского счастья.

Сегодня эту шанти распевают миллионы детей,
никогда не выходивших в море,
никогда не тосковавших о глюкозе или заварке.

Так и моя душа
повторяет в такт
заунывному блюзу эмигранта:
за горе, за муку, за стыд, —
не представляя, как это
спуститься с высот российской словесности
в перегнутой чужого языка.

Пухлый ребёнок двадцать первого века,
перестань блевать
при разделке китовой туши.
Начав петь,
ты подписал контракт
с английской транспортной компанией
и больше никогда не уткнёшься лицом
в раскалённую траву своего нищего Уэльса.

Только солёная вода до горизонта,
только горе, только мука, только стыд.

СЮЖЕТ ДЛЯ НЕБОЛЬШОГО РАССКАЗА

... подстреленная птица.

Ф. Тютчев

Восемь строк.
Четырёхстопный ямб.
Ритм спотыкающейся лошади:
на одной ноге сбитая подкова.
Таким ритмом заговаривают Смерть:
у чайки боли, у актрисы боли,
у Антона Палыча Чехова заживи.

Как мешают ходить эти бутафорские крылья.
Вы в них подпрыгнуть пробовали?
Давайте вдвоём, прямо сейчас!
Видите, на два сантиметра выше меня поднялись.
Хотя какое это имеет значение?
Прыжок с крыши и сто пятьдесят
прыжков с табурета не равны друг другу,
пускай суммарно мы пролетаем одно
и то же расстояние.

О чём мы говорим? О том, что стихотворение —
это подвиг, как в романе Набокова:
«Чего этот человек такой странный?
Может он того?» А он пишет заговор:
восемь строк, четырёхстопный ямб,
ритм спотыкающейся лошади,
на которой в России ездит всякая нечисть.
Если произнести заговор в полночь на границе,
то Железный занавес раздвинется

и можно будет сделать шаг
на Родину.

ПРОПОЛМИС

СЕРГЕЙ СУМИН

ТОЛЬЯТТИ

НАБЕРЕЖНАЯ 8 КВАРТАЛА

Волга-Волга, ещё недолго
Мне любить здесь или играть
Выпить стопку, поправить чёлку
И на набережную — гулять.

Город-город, ещё не порот
И не бит здесь, пока ничей.
Оттого поднимаю ворот
От ветров твоих и речей.

Дождь печалит, любовь не греет
Есть друзья или нет друзей
И чего ещё град навеет?
И споёт: наливай и пей!?

Только то и берём, что видим
Только тем и живём, что ждём
Волга-Волга, к тебе я выйду
Жить под солнцем и под дождём.

ГОСТИНИЦА «ВЕГА»

У «Веги», на воле, где Волга
Слоняюсь, как бомж у метро
И скатом, посыпанным солью
Мне кажется берег большой.

Медвежье, лебяжье, снеговье
Покрыло сестру мою — твердь.
А далее — только подобья
До точки, где мается смерть.

Привольно зарницы играют
В морозном вместилище дня
И нежное облако тает
Наверное, лишь для меня.

ТОЛЪЯТТИНСКИЙ ЛЕС

Чудный сентябрьский день,
 по широкой тропинке
 в нашем лесу иду медленно,
 стараясь не наступить
 на снующих внизу жучков и муравьёв,
 сегодня небо и земля так едины,
 не хочу, чтобы кто-то
 в такой час уходил с Земли
 (пусть даже в самую землю),
 не хочу быть тем, кто
 выносит приговор (пускай и нечаянно)

тишина
 и чуть качающиеся,
 будто танцующие,
 стволы высоченных сосен.

КОМСА. ОСТАНОВКА РЕЧНОЙ ВОКЗАЛ

Гуляли медленно и открывали город
 А он ещё не стар, а он почти что молод
 Здесь набережная, свет реки, вокзал
 Я что-то здесь навеки потерял

И плыли вниз асфальтовые реки
 Путь пробивая от варягов в греки
 Я весь промок, пересекая их
 Но не хотел бы прелестей иных

Мой город пеплом занесён на треть
 Но здесь не страшно, в общем, умереть
 Кругом весна — смешной водоворот
 Тольяттинской пустыни лёгкий гнёт.

АВТОМОБИЛЬНОЕ КОЛЬЦО МЕДГОРОДКА

Кольцо гудит не умолкая
 И каждый звук, и каждый свет
 Имеют почерк — и названий
 Других у этой жизни нет.

Оно кружится, всё взвевая
 И я кружу, и ты кружи
 А то, что смерть тебе чужая
 О том нимало не тужи!

Гляди на круг и лес отвесный
 На свет и радость — фонари
 Как будто шепчет голос звездный
 Меня за всё благодари!

Кольцо и улица, столетье
Небытие и мать вещей
Так повторяйся, вейся, вейся
И время по секунде пей.

810 КОРПУС

Они сейчас глядят из темноты
И это мне напоминает сферу
Игра ума, явление пустоты
Но свет ушёл и стёкла запотели

Снега, снега, смотрю на этот круг
Окно пейзажа — тишина и ветры
А жизнь проходит, вертится вокруг
Не отдавая сантиметра, метра

А то кольцо, что кружит предо мной
Как отблеск тех, кому сейчас херово
А жизнь летит, уходит по одной
Или по две, и это всё не ново

Погасли окна, жизнь и смерть — одно
Так что же я цепляюсь за названья
Снега и дым, деревья и окно
И тишина, что ищет узнаванья.

МУРАВЬИНЫЕ ОСТРОВА. ТОЛЬЯТТИ

на Волге шелест трав
и тополей, по грудку
в воде стоящих, прав
строгающий здесь лодку

а вечная сосна
стройна и терпелива
и иглами со сна
шуршит неторопливо

я счастлив здесь как тот
кто шорох, шум и шелест
как мёд собрал из сот:
тимьян, левкой и вереск

и музыкою трав
архитектурой сосен
воспитан был как граф
в заботах лет и вёсен

прозрачной сетью слов
ловил стихотворенья

и чистый сей улов
был слепком сотворенья

я рад бывал огню
когда спадала темень
летящая к нулю
как острогрудый кремень

на Волге шелест трав
и вольный воздух светел
кто здесь остался — прав
он будет жить как ветер

Тольятти погружается во тьму
Я буду долго жить, я поживу
Увижу смерть царей и стран, и стен
Весь этот век — эпоху перемен

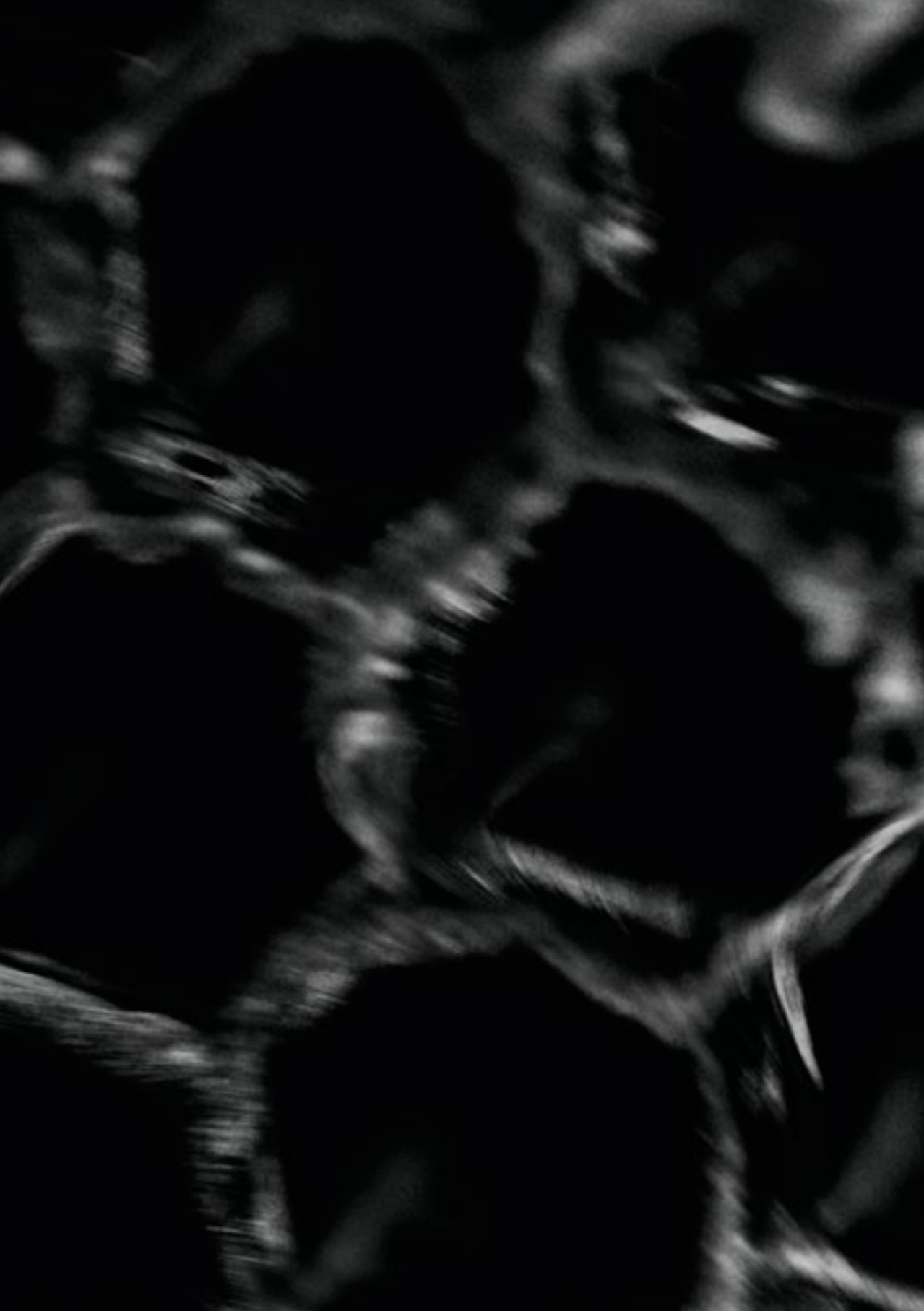
Тольятти — чернота и бирюза
Бетонные бессонные глаза
Свистки машин, мелодия дождя
Огни высоток, я люблю тебя

Тольятти — серый пепел, тайный зов
Несёт тебя сквозь лес хозяин снов
Слетают сумерки, но я не тороплюсь
Тольятти — мгла и радость, свет и грусть.

ПЕРВОУЧУ

РОБЕРТ КРИЛИ

ПЕРЕВОДЧИК

АЛЕКСАНДР
ФРОЛОВ

ПЕСНЯ

для Энн

Я хотел скромное завещание
и хотел, между прочим,
песню.

Что должна была быть
похожа на монотонность.

(Просто

Застольная молитва. Очень, очень тихая.

Бормотание какого-то заблудившегося
дрозда, хотя я никогда его не видел.

Которым была ты тогда. Сидящая
и так, умиротворённая, точь-в-точь как сейчас тишина.

Песня.

И о твоём знаке теперь, конечно, ужасной
вечности

(что не борется, или если борется,
то это уже не важно.

Песня

Что кто-то поёт, если он поёт её,
с любовью.

ЗАГАДКА

Что это такое, воплощается
в букве.

Вопрос —

¹ Роберт Крили (1926–2005) — американский поэт, прозаик, редактор, которого считали «своим» две крупнейших поэтических школы 60-х: «Блек маунтин» и битники. По мнению российского критика Антона Нестерова, Крили работал прежде всего с грамматикой, «заставляя её обнажать свои смыслы и из каркаса, несущего речь, превращаться в само наполнение этой речи, в её смыслы».

немой вопрос. Кто-то
так одинок, кто-то хочет
остаться здесь, на краю

понимания. Властная

женщина, мужчина,
поглощённый мрачной
мыслью:

дай ей, конечно же, форму,
имя и слова.

РИФМА

Есть знак
цветка —
одолжить тему.

Но что или где восстановить
что не любовь
слишком просто.

Я увидел её
и за ней были
цветы, а за ними
ничто.

НЕВИННОСТЬ

Если посмотреть на море, это — линия
непрерывных гор.

Это — небо.
Это — земля. На ней-то
мы и живём.

Это — туман,
смежный теперь с другой
тишиной. Сюда прибывает
листва, там —
скала в доказательство

или доказательство.
То, что я прихожу делать —
пристрастно, пристрастно сохраняется.

НЕЧЕСТНЫЕ ПОЧТАЛЬОНЫ

Они забирают все мои письма и
бросают их в огонь.

Я вижу пламя и т. д.

Но мне всё равно и т. д.

Они сжигают всё, что у меня есть, или то немногое,
что у меня есть. Мне всё равно и т. д.

Стихотворение высшей пробы, обращённое
к пустоте — вот необходимая

смелость. Это нечто
совершенно иное.

КАРНАВАЛ

Несмотря на то, что человек, который бьёт
в гонг,
опровергает это, во всей
простоте —

Всё равно попытка

приводит к триумфу, в
другом человеке.

Так же и в любви я
не глуп и не не-
компетентен. Мой метод — не

нежность, но определённая
надежда.

В ТАКОМ АКТЕ КАК

Самопожертвование дантисту или врачу, который хорош,
чтобы полностью
завладеть разумом, нет

жертвы. Разум
распутен перед любым актом

лишения. Когда нет греха,
больше нет жертвы.

ДЛЯ У. К. У. *

Удовольствие от остроумия хранит
неуловимый аромат

Наперстянка (незамеченная)
полевой цветок

В руки попадает
 многое. В трудные времена —
 бурное ликование.

* Уильям Карлос Уильямс — американский поэт (пер.)

LE FOU *

Чарльзу

кто замышляет, затем, линии
 говорят, поддаваясь, всегда ритму
 дыхания

(двигаясь медленно в начале
 дыхание

которое — медленно —
 имею в виду, грации приближаются медленно,
 именно так.

Так медленно (они машут
 мы отдаляемся

от (деревья
 обычного (проходить мимо
 которых — медленнее, чем это,
 (мы движемся!

прощай

* Сумасшедший — фр. (пер.)

КОУЛ СВЕНСОН

АЛЕКСАНДР
ФРОЛОВ

ЛАНДШАФТ ВОКРУГ ВЬЯРМА

1

Здесь кто-то есть похожий на тебя. Лицо за лицом поперёк этой протяжённости. Простирайся и поворачивайся. Если обернёшься, столкнёшься с лесом. Здесь кто-то есть (Если бы я обернулась) (сказала бы «Если» и затем «я»). Лицо по определению является чем-то поворачивающимся. (Куда ни повернёшься, увидишь лик Бога). (Коран Глава 2 Стих 115). Есть тот кто смотрит через увеличительное стекло в руках.

2

И здесь кто-то слепой как небеса. Птицы сходят с ума в нарастающем зное. Зной нарастает. Человеческое тело падает со скоростью 32 фута в секунду. Человеческое тело падает. Здесь многие из нас. Обернись. Повернись лицом к стене. Лес в средние века простирался отсюда до Балтийского моря. Непрерывно. Эти тела появляются внутри своей кожи. Что-то стоящее напротив. Никто не смотрит. Кто-то здесь есть. Вот здесь.

3

Пейзаж — лишь свет. Что-то белое нарастающее из-за спины как маятник приблизится ко входу. Чтобы выявить границу озера граничащего с лицом. Там никого не было. Что поворачивается и одно за другим. Это повторение что делает реальным. Что заставляет упасть. Человеческое тело слепо за исключением минутного исключения глаз. Изменчивое небо простирается внутри. Это брешь через которую поворачиваясь ты увидишь мельком. Пять миллионов деревьев. Мы едва живы.

¹ Коул Свенсон (1955 г.р.) — американская поэтесса, переводчик, редактор, профессор. Её творчество относят к постмодернистской и пост-языковой школе, оно носит гибридный характер, иногда его называют лирико-языковой поэзией. Свенсон выросла на почве поэтических и визуальных традиций США и Франции и добавила к ним своё видение.

4

Глава 2. Стих 115. Куда ни повернёшься увидишь что я встретила ребёнка в лесу. Его руки были сломаны и сломанные вещи были в них и он смеялся. Вода вода ярко пылает. Мы все были там и мы все обернулись на звук и там никого не было. Если мы будем повторять это достаточно часто так и будет. Повторяй за мной «Человеческое тело падает» и так возникает ландшафт. Ты можешь жить. Где-нибудь здесь и затем ты повернёшься. Мы все будем там и мы все будем махать и посылать воздушные поцелуи и затем снова махать.

5

Если ты остановишься звука воды не будет. И ребёнок поворачивается размывая изображение по краям. Есть лес. Продолжай. Бескрайний. Повтори. Когда вода остановится мы все окажемся там и лишённые дара речи. В момент когда заряд меняет полюса наступает идеальное равновесие и пауза. Сделай паузу. Теперь резюмируй. Ребёнок должен идти один отсюда до Балтики. Обернись медленно. Смотри на меня безмолвно не произнося ни слова.

6

И там. Вода простирается дальше в которой нет лица и продолжай с множественным телом. Одно за другим за другим. И нежная часть что выстилает внутреннюю сторону руки. Если будешь вести языком по вене. Остановись. Умножение деревьев и абсолютно симметричные черты лица. Это было не твоё лицо и не ты листал Главу 2. Очертание ребёнка в твоих руках что повторяются до неузнаваемости. Маленькие и одинаковые птички

7

И в этом ландшафт что начинается. Постой. И он продолжается иногда меняя направление или тон пока не повернёт и лик Бога не разделит тело на миллионы. Деревья и все их руки повторяют некоторый жест как грамматику не поддающегося описанию пространства. Отсюда и до моря единственный ребёнок с разделёнными руками что бесконтрольно раскидываются что летят у земли что завиваются и развиваются что видишь и не понимаешь однажды.

8

Проследи за зерном. Лес который не смог следовать тому что открывается внутри однако лицо не может повториться даже если глаза. Миля за милей море за ребёнком. Кто-то со стеклянными руками и все мы безмолвны. И это растёт вопреки хотя пока внутри тебя и из-за того что сделает и делает. Мы сделали. Все мы готовы и свет интенсивно покидает тело. Мы стояли и были слегка напуганы. Отполированная тишина и не способная сдвинуться.

9

И это не ты. Лес ломается и больше
нет. У бога лица. Нас нельзя увидеть. Стих 115.
Близость крадётся. Есть кто-то и есть что-то
и часто в лесу в одиночестве и крадётся. Повторяй. Это прак-
тически существует. Повторяй. Я помню лишь части что начинаются.
Поле открытое на. И вечером тысячи но
они были птицами и они косяком спустились с небес.

ФОТОПРОЕКТ

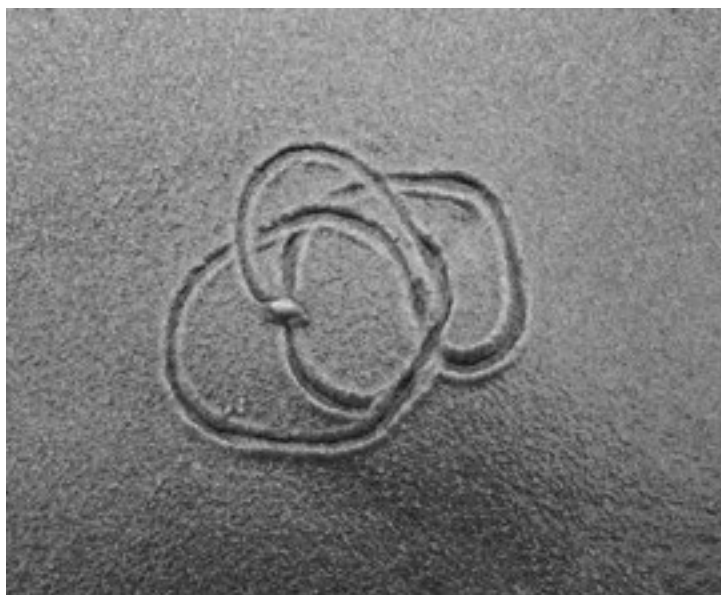
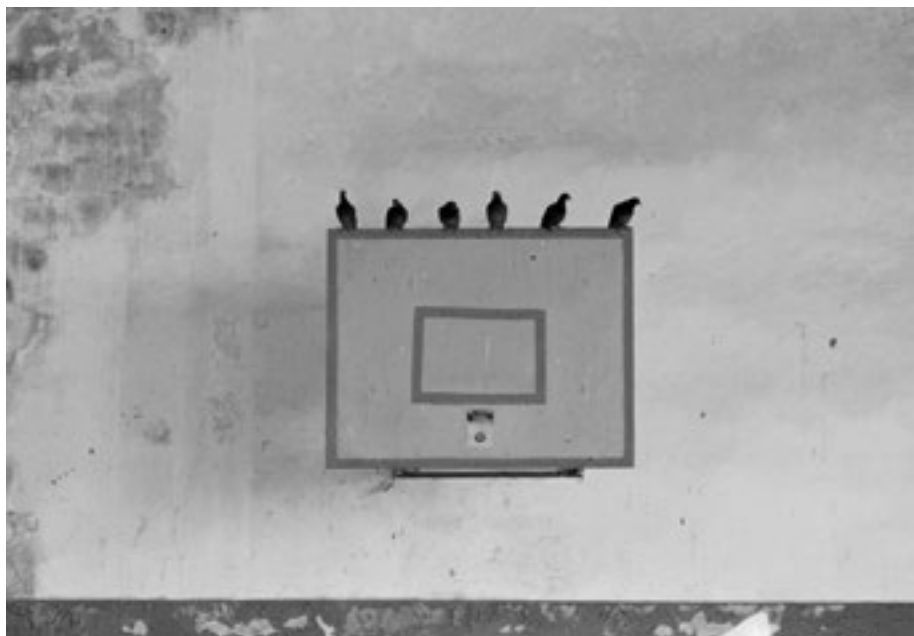

ЕВГЕНИЯ ФРОЛОВА

«ФИКСИРУЯ ВЕЧНОСТЬ»

Фотографии данной серии являются личными метафорами автора к событиям, явлениям и мыслям.

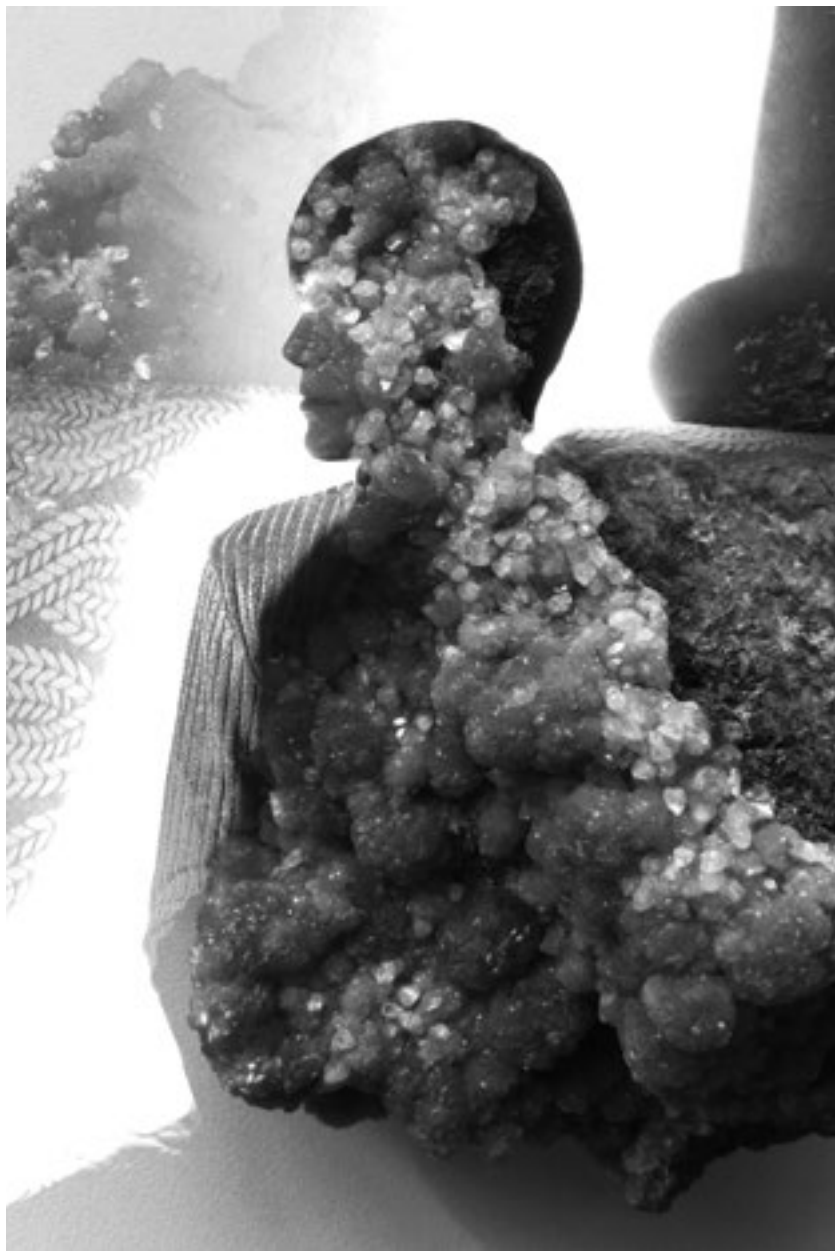

Фотография — язык. Одна из его задач —
создать законсервированное воспоминание.

Просмотр (воспроизведение, распаковка консервов) — вновь переживание тех состояний, которые иногда кажутся ярче реальности или уходом в эскапизм.

Каждая фотография серии — визуализация состояния, эмоции, события или невысказанных слов.

Контраст в фотографиях, отсутствие полутонов и цветов — для максимального утрирования, конкретики, дуальности.

Ещё эта серия — часть зина «Отсутствие»
(в процессе разработки с 2022 года).

Это личная история о поиске ощущения «дома». О пути из ниоткуда в никуда с моментами громкого счастья и тихого ужаса. Со светлой грустью и трагикомедией.

НИИТЕРБИНО

АНАСТАСИЯ СУДНЕВА

«ЧЁРНЫЙ РОЯЛЬ» — ЭТО ИСТОРИЯ ПРО ИСКУССТВО

1 марта этого года не имеющий аналогов в культурном поле Пензы, атмосферный и гостеприимный «Чёрный рояль» отметил годовщину. К огорчению многочисленных творческих людей города и завсегдатаев заведения, было объявлено о его закрытии. Наша беседа об истории создания, итогах года, радостях творчества и трудностях выживания с хозяйкой арт-пространства, известной пианисткой Анастасией Судневой состоялась ещё до принятия этого решения. Увы, финансовое бремя без поддержки каких-бы то ни было официальных структур или меценатов уже не первый раз приводит к уходу из жизни Пензы наиболее ярких и живых площадок. И тем не менее Анастасия надеется, что «Чёрный Рояль» удастся открыть заново в другой локации. С надеждой на такую перспективу оставляем все оптимистичные ответы и послылы интервью без изменений.

— На момент создания «Чёрного рояля» в Пензе существовало (и продолжает существовать) довольно много для нашего города площадок самого разного формата для самых разных мероприятий. Чего им не хватало, что захотелось создать своё арт-пространство? Получилось ли это реализовать?

— Сколько себя помню, мне всегда хотелось создать что-то типа творческой гостиной. Раньше просто не существовало такого понятия, как арт-пространство, но ещё в детстве мне безумно нравилось организовывать творческие мероприятия самой разной направленности. Это были концерты, спектакли, показы мод, цирковые представления, показы диафильмов, даже квесты (хотя такого слова в 90-х тоже никто не знал). Разумеется, всё это было по-детски наивно, но я собирала публику из своих родственников, а артистами становились мои друзья и соседи, которым я раздавала роли и режиссировала мероприятия. Потом, уже будучи студенткой музыкального училища и консерватории, я столкнулась с проблемой поиска площадок для выступлений. Выбор

был невелик: Филармония и ДК (куда просто так не пустят начинающего музыканта), Картинная галерея (где, кстати, и состоялся мой первый сольный концерт), ну и музыкальные школы. Мне же всегда хотелось, чтобы в Пензе существовал небольшой камерный зал для самых разных мероприятий. Так, однажды в 2021 году я обнаружила небольшое арт-пространство «Дом Бадигина», в которое перевезла наш семейный рояль, а после заняла должность руководителя. Там я проработала около двух лет, полностью погрузившись в организаторскую деятельность. Только теперь артистами были не мои соседи по дому, а пензенские и приезжие музыканты. Было сложно, но мне нравилась эта деятельность, и за неполных два года мне удалось превратить «Дом Бадигина» в заметную культурную точку Пензы. Когда же в октябре это арт-пространство закрылось, я поняла, что пора уходить в свободное плавание и создавать новую культурную точку, уже независимую от государственных учреждений. Так появилось «Чёрный Рояль».

— Насколько сильно ощущаете конкуренцию с другими культурными пространствами? Что помогает быть на плаву?

Если сравнивать его с другими площадками, то «Рояль» создан для всех талантливых людей, которые хотят поделиться своим творчеством. Это не бар, где искусство является по большей части приложением к кухне и алкоголю, и это не крупный концертный зал с немислимо высокой арендой, которую не могут заплатить большинство местных музыкантов и артистов. Таким образом, думаю, моему арт-пространству удалось занять пустующую нишу, и об этом говорит высокий спрос у исполнителей на нашу площадку. Также у нас проходят исключительно разнообразные мероприятия, мы не ограничиваемся каким-то определённым направлением, поэтому наши зрители приходят и на концерты, и на спектакли, и на кинопоказы, и на поэтические вечера. Кроме того, нам удалось создать особую уютную, почти домашнюю атмосферу. И многие посетители «Рояля» отмечают именно это. Так что если говорить о конкуренции, то даже не знаю, кто мои конкуренты. Я предпочитаю сотрудничать, а не конкурировать.

1 марта исполнился 1 год «Чёрному роюлю». Какие итоги года хотели бы отметить как наиболее значимые для Вас?

Во-первых, этот год удалось не просто просуществовать, а прожить — пусть непросто, а временами и тяжело, но прожить ярко, насыщенно, полно. За неполный год было проведено более 100 мероприятий. Наполненность афиши, по моим наблюдениям, перекрывает официальные учреждения культуры, где работает штат сотрудников на зарплате, тогда как «Рояль» существует исключительно моими силами. Решение организационных вопросов, проведение мероприятий, ведение социальных сетей, продажа билетов, уборка помещения — и это далеко не весь список моих ежедневных обязанностей.

Во-вторых, за год стало ясно, что, с одной стороны, у нас есть своя публика, а с другой — наряду со знакомыми лицами на каждом событии в наших стенах вижу новые лица. И это не может не радовать, учитывая тот факт, что я ни копейки не вложила в рекламу арт-пространства. Ну и главное — пришло понимание, что людям творческим такое место нужно, даже не смотря на его якобы неудобное, по мнению некоторых, местоположение. Сейчас мне звонят и пишут практически каждый день, хотя выступить в «Чёрном роюле».

Какие события, выступления, происшедшие за год в ЧР, показались Вам наиболее впечатляющими?

Как ни банально это прозвучит, но каждое дорого по-своему, и перечислить все не представляется возможным. Разумеется, очень по-особенному запомнился поэтический фестиваль «Мурмураль» — по моим ощущениям, всем его гостям и участникам было уютно в «Чёрном роюле», где на два вечера воцарилась совершенно поразительная атмосфера. Великолепные концерты дали такие разные исполнители: квинтет Владимира Иванова, джазовый дуэт Алексея Круглова и Марины Кожевниковой, исполнители авторской песни Павел Пиковский, Алексей Вдовин, Дмитрий Вагин, классический дуэт Марины Шигановой и Константина Тугашева, виртуозный балалаечник Сергей Воронцов, запомнились наш замечательный капустник «Нейросказки Пушкина», вечер барочной музыки...

**Какие планы
на грядущий год?**

При помощи Петра Андропова и его друзей удалось организовать настоящий джазовый джем-сейшен. Очень полюбился зрителям саратовский камерный театр «Обратная перспектива», который только за полгода привёз в Пензу четыре очень разных спектакля. Мы провели кинофестиваль, на котором были показаны работы студентов ВГИКа. Совместно с Натальей Каресли реализовали проект «Стиховидео», на котором школьники из Пензы и Городища читали стихи пензенских поэтов. В течение всего года вместе с Наташей Казиной мы проводили ежемесячные «Встречи с детством» — формат, который, насколько знаю, больше не использует никто.

Если говорить о себе как пианистке, то я рада, что удалось несколько раз порадовать нашу публику показом старых немых фильмов под живую музыку, которую подбираю и исполняю сама. Также я снова сыграла свою музыкальную сказку «В пещере горного короля» — давно мечтала её восстановить.

Здорово, что при помощи медиахолдинга «Экспресс» удалось снять десять выпусков программы «Две минуты о музыке» — насколько мне известно, ничего подобного на пензенском ТВ никогда не было. Одновременно не могу не посетовать, что «Чёрный рояль» совершенно выпал из поля зрения местных теленовостей, поскольку является частным арт-пространством. В «Дом Бадигина» съёмочные группы приезжали регулярно, поскольку это была организация государственная.

Остаться в живых, наверное. Если серьёзно, то мне предстоит всерьёз обдумать, как нужно изменить подход к моему арт-пространству. Очевидно, что долго тянуть в одиночку всю работу, связанную с «Чёрным роялем», невозможно. Поэтому на год ничего загадывать не стану. Но в любом случае ближайшие месяцы уже плотно расписаны самыми разнообразными мероприятиями, с участием как местных, как и приезжих исполнителей. Так что будем продолжать радовать пензенскую публику!

Есть ли приоритеты в художественном / стилистическом / жанровом плане (классика, модернизм, этно, джаз, рок, традиционализм, авангард и т.д.) у Вас как организатора при планировании мероприятий? Отдаётся предпочтение музыке / театру / поэзии? Составляется ли заранее некий событийный план исходя из собственных приоритетов или же это спонтанный процесс?

Очертите географию творческих людей и коллективов, выступавших на сцене ЧР. Каково соотношение между пензенскими и иногородними гостями Вашей сцены? Можно ли назвать «Ряль» творческим центром всероссийского масштаба?

Какова Ваша основная аудитория? Какие мероприятия больше всего пользуются спросом?

По счастью, теперь с меня никто не требует «плана на год», хотя такое в своё время было, и я тщетно пыталась объяснить, что такого рода планирование годится разве что «для галочки». Сфера, в которой я работаю, слишком подвижна, чтобы все возможные события, что называется, прибить гвоздями. Что же касается предпочтений, то для меня главным критерием остаются талант и качество. Невозможно сравнивать академическую музыку и, скажем, авторские песни под гитару. То же касается и поэзии, и театра. Лично я очень люблю джаз и буду стараться продвигать в Пензе это направление.

Наверное, до всероссийского уровня дорасти за год не удалось, но то, что исполнители из других регионов, которые хотят выступить в Пензе, всё чаще выбирают «Чёрный рояль», безусловно. Обычно это люди, которым относительно недалеко добраться, но иногда, например, речь идёт о включении нашего города в гастрольный тур по стране. Поэтому у нас появляются исполнители из Москвы, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Волгограда, Саратова.

В большей степени это люди старше 40 лет, как правило, образованные, с интересом к культурной сфере, но не только. Например, очень приятно, что одни и те же приходят в «Чёрный рояль» не только на концерты или спектакли, но и на трансляции регбийных матчей, потому что их мы тоже организуем. Что же касается наибольшего спроса, то получить чёткое представление об этом до сих пор трудно. Мои собственные представления об уровне и качестве часто не коррелируют с количеством проданных билетов.

Как получается сочетать собственную творческую реализацию с организаторской деятельностью. Не является вторая помехой для первой, или наоборот?

Это один из самых болезненных вопросов. Я пианистка классической школы, и подготовка каждой новой программы требует многих часов за инструментом. А это огромная нагрузка — физическая, умственная, эмоциональная. И очень часто мои силы отнимает именно организационная работа. Потому что никто вместо меня не ответит на звонки, не сделает афиши, не напишет посты в социальных сетях, да и порядок в зале никто не наведёт. А хотелось бы ещё успевать поспать, хоть немного подвигаться и подышать свежим воздухом. Тем не менее стараюсь находить возможность выступить в стенах своего арт-пространства, иногда в сборных концертах, иногда в ансамбле с кем-то, опять же упомянутое немое кино с живой музыкой и детская сказка — это исключительно мои творческие проекты. Однако на что-то глобальное в творческом смысле сейчас не замахиваюсь, просто не остаётся времени и сил.

Организация мероприятий в ЧР — большой опыт взаимодействия с большим количеством музыкантов, поэтов, артистов. Какой Вам видится творческая среда Пензы, она чем-то специфична по сравнению с другими городами? Есть у неё какое-то «лица необщее выражение»?

Пожалуй, это тема для отдельного длинного разговора. В Пензе много творческих людей, способных создавать заслуживающее внимания искусство, но то ли они слишком заняты выживанием, то ли им недостаточно интересно, что делают другие. Во всяком случае очень часто предполагаю на том или ином событии в «Чёрном рояле» увидеть совершенно определённых людей, которым, по моим ощущениям, место в зрительном зале, но, увы, некоторые за год так ни разу и не добрались. Что же касается самих артистов, то наблюдаю такую тенденцию. Некоторые выбирают для себя путь авторского творчества, которое не приносит им денег, но даёт моральное удовлетворение. Другая часть — люди, старающиеся именно заработать музыкой, поэтому исполняющие кавера и выступающие в клубах и ресторанах. Но последние — не наша аудитория. Как недавно сказал мне один из приезжих музыкантов: если вы хотите зарабатывать, то есть много разных способов, и искусство — не лучший вариант. Думаю, это можно отнести и к деятельности «Чёрного Рояля», потому что это история не про деньги, а про искусство.

Как же удаётся выжить финансово?

Очень правильное слово — выжить. Удаётся, но с огромным трудом. О прибыли речи не идёт, всё заработанное уходит на аренду и насущные нужды «Чёрного рояля» — тут починить, здесь подремонтировать, это прикупить. Что же касается помощи, то можно рассчитывать только на немногих добрых людей, но они, увы, большими финансовыми возможностями не обладают. А те, у кого такие возможности есть, в поддержке подобных проектов не заинтересованы — или я просто о них не знаю. Получить грант от Президентского фонда культурных инициатив тоже не получилось. Так что говорить о светлых перспективах не приходится. Дважды за этот год я реально задумывалась о закрытии «Рояля», но каждый раз меня что-то останавливало. Когда после очередного концерта люди подходят и просто говорят: «спасибо, что вы есть» — я собираюсь с силами и продолжаю. «Если звёзды зажигаются, значит это кому-нибудь нужно». Поэтому пока я вижу, что многим людям действительно нужен «Чёрный Рояль», я буду продолжать.

Беседовала Вера Дорошина

ВАЛЕНТИН ВОРОБЬЁВ

ВАЛЕНТИН ВОРОБЬЁВ: «МОЯ ЗАДАЧА — ОБЛЕГЧИТЬ ЛЮДЯМ ЗНАКОМСТВО С ПОЭЗИЕЙ НА ВСЕХ УРОВНЯХ»

В январе этого года пензенские поэты из клуба «Риф» приняли участие в уже ставших традиционными чтениях самарского проекта «Цифра». Продолжением общения стала беседа с организатором литпроцесса в Самаре, поэтом Валентином Воробьёвым. Способны ли менять литературную жизнь города творческие микропроекты и частные инициативы? Есть ли спрос у публики на звучащую со сцены поэзию? Ответы на эти и другие вопросы читайте в интервью.

Валентин, как организатор и ведущий ряда заметных мероприятий и проектов в Самаре, в чём Вы видите специфику поэтической среды и поэтической жизни города? Сильна ли внутренняя борьба авторитетов, конкуренция, или же это относительно единое поле общего развития? Ориентация преобладает — на эксперимент / традиции определённого рода: какого именно?

Вера, здравствуйте. Катя Сим, самарский организатор и поэт, охарактеризовала Самару как «пространство микропроектов» — на мой взгляд, очень метко. В нашем городе практически отсутствует ощущение единого потока, который несёт к поэзии — причём эта раздробленность особенно ярко проявилась при смене последних поколений авторов, где-то в конце десятых. Один из старейших семинаров в Самаре, который ведёт Евгений Чепурных, практически никому не известен и собирает по десятку человек, местные проекты, связанные с авангардной литературой, как правило, не живут дольше пары лет. При этом закрытость для входа новых людей достигает космических масштабов — некоторые проекты приглашают людей на закрытые собрания только через личные знакомства — и проведя этих людей через условные собеседования. Что касается конкуренции — её нет. Свежие лица, желающие что-то сделать по-своему, появляются редко, так что в каждой литературной нише есть один, максимум — два «игрока».

И их аудитория, как правило, не пересекается. Сказывается узконаправленность проектов. С литературной ориентацией всё интереснее — ещё не кончилось влияние так называемого поколения «Орфея», которое было предельно текстоцентричным и больше склонялось к филологичным стихам — то есть «от поэта к поэту». Содержание всегда преваляло над жёсткой формой, верлибры были отличной основой для выходцев с филфака, обладавших серьёзной начитанностью. Но и условные «пушкинисты», следующие канону письма начала 19 века, вполне себе живы и набирают себе молодых неофитов достаточно усердно.

Проект «Цифра» с поэтическими чтениями и слэмами, фестиваль «Пятый. Свободный» — очевидно, что каждое направление преследует свои цели. Как Вы сами для себя определяете их, как разводите между собой?

Я всегда тяготел к серьёзным, структурным изменениям в том, что мне не нравилось. Если брать самарский литпроцесс — раздражало отсутствие системы, попав в которую человек, интересующийся поэзией, находил бы себе что-то по плечу. Читки — для зрителей, которые могут здесь увидеть живую пишущих людей, свободные микрофоны (та самая точка входа для молодых авторов) знакомят поэтов со сценой, семинары дают пишущим обратную связь, фестиваль показывает России наш город и знакомит самарцев с тем, что и как происходит в других регионах. Моя задача — облегчить людям знакомство с поэзией на всех уровнях, до которых могу дотянуться. Развод между собой — тоже интересный вопрос. Раньше я стремился к так называемому «зонтичному» брендированию, префиксу «Пятый» перед названием проектов. Это привело к складированию всех яиц в одну корзину — люди устали от ненужной информации, поэтому сейчас проекты называются по-разному, ведутся в соцсетях тоже в разных местах — но в нужный момент аудитория получает полную сводку о том, что и где происходит.

Подробнее о «Пятом.Свободном». В чём видится его специфика, уникальность по сравнению с другими фестивалями? На что Вы ориентировались, продумывая его концепцию?

Уникальным я бы его не назвал. Его структура практически повторяет саратовский «Центр Весны», от сбора участников до мероприятийного наполнения. И рассчитывал я именно на отработанность системы — в черте города фестивали не проводятся уже очень давно, и хотелось не оплошать во время условного дебюта. Главной задачей было знакомство и перемешивание поэтов из разных городов — в том числе и Самары, поэтому во главу угла я поставил Вечерние Чтения участников фестиваля — они проводятся в баре, так что поэтам проще находить общий язык.

Есть ли ощущение, что Ваши активности меняют пишущую среду города, и в чём именно это выражается?

Любая публичная активность что-то меняет. В этом отношении я не лучше и не хуже других организаторов литпроцесса, практически нет регулярных событий, которые кем-то не воспринимаются как «знакомство с литературой». Но да, мой вклад тоже что-то меняет. Я стал на постоянной основе коммерциализировать околотитературные события, потому что слишком долго продолжается риторика «если делать за деньги, то никто не придёт». А нездоровый энтузиазм и собственное меценатство доведут до выгорания, потому что постоянные вложения в реализацию проектов очень истощают. В итоге мы собираем полные залы, поэты видят живых слушателей, слушатели получают хорошо организованный вечер с музыкой и разными приятными бонусами, а организатор может купить себе пару книжечек на положительную разницу в графе «доходы/расходы». И, что самое главное, выводит местную поэзию из маргинализованного положения, где все вынуждены ютиться где Бог пошлёт, прямиком на хорошие площадки и совершенно другую, непривычно-внимательную публику. И такое происходит и с другими проектами.

Вы тратите много сил и времени на литературную деятельность, в чём видите отдачу и смысл этого всего лично для себя?

Мотивация проста и эгоистична — я хочу читать хорошую поэзию, написанную авторами моего родного, горячо любимого города. А значит, нужно отдавать что-то взамен. Ну и деньги, конечно, тоже приятно получать.

В саратовском литературном клубе «Вереск» Вы выступали с лекцией по организации литературных проектов и мероприятий. Если резюмировать, что главное в этом деле? Какими качествами, профессиональными и человеческими, должен обладать организатор литературного процесса?

Как ни странно — никаких профессиональных различий между хорошим менеджером в условной юридической фирме и организатором литпроцесса нет — необходимы хорошие навыки коммуникации, способность разобраться в том, что хорошо, а что плохо, и умение сделать структурный план, как сделать хорошего больше, а плохого — меньше. Ну, желательно поэзию всё-таки читать на постоянной основе. А человеческие качества... Наверное, только одно — способность думать о людях, для которых это всё делается, а не только о своих, личных, внутренних «хотелках».

Беседовала Вера Дорошина

ЖАТЛО

ВАЛЕРИЙ ГОРЮНОВ

ТЕЛО, СМЕСЬ И БЕЗДНА

О ЗИНЕ РОСТИСЛАВА РУСАКОВА «КИСТЬ ЕСТЬ ПАСТЬ» (САМИЗДАТ, 2024 Г.)

«Кисть есть пасть» — второй зин Ростислава Русакова. До него автор с 2022 года собрал и сшил под коллажными обложками из старых книг и журналов 225 экземпляров книжек «рыба хочет пить», распечатанных на школьных черновиках стихов. В 2024 году поэт продолжил эту традицию, но уже с другими текстами и с изменённым методом оформления: теперь страницы издания скрепляются двумя нержавеющими болтами. Такое оформление делает каждый зин уникальным и полимедиальным целым, сочетающим в себе поэзию, коллаж и концептуальные иллюстрации из случайных черновиковых нарезок.

Оформленные тексты объединены, на мой взгляд, единым сюжетом, осколки которого зашиф-

рованы в омонимии названия: кисть — «часть руки» и «приспособление для рисования» и «виноградная кисть», одна из версий эдемского плода греха и падения; пасть — «падать» и «рот животного» (второе значение может быть расширено до «бездны»). Слово «есть», на мой взгляд, выступает как глагол «быть» в наст. времени и служит для скрепления непохожих явлений, а также синоним слова «вкушать». Следуя за значениями, можно выделить 3 условных слоя в зине: телесный (кисть в 1-м значении), художественный (кисть во 2-м значении) и ментальный («вкушать» и «плод грехопадения», а также пасть как «бездна»). Чтобы разобраться в текстах, нужно рассмотреть каждый слой по отдельности.

1. ТЕЛЕСНЫЙ СЛОЙ

В стихах Ростислава нет привычного поэтического «я», его заменяет «нулевое лицо», но при этом присутствует тело, которое «скручено костром», бьётся («жаль мизинчики кончились»), ранится («но в раздробленной кисти стоишь...»), «рана в себе расшторена»), искажается («язык коротит»), болеет («щебечет скарлатина») и др. Все эти физические раны можно считать метафорами душевных, но указание на телесность помогает при чтении почувствовать материальность / хрупкость стихов.

Форма отдельных строк тоже калечится, скручивается и искажается:

*ещё побоюсь уйдёшь перестану
странных привычек тугой клубок да
(...)*

*корм отцовый омытый натронный слом
пломба сорвана кромка сбита*

В последнем случае на уровне звукописи и смысла отдельных слов («слом», «сорвана», «сбита») тело произведения переламывается, создавая эффект трагедии, скрытой от понимания.

Также с помощью словесных поломок воплощается страх:

*пасть успеешь разуться бы труп
человека замершего словно пясти
на морозе бешенном пять минут
и подплавятся кисти лежать бояться...*

Первая строка легко расшифровывается как «пасть успеешь разуть ты труп» — испуг на уровне формы воплощён в искажённом написании слов. А всё стихотворение, смешивая в себе мороз, весну и смех, заканчивается строкой «как мы все плетущиеся с той на ту» — произведение завершается страхом смерти.

Телесный слой этих текстов на уровне формы и содержания позволяет ощутить их как единый живой организм, который непрерывно ранится и разбивается, в частности о стенку непонимания читателя.

2. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СЛОЙ

Поэтическая форма воплощает идею слома и ранения, потому зин «кисть есть пасть» в основном состоит из гетероморфных стихотворений:

*то дрожащие под
колосниками стёкол то
тенью стекающие по стенам над
беззащитными звёздами окон шипящие
капюшон от осколков прожжённый
мат наспех поставленный в ночь ежами
его не сдержать и кому рожали
град под пеплом над пеплом град
снежный рой часовой шестернёй в пижаме
хрупок притуплен взгляд
жарким адом растущим в пяту*

ужаленный бедный маленький мамин

неспящий камень

еле жив на посту

На уровне содержания каждое произведение кажется коллажем из разных явлений и слов, которые удерживаются ритмикой и созвучиями. Коллаж зина настолько герметичный, что за рябью явлений невозможно проследить внутренние связи. В стихотворении выше одновременно сосуществуют противотанковые ежи, ставящие мат, звёзды, дрожащие, шипящие, хрупкий взгляд, ужаленный в пята камень-Вещий-Олег (более тонкие ассоциации: апостол Павел — ср. «смерть, где твоё жало» из посл. Коринфянам и Ахилл, Адам) и т. д.

Чтобы понять метод написания этих произведений, на мой взгляд, нужно представить себе художника-экспрессиониста, который погружает кисть не в краски, а в слова с полным учётом их семантической вертикали и скрытые за ними явления, и наносит их, подчиняясь языковой интуиции и собственным чувствам. Или иначе: алхимик интуитивно смешивает реагенты, пытаясь эмпирически отыскать новые свойства вещества. И в том и в другом случае должно присутствовать некое пред-чувствие, которое не превратит смесь в хаос. В стихотворении «то дрожащие под...» это переживание-воспоминание, возможно, детское, где каждое явление (прочитанное или вымышленное) значимо: прожжённый капюшон, пижама, Град Господень или Помпеи, проигранная партия в шахматы с самим собой, увиденные ёжи, рана Олега и раненный «маленький мамин» камень от удара ногой — всё это переживается как единое целое в рамках дня или стихотворения. Общая интонация-чувство произведения: сожаление, а учитывая современные коннотации слова «град», ещё и бессилие.

Выявленное чувство приблизительно: я стремлюсь свести смесь переживаний в одно, забывая о том, что само чувство переламывается, стремясь создать новые связи. Стихотворение с таким же успехом творит эффект присутствия материи и мифа и переживание беззащитного детства вещей. Что тогда отличает это произведение от хаоса, где всё соединяется со всем? На мой взгляд, длина стихотворения и сокращённое количество элементов в нём. Поэтому стихи зина важно читать по-отдельности, внимательно следя за цепочками ассоциаций.

3. МЕНТАЛЬНЫЙ СЛОЙ

Несмотря на то, что каждое произведение — уникальное художественное целое, как клетка внутри организма, есть ещё одна важная практика, пронизывающая весь зин: травмоговорение. При этом субъект полноценно не появляется, а становится равноправным элементом среди других, создавая эффект исповедальности и материальности. Ростислав не рассказывает истории, он создаёт связи и сломы, а точнее показывает шрамы как свидетельства этих историй.

В стихах можно отыскать связанные с травмоговорением мотивы одиночества и страха расставания:

*[...] не вместившихся в страх зрочка отдельные ресницами лишнее чистый хаос
расчёсанный пылегазовый бюст
ключ от фразы останься пока я
ещё побоюсь уйдёшь перестану
странных привычек тугой клубок да
уснула рана проснётся рана
навсегда одинока*

Переживание отчаянья:

*[...] хром побитый будто бритвенный о висок
ну молитва а что молитва
на зубах песок*

Страха близкой смерти, несправедливости, потери родных и близких. Всё это смешано с бытовыми воспоминаниями, детскими драками, переживаниями зеркальности внутреннего и глобального и т. д. Ментальный слой, слой бездны («пасть») чувств и страхов, который напрямую связан с телесным, делает произведения глубоко личными, но не сводимыми к одним только психологическим травмам.

Три слоя в текстах Ростислава дают нам ориентиры для прочтения зина «кисть есть пасть», однако попытка создать систему прочтения настолько герметичной поэзии заведомо обречена на провал. На мой взгляд, главное, к чему стремится Ростислав — это вещь- и миротворчество, поэтому слои и элементы, которые я выделил, возможно, (особенно если учесть, что это уже второй зин — новая часть долгосрочного проекта) являются только клетками в сложнoустроeнном организме.

ТЕХТОРНЫМ

АННА ГУНДАРОВА

КРАЙНЯЯ СТЕПЕНЬ РОДСТВА

1

ни осени ни света. на манту
веду ребёнка чернота дороги
присыпанная вторником молчит
и ёрзает в карманах на ходу
как вымышленный друг четвероногий
врослись ключи
в тактильность шерстяного «не хочу»
но помнить обязательно — усни
и высыпись пылинкой и зерном
вкус крови заполняет алычу
и натирает краешек ступни
своим «идём помедленней»
«идём»

от каждого по солнцу кто навстре
едва проткнув улыбку языком
тень детства шевелится на костре
/средневековом радостном костре/
не знающая смерти ни о ком

2

бензопилы пьют хвойный шорох
не чокаясь и не пьянея
и вот итог
спи двуглавый росток
запетлявший корнями из Энгельса на восток
через весь вулканический морок ложась в песок
спи в неоновом шлейфе нажавшего кнопку пуска
этой осени
для таких же как ты для таких же как я
и тот
кто однажды такое же имя себе возьмёт
будет братом/сестрой из которых теперь растёт
исусово дерево с надписями на русском

вечность так же сыра, как земля что два метра под
 этим словом
 что дальше? а дальше кротовый ход
 и открой ты глаза как он тут же тебя найдёт
 так что лучше не надо пусть он нас найдёт нескоро
 мы упорно молчим уступив бензопилам
 чат
 прочитать невозможно /классический код врача/
 у меня есть полжизни с тобой разговор начать
 ну до тех пор пока в этой жидкости ровно сорок
 дней ли градусов неизвестно /тут сам Моисей не знал/
 на какую из гласных прощально звучит вокзал
 догадаться несложно
 звук бензопилы
 овал
 четверга и субботы где я поднимаю руки
 чтоб коснуться щеки и ладонь согревает ком
 сырой вечности мяса земного момент знаком
 для того чтоб понять что вся правда отныне в том
 что для нас не осталось ни осени ни разлуки

Левая сторона наклоняется к правой. Неправильно.
 Пусть и направлено
 время вспять, пусть даже в кучу свалено,
 пусть даже с этим красным светом отчасти смешано —
 вот тебе спелое вкусное яблоко, Ева, съешь его.
 Да, с кожурой, да, прямо с ветки, немывтое.
 Ни одна чтобы тварь не могла усомниться, сытно ли,
 с этой секунды, с этого камня острого, с этого
 места... выскобленного по краю, до корки съетого...
 Жри, закрывая глаза, будь послушной ниточкой,
 тросом швартовым,
 чугунным непарным кнехтом.
 Яблоко выпустит корни невинно вполголоса — грех-то,
 грих-то який вимахав у мертвих твоїх фалопієвих, діточка...

1
 после вечера станет жалобно
 станет жалиться и ругаться
 как соседская речь или голос рекой человеческой начнёт притворяться
 или луч бельевых свежих вмятин на воздухе
 сваренных утр качается медленно
 разминая пространство как тесто
 и вот друг на друга наклеплено

майское наше неравенство вместо
морского укачивания на Тихом
ясновидцам отдай сигарету и сердце
всё равно не срастётся на лиговском
встретиться
/ни до и не после/
летом

2

но прежде наяву по лёгким спицам крыльев
до краеведческих уроков помнись мне
ведь бедокурающее тело не содеет и не решится быть вполне
любимым
когда же спросит — кто хочет жить так чтобы быть любимым
признайся что ни ты ни я ни кто-либо ещё
не сможет совладать
и сделать мир счастливым
а только неприкаянно-густым
клубящимся туманом
воспротивься птенцом спасавшимся от зим
в моих руках
вполсмерти ключ
вполоборота клич
вполкрика стих и тот на середине
не скажется никем
но кажется что стих
июльский шелест над чернильно-синим
свечением земли
уже давно пора
и в лобовое пыльное я вижу то же лето
что мальчик из соседнего двора
смотрящий на случившееся это
незримое присутствие твоё
со мной со мной со мной
хоть иногда

...

и ничего не будет мне за это

каратели
ямы где справа от спелых садов
в июль
пока ещё можешь
пора тебе
у берега свой поджидать улов
из пуль
но всё же
признателен

останешься с небом
 наедине
 в расщелине
 чулана
 где-то внутри вещей
 в безвременье
 не чертыхайся
 лови момент
 и склеивай
 листовы в кулаке
 проездной билет
 аллеи свай
 возводят жилища
 из желудей
 для страсти
 как
 здоровая пища
 живых людей
 из пластика

внутри меня нет радуги, смотри
 вот тут Нева, а тут уже лейкоз
 растаскивают дружно воробьи
 по веткам округлившихся берёз
 в балансе сна и плача за стеной
 химерный свет что притворился мной

всё было словом блёстками... вода
 была ещё снаружи гжель цветком
 и лето превращалось в никогда
 и раздувались жабры где-то в нём
 а я малыш сажу на берегу
 и ничего поделать не могу

песчинки движутся до центра и назад
 успеть до лета.../господи прости/
 но снег встаёт в лейкоцитарный ряд
 и выпадает около шести
 статичны только между берегов
 тринадцать чёрных точек рыбаков

так голос вязнет в лестничном пролё
 я легче неба но ещё не смерть
 так просит трубку взять твоё аллэ
 и посмотреть /но мне нельзя смотреть/
 насколько этот белый сон зубчат

и только ангелы подковами стучат

кварцевание правильных слов
растроись раствориись /как хотел/
в поразительном крахе весны
там где камня уже не осталось
с полигонов ракетных богов
разлетается в пыль чистотел
только вместо его желтизны
на руках ощущается алость

это крайняя степень родства
бытия цветовой формуляр
где кочующий выдох сквозит
по ступням и горячим коленям
когда сын досчитает до ста
усмехнётся Иисус-супер стар
-ничего вам теперь не грозит-
и утонет в рязанских аллеях

земляная припухлость зудит
на расчёсанных ветром полях
плексигласовый нимб из фикс прайс
зависает над миром мигая

я проснулась чуть раньше буди...
было пять двадцать пять на часах —
вместо третьей уже началась
любовь
первая
мировая

СОДЕРЖАНИЕ

4 — ПОЛИФЛЁР

6 — МАРИНА ГЕРАСИМОВА, стихи

«Участница литобъединения „Риф“, раньше активно занималась организацией литературных движух в Пензе. Соорганизатор фестиваля „Мурмураль“. Состою в редколлегии альманаха „Рой“. Фотограф, журналистка, автор 4-х поэтических сборников. Публиковалась в журналах „Сура“ (Пенза), „Графит“ (Тольяти), „Edita“ (Германия), „Вокзал“ (Санкт-Петербург), „Подъём“ (Воронеж) и др.».

11 — SOMEBODY ВО, стихи

Поэт, фотохудожник, музыкант, автор масштабного проекта «Лунопись».

16 — АННА КОНОВАЛЕНКО, стихи

Поэт, художник. В стихотворениях любит видеть новый мир, мифологию образов. Соорганизатор поэтического фестиваля «Мурмураль». В 2025 году выпустила сборник стихов «Безлюдье».

21 — СЕРГЕЙ ДОЧКИН, стихи

«С чьей-то лёгкой руки называется поэтом, хотя и диагностирует у себя „синдром самозванца“. От идеи, что стихи могут изменить мир, пока не отказывается. К тексту на бумаге относится с подозрением, но пока лучшего способа передачи не придумано, пользуется. Опубликованной подборкой прощается разом с несколькими этапами жизни и творчества».

26 — КСЕНИЯ СОЛДАТКИНА, стихи

Автор песен, певица. Участница проекта Х U (стихи Ксении Солдаткиной и электронная музыка Андрея Борисова).

30 — ЕЛИЗАВЕТА ВИОЛОНОВА, стихи

Солистка группы Flowers In Furs. Лауреат конкурсов «Всемирный Пушкин», «От Фонаря», «Отечества священная палитра», финалистка конкурса «Собака Керуака», участница Чемпионата Поэзии им. Маяковского, «Филатов Феста», лонг-листер премии «Лицей».

- 34** — **НИКИТА ДАВЫДОВ, проза**
Родился в Пензе в 1980 году. Автор книги повестей и рассказов «Привилегия выбора». Публиковался в журналах «Сура», «Мы», «Литературная учёба», «Зарубежные задворки», «Четверговая соль».
- 39** — **АННА КОРЖАВИНА, стихи**
С 2020 г. член редколлегии независимого литературного альманаха «Рой» (Пенза), с 2021 по 2024 г. главный редактор литературного журнала «Четверговая соль» (Пенза), сейчас там же редактор по работе с иногородними авторами. Автор четырёх поэтических книг: «Слушаю звёзды» (2005), «Танец с прошлым» (2008), «Яблоня из строки» (2015), «Лестница в сад» (2021).
- 41** — **АЛЕКСЕЙ ФИЛИН, стихи**
«Мне 35 лет, родился и живу в Пензе. Начал писать стихи в 19 лет. Участник поэтического проекта „Врифму“. Публиковался мало и редко, есть своя книга со стихами. Мои основные темы — рефлексия, любовь и ненависть, реже — гражданская лирика. В 2024 году через нейросеть „Suno“ срежиссировал музыкальный альбом под названием „Город“. Стихи, которые легли в основу песен, я хочу вам показать».
- 44** — **АННА МАРТЫШИНА, стихи**
Автор сборника стихов «Узлы», соредактор альманаха «Рой», соорганизатор фестиваля «Мурмураль».

48 — ○ СОТЫ

- 50** — **ИЛЬЯ МАТВЕЕВ, стихи**
Поэт, переводчик, художник. Родился во Владивостоке в 1986 году, учился живописи в Пензе, живёт и работает в Каменке Пензенской обл. Занимается жанровой поэзией, озвучивает свои стихи и песни. Самостоятельно иллюстрирует свои книги. Их много.
- 51** — **ВИКТОРИЯ КАЛЯШИНА, стихи**
Родилась в 1990 в Пензе. Закончила ПГПУ им. Белинского (журналист с правом преподавания русского и литературы). Соавтор книги «Песня форели» (2014), автор поэтического сборника «Посолонь» (2021).
- 52** — **ВЕРА ДОРОШИНА, стихи**
Автор нескольких сборников стихов, публикаций в журналах «Дети Ра», «Перископ», «Сура», «Четверговая соль», «Менестрель», «Симбирскъ», альманахе «Графит» и др. Участник нескольких фестивалей «Центр Весны» (Саратов), лонг-листер премии им. А.И. Левитова, соорганизатор фестиваля «Мурмураль» (Пенза).

- 53** — **ВАДИМ БОРЗИХИН**, *стихи*
Родился в селе Покровская Арчада Пензенской области. Публиковался в журналах «Юность», «Нижний Новгород» «Сура», «Четверговая соль», в поэтических альманахах «Рой», «Земляки», сборнике фестиваля «Мурмураль». Участник Межрегиональной мастерской АСПИР (Казань, 2023), Форума молодых писателей России «Липки» (г. Звенигород, 2023). Автор поэтического сборника «Двадцать/Девятнадцать» (Чехия, Прага, 2021).
- 54** — **АНТОН ШУМИЛИН**, *стихи*
Публиковался в журнале «Флаги», альманахе «Графит». Соорганизатор фестиваля «Мурмураль». Соредатор альманаха «Рой». Соучастник клуба «Риф».
- 56** — **ЕВГЕНИЙ ЖУКОВ**, *стихи*
Поэт, музыкант, занимается организацией концертов и культурных событий.
- 57** — **БОРИС ГЛУБОКОВ**, *стихи*
Родился в 1967 году. Выпускник Саратовского художественного училища и РГУ (заочно). Публиковался в альманахах «Дети Ра» и «Другой берег», газетах «Поэтоград», «Заря молодёжи», «Большая Волга» и др. Участник поэтических фестивалей «Другие» (Москва) и «Центр весны» (Саратов).
- 58** — **АЛЕКСАНДР МИЛОВАНОВ**, *стихи*
Родился в Пензе. Автор и исполнитель песен. Финалист III конкурса поэтов «Время колокольчиков. Прямая речь», посвящённого А.Н. Башлачёву (2024), участник всероссийского поэтического фестиваля «Мурмураль» (2024).
- 59** — **СЕРГЕЙ ЖИДКОВ**, *стихи*
Родился в пос. Вадинск Пензенской области. Кандидат исторических наук. Соавтор в книгах «Дым интуиции», «Рыцари вдохновения». Публиковался в журналах, коллективных изданиях в России и за рубежом. Лауреат конкурса им. А. И. Куприна «Гранатовый браслет», областного фестиваля им. Д. Д. Злобиной, фестиваля «Пальма и Орфей» и др.

60 — ◦ БОРТНИЧЕСТВО

- 62** — **НАДЯ ДЕЛАЛАНД**, *стихи*
Писатель, член СРП, литературный критик, кандидат филологических наук, практикующий психолог, арт-терапевт, генеральный директор центра арт-терапии и интермодальной терапии искусствами «Делаландия». Публиковалась в журналах «Новый мир», «Арион», «Дружба

народов», «Звезда», «Знамя», «Нева», «Волга», «Новая юность», «Сибирские огни», «Литературная учёба», «Урал», Prosodia, «Вопросы литературы», «Слово/Word», «Фома» и др.

- 66** ————— **РОМАН ТОЧИЛИН, проза**
Родился в СССР, живёт в Тольятти. Пишет стихи и немного прозы. Публикации в сети Интернет, в литературной периодике и в многочисленных межавторских сборниках. Лауреат и дипломант различных литературных конкурсов, в том числе международных.
- 72** ————— **СЕРГЕЙ СКУРАТОВСКИЙ, стихи**
Живёт в Нижнем Новгороде. Психолог, преподаватель. Автор сборников стихов «Сиятельный чертополох» (2019) и «Мифология дороги» (2024). Участник проекта «Светлояр русской словесности» с 2013 года. Призёр Болдинского слёта молодых литераторов 2016 года. Лауреат национальной литературной премии «Лицей» (2023) и Международной литературной премии «Звёздный билет» (2023) шорт-листер (2021) и эксперт-ридер (2024) литературной премии «Болдинская осень».
- 75** ————— **СВЕТЛАНА САГАЙДАК, стихи**
Родилась в 1989 году в Саранске (Республика Мордовия). Российская поэтесса, писатель, филолог. В 2023 году отобрана в 1/4 финала Всероссийского фестиваля молодой поэзии «Филатов Фест». Участница международного проекта «Диалоги с творчеством».
- 80** ————— **НАДЕЖДА КНЯЗЕВА, стихи**
Поэт, переводчик. Член Союза писателей России с 2009 года. Автор шести книг стихов, лауреат литературных конкурсов и фестивалей «Филатов Фест», «Русские рифмы», «Северная звезда», «Собака Керуака», «Всемирный Пушкин» и др. Шорт-лист премии Левитова и премии «Болдинская осень». Пишет англоязычные тексты для рок-групп.
- 84** ————— **АНАСТАСИЯ ЛИПИДИНА, стихи**
Саратовская поэтесса, филолог, психолог. Руководитель поэтического клуба «Цыц», член поэтического клуба «Вереск». Стихи публиковались на ресурсах «Формаслов», «Textuga», «Метажурнал», «Полутона».
- 88** ————— **МИХАИЛ БОГАТОВ, стихи**
Родился в 1980 году. Профессор Саратовского госуниверситета, философ, прозаик (автор романов «[Ко]Миссия», «Имя Твоё», «Быть вполне»), поэт, критик. Организатор Всероссийского фестиваля «Центр Весны» (Саратов).

- 92** ————— **ДМИТРИЙ МАНАЕВ**, *стихи*
Родился в 1979 году в Саратове. Постоянный участник фестиваля «Центр Весны». Публиковался в различных литературных журналах. Автор сборника сонетов «Уродство и абсурд» (издательство «СТИХИ», Москва, 2024).
- 94** ————— **МАРИЯ ОДИНОКОВА**, *стихи*
Родилась и живёт в Саратове. Малая родина — Аткарск (Саратовская область). Закончила обучение на философа в СГУ им. Чернышевского. Поэтесса, фотограф. Участница Декабрьских поэтических чтений и фестивалей «Центр Весны» (Саратов) и «Мурмураль» (Пенза). Состоит в саратовском поэтическом клубе «Цыц». Стихи публиковались в фестивальных поэтических сборниках.
- 98** ————— **МАРГАРИТА АРДАШЕВА**, *стихи*
Живёт в Ставрополе. Участница XV и XVI Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (г. Звенигород). Произведения опубликованы в журналах «Дарьял», «Новая юность», «Сура» и др.
- 102** ————— **НАТАЛЬЯ КРАСЮКОВА**, *стихи*
Родилась в 1987 году в подмосковной Коломне, там и живёт. Пишет стихи, прозу и песни. Публиковалась в журналах «Москва», «Нижний Новгород», «Наш современник», «День и ночь», «Земляки», «Студенческий меридиан», «Форум», «Формаслов», в «Литературной газете», «Коломенском альманахе», сборнике «Ветер в ивах». Выпустила книги стихов «Высокая вода» и «Касьянов день».
- 106** ————— **ДМИТРИЙ КАРЕЛОВ**, *проза*
Русский писатель. Родился в городе Пензе. Живёт в городе Санкт-Петербурге. С 2019 по 2024 вёл собственный веб-альманах современной прозы «Внеклассовое чтение» — ныне закрыт. В сферу интересов входят литература зарубежного модернизма, русский символистский роман, славянский фольклор, русская философия, европейский традиционализм. Пишет заметки о культуре и прозу.
- 112** ————— **АННА ВОЗМИЩЕВА**, *стихи*
Родилась в 2006 году в Кирове. Студентка Вятского художественного училища им. А. А. Рылова. Публиковалась в газетах «Мы вместе», «Чистый понедельник», в сборнике «Поэты ВХУ». Дипломант молодёжного фестиваля самодеятельной песни «Зимородок» в номинации «Поэзия» (2024). Автор сборника стихов «Внутреннее дерево» (2024).

- 116** — **ИРИНА ПЛОТНИКОВА, стихи**
Стихи пишет с детства. Лауреат I степени фестиваля «Витебский листопад» 2023 года. В 2024 году выпустила поэтический сборник «Стихи постоянно приходят за мной».
- 118** — **АНТОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕРЛИБРЫ:**
- 119** — **УЛЬЯНА САВИНА, стихи**
Родилась в 1987 году в деревне Большая Званица Тверской области Удомельского района. Живёт в городе Удомля. Автор журнала «Плавучий мост» (Германия).
- 122** — **СЕРГЕЙ ИВКИН, стихи**
Поэт, художник, критик. Родился в 1979 году на Урале, получил художественное образование, работал в сувенирном бизнесе, в музыкальном клубе, преподавал в университете. Сейчас главный специалист отдела культурных программ в Свердловской областной библиотеке им. В. Г. Белинского, преподаватель семинара Студии издательства «СТИХИ». Выпустил 12 книг стихотворений.

126 — ○ ПРОПОЛИС

- 128** — **СЕРГЕЙ СУМИН, стихи**
Родился в 1973 году. Живёт в Тольяти. По образованию — филолог. Поэт, эссеист, литературный критик, главный редактор альманаха «Графит» (2011–2021 гг.), автор книг стихов и прозы «Письмена листвы», «Слова и мёд», «Кольцо» и «Метаморфозис», куратор фестивалей поэзии Поволжья (2013–2021 гг.).

132 — ○ ПЕРЕВОДЫ

- 134** — **РОБЕРТ КРИЛИ**
- 138** — **КОУЛ СВЕНСОН**

Перевод с английского Александра Фролова

Александр Фролов — переводчик, поэт, прозаик и музыкант. Участник пензенского поэтического клуба «Берега». Вышли 3 авторские книги и две переводческие (Кларка Кулиджа и Рейчел Блау ДюПлесси) совместно с другими переводчиками. Публиковался в печатных изданиях и сетевых проектах: «Цирк-Олимп», «Солонеба», «TextOnly», «Литература», «Полутона», «Флаги», «Воздух», «Всеализм». Напечатаны стихи и фотографии в двух номерах журнала «Рой».

142 — ФОТОПРОЕКТ

143 — ЕВГЕНИЯ ФРОЛОВА

«ФИКСИРУЯ ВЕЧНОСТЬ»

Родилась в 1992 году в Пензе, где и живёт. Документальный фотограф, фотокорреспондент, фотохудожник. Окончила фотошколу Докдокдок (Санкт-Петербург, 2023) и Школу проектной фотографии (Самара, 2023). Участник международных (СРОУ, Photo-phyllis и др.) и российских (National Geographic, РГО и др.) выставок и конкурсов. Зины автора хранятся в библиотеке музея современного искусства GARAGE. Работает с темами российской идентичности, урбанистики, с личными историями.

154 — ИНТЕРВЬЮ

156 — «ЧЁРНЫЙ РОЯЛЬ» — ЭТО ИСТОРИЯ ПРО ИСКУССТВО. ИНТЕРВЬЮ С АНАСТАСИЕЙ СУДНЕВОЙ

163 — ВАЛЕНТИН ВОРОБЬЁВ: «МОЯ ЗАДАЧА — ОБЛЕГЧИТЬ ЛЮДЯМ ЗНАКОМСТВО С ПОЭЗИЕЙ НА ВСЕХ УРОВНЯХ»

168 — ЖАЛО

170 — ВАЛЕРИЙ ГОРЮНОВ

ТЕЛО, СМЕСЬ И БЕЗДНА. О ЗИНЕ РОСТИСЛАВА РУСАКОВА «КИСТЬ ЕСТЬ ПАСТЬ»

Поэт, педагог, редактор онлайн-журнала «Всеализм». Родился в Евпатории. Окончил Таганрогский педагогический институт им. Чехова. Публиковался в интернет-изданиях «Флаги», «полутона» и «Солонеба». Лонг-лист премии им. Аркадия Драгомощенко (2021).

174 — ТЕНТОРИУМ

176 — АННА ГУНДАРОВА, стихи

«Живу и работаю в городе Энгельсе Саратовской области. Окончила исторический факультет Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Ссылка на мой тг-канал: https://t.me/erzone_wrt (третья положительная)».

... страницы
... на
... поэзии
... педагог
... м
... об
... Москв
... аг
... Бельги
... (ильн
... и
... пр
... Глубоко
... Над
... Анна В
... Свен
... с Ана
... ТЕНТОР
... ст
... в том
... в сфере
... тому
... а пр
... в оцен
... совершен
... а м
... являетс
... само со
... субъек
... (из М
... на стра
... в фокусе
... которая, на
... постоянному А
... стихи Somebo
... стих
... ж